МАННЕРИНГЪ.

МАННЕРИНГЪ

ИЛИ

АСТРОЛОГЪ,

СОЧИНЕНІЕ

СИРА ВАЛТЕРА СКОТТА,

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО,

ИЗДАННЫЙ

Владиміромъ Броневскимъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1824.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Февраля 28 дня 1824 года. *Адъюнктъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.*

МАННЕРИНГЪ

или

АСТРОЛОГЪ.

ГЛАВА I.

Въ первыхъ числахъ Ноября 17.. года молодый Англичанинъ, окончившій науки въ Оксфордскомъ Университетѣ, опредѣлилъ первыя минуты свободы на обозрѣніе части сѣверной Англіи; любопытство побудило его продолжать путешествіе до страны, которую можно назвать сестрою Шотландіи. День, съ котораго начинается сіе повѣствованіе, посвятилъ онъ на разсматриваніе развалинъ одного монастыря въ Графствѣ Думфрійскомъ. Много времени провелъ онъ въ списываніи живописнѣйшихъ видовъ; уже наступалъ пасмурный вечеръ осени,

когда сѣлъ онъ на лошадь, чтобы ѣхать далѣе.

Ему надлежало проѣхать обширную пустыню, простиравшуюся на нѣсколько миль, на коей росъ частый и непроходимый терновникъ. На семъ пространствѣ коё гдѣ возвышались холмы въ видѣ островов, разбросанныхъ посреди моря и мѣстами представлялось глазамъ нѣсколько обрабатываемой земли, а на оной колосья съ недозрѣвшими еще хлѣбными зернами; на пригоркахъ видимы были хижины покрытыя соломою, или фермы осѣняемыя одною, либо двумя ивами, заросшими со всѣхъ сторонъ дикимъ кустарникомъ. Жилища сихъ островитянъ соединялись проложенными между терніемъ тропинками, непроходимыми впрочемъ никѣмъ, кромѣ обитателей страны сей. Большая дорога была однакоже довольно хороша и неопасна для тѣхъ, кои на ней могли быть застигнуты ночью; но ѣхать одному, въ темнотѣ, путемъ незнакомымъ непрі-

ятно, и особливо если у кого воображеніе воспламенено, что и могло быть въ положеніи подобномъ тому, въ какомъ тогда находился Маннерингъ.

По мѣрѣ какъ убавлялся свѣтъ, терновникъ, казалось, становился чернѣе и гуще. Нашъ путешественникъ не пропускалъ никого изъ встрѣчавшихся съ нимъ, не спросивъ, далеко ли еще до Каппилепрингана, мѣстечка, въ которомъ онъ располагался переночевать. Обыкновенный отвѣтъ на сей вопросъ состоялъ въ вопросѣ же, откуда онъ самъ ѣдетъ. Пока было еще довольно свѣтло, чтобъ видѣть по его одеждѣ, что онъ человѣкъ высшаго сословія, то вопросы ему дѣлаемы были въ видѣ предположеній, на пр.: „Милордъ конечно былъ въ древнемъ Аббатствѣ Голикросскомъ?" (Многіе Англійскіе вельможи ѣздятъ его смотрѣть.) Или: „Ваше Высокородіе конечно изволите ѣхать изъ замка Пундерлупата?" Но когда не иначе, какъ только по голо-

су возможно было разпознать его, што запросы приняли другой оборотъ: „А за чемъ вы на эдакой дорогѣ и въ такое время?" Или такъ: „Ты пріятель не здѣшній?" Хотя онъ и получалъ нужные ему отвѣты, но совершенно несвязные и неудовлетворительные. Сперва до Каплетрингана былъ порядочный кончикъ дороги, потомъ этотъ порядочный кончикъ означился точнѣе въ трехъ миляхъ, немного спустя, изъ трехъ миль вышла съ небольшимъ миля, которая потомъ опять обратилась въ четыре мили или около того. Наконецъ голосъ женщины, которая старалась унять ребенка, плакавшаго на ея рукахъ, увѣрилъ его, что еще далеко до Каплетрингана, и что для пѣшеходцевъ дорога нехороша. Бѣдная лошадь, на которой ѣхалъ Маннерингъ, вѣроятно разсуждала, что дорога и для нея не лучше, какъ и для женщины, о томъ говорившей; она стала передвигать ноги медленнѣе, отвѣчать побуждавшимъ ее шпорамъ

какимъ-то стономъ и спотыкаться о каждый попадавшійся ей подъ ноги камень, коимъ путь былъ усѣянъ.

Маннерингъ начиналъ выходить изъ терпѣнія. Вдали въ одномъ или двухъ мѣстахъ показался огонекъ, подавшій ему надежду скоро окончить путь; но подъѣхавъ ближе, онъ увидѣлъ, что этотъ огонекъ свѣтился изъ упомянутыхъ жилищь, въ кустарникахъ находившихся, до которыхъ ему не возможно было добраться, особливо ночью; въ добавокъ къ симъ затрудненіямъ, онъ наѣхалъ на одно мѣсто, въ коемъ дорога раздѣлялась надвое. Ежели бы ночь была не столь темна, то онъ по крайней мѣрѣ постарался бы разобрать остатокъ надписи на столбѣ, поставленномъ для означенія дороги; но едва ли бы не остался при томъ же: потому что, лишь только успѣютъ сдѣлать сіи надписи, какъ онѣ, по милому обычаю сей доброй стороны, уже измараны. И такъ путешественникъ нашъ, какъ древ-

ній заблудившійся рыцарь, принужденъ былъ ввѣриться премудрости своего коня, который безъ дальняго размышленія поворотилъ на лѣво, и удвоивъ шаги, подалъ своему хозяину надежду, что онъ по естественному побужденію чувствуетъ невдалекѣ желанную имъ конюшню. Сія надежда однакоже не скоро была исполнена, а Маннерингъ, коему каждая минута казалась за четверть часа, начиналъ уже думать, что Каплетринганъ отъ него удаляется по мѣрѣ усилій доѣхать до него.

Ночь была пасмурная; хотя изрѣдка и показывались звѣзды, но ихъ сверканіе производило свѣтъ мгновенный и ненадежный. Ничто не прерывало царствовавшаго вокругъ его безмолвія, кромѣ заунывнаго крика ночныхъ птицъ, свиста вѣтра, колебавшаго тернія, и шума волнъ океана, къ коему, казалось, путь его былъ направленъ. Сіе послѣднее обстоятельство не могло слишкомъ радовать. Многія дороги въ сей

странѣ проложены подлѣ самаго моря и во время большихъ приливовъ, восходящихъ съ чрезвычайною быстротою, глубоко затопляются; иныя пересѣкаются ручьями, чрезъ которые только во время малыхъ приливовъ безопасно можно переѣхать. И такъ, какимъ образомъ могъ избѣжать сей двойной опасности путешественникъ въ незнакомой сторонѣ, ѣдущій на утомленной лошади и въ такой темнотѣ? Посему Маннерингъ рѣшился остановиться у перваго жилища, до коего доберется, и въ ономъ провесть ночь, если не достанетъ проводника, которой зналъ бы дорогу до Капплетрингана.

Бѣдная хижина доставила ему наконецъ возможность исполнить сіе намѣреніе. Не безъ труда однакоже отыскалъ онъ двери. Постучался, и вмѣсто отвѣта нѣсколько времени не могъ ничего слышать, кромѣ дуэта, составленнаго изъ лая дворной собаки и визга унимавшей ее женщины. Человѣче-

ской голосъ, постепенно усиливаясь, взялъ верхъ; а какъ лай собаки отъ звуковъ гнѣва мгновенно перешелъ къ тонамъ жалобы, то вѣроятно, что хозяйка одержала побѣду значительнымъ постороннимъ пособіемъ и не однимъ только горломъ своимъ.

„Замолчишь ли ты!“ были первыя слова, въ кои могъ онъ вслушаться; „развѣ ты хочешь, чтобъ я за твоимъ лаемъ не могла слышать, чего отъ меня хотятъ?“

— Далеко ли я отъ Капплетрингана, моя милая? —

„Отъ Капплетрингана!!! . . .“ повторилъ женскій голосъ, оказывая такое удивленіе, которое иначе изобразить не можемъ, какъ тремя восклицательными знаками; „вы ѣдете въ Капплетринганъ! Ну, да вамъ бы давно надобно было взять на право. Теперь же надобно вернуться до Ваапа; отъ Ваапа ступайте на Балленлоанъ, а потомъ поѣзжайте на. . .“

— Не возможно, моя милая! лошадь моя насилу идетъ. Не льзя ли вамъ пустить меня переночевать къ себѣ? —

„Избави Боже! ни подъ какимъ видомъ. Я одна; Жамесъ пошелъ въ Друмсгурлочь на ярмарку продавать своихъ барановъ. Ни за что я въ такое время не отворю мущинѣ дверей; вѣдь всякаго рода есть люди, вы и сами знаете.“

— Да что же мнѣ дѣлать, моя милая? — Не могу же цѣлую ночь остаться на дорогѣ? —

„Право, я сама не знаю, какъ быть. Развѣ, не угодно ли вамъ поѣхать въ за́мокъ; тамъ васъ примутъ, не разбирая званія вашего, господинъ вы, или мѣщанинъ простой.“

— Хорошо, — подумалъ Маннерингъ, не обдумавъ: каково пробираться ночью полемъ! Какъ же мнѣ доѣхать до сего замка? —

„Да вотъ: ступайте на лѣво отъ задняго двора; но берегитесь навозной ямы! а тамъ поворотище...“

— Ежели еще будешь меня посылать на право и на лѣво, то я навѣрное пропалъ. Нѣтъ ли кого здѣсь по крайней мѣрѣ, кто бы могъ проводить; я съ радостію готовъ заплатить все, что отъ меня потребуютъ. —

Слово заплатить подѣйствовало какъ талисманъ.

„Ну же, Жакъ!" закричалъ женской голосъ, „приросъ что ль ты къ постелѣ? Лежитъ тогда, какъ господинъ имѣетъ нужду въ проводникѣ къ зáмку! ну же, лѣнивецъ, вставай скорѣи, да проведи его по тропинкѣ, что подлѣ задняго двора. О, онъ васъ, сударь, хорошо проведетъ; и смѣло скажу, что васъ примутъ хорошо. Тамъ никогда ни для кого двери не заперты; а теперь вы туда пожалуете во время: потому что слуга Милорда — не каммердинеръ его, а другой — недавно здѣсь проѣхалъ за акушеромъ и остановился у меня только на минуту, чтобъ выпить кварты двѣ

пива и сказать намъ, что Милади почувствовала первую боль.“

— Въ такое время пріѣздъ чужаго человѣка, можетъ статься, будетъ непріятенъ? —

„О, не безпокойтесь; за̀мокъ великъ, а женнины роды для мужа радостныя минуты.“

Въ продолженіе сихъ переговоровъ Жакъ успѣлъ накинуть на себя жилетъ, коего дыры нѣсколько разъ принималъ за рукава, вспялилъ исподнее платье, еще достопримѣчательнѣйшее по своей древности, и застегивая пуговицы, вышелъ изъ дому. Онъ былъ малой лѣтъ двѣнадцати, неловкой, блѣдной, длинноногой какъ на ходуляхъ. Полуодѣтая мать его, поднесши къ окну ночникъ, чтобъ взглянуть на проѣзжаго, стараясь сама не показываться, доставила ему тѣмъ на минуту удовольствіе полюбоваться проводникомъ. Жакъ, вышедъ изъ дому, взялъ за узду лошадь Маннеринга, и поворотя на лѣво, провелъ искусно по узкой тропинкѣ,

проложенной около страшной навозной ямы, которой близость была ощутительна. Потомъ потащилъ измученную клячу по разбитой и дурной дорогѣ, мѣстами намощенной острыми камнями, послѣ того по пашнѣ, отворилъ, какъ онъ называлъ, вороты, разваливъ часть стѣны, состоявшей изъ камней, сложенныхъ одинъ на другой, протащилъ послушное животное чрезъ проломъ, и наконецъ чрезъ калитку привелъ къ мѣсту, не очень похожему на обсаженную дорогу, потому что многихъ деревьевъ не доставало. Тогда весьма явственно сталъ слышанъ шумъ волнъ Океана, который, казалось, находился въ близкомъ разстояніи, а лучи начинавшаго всходить на горизонтѣ мѣсяца освѣтили большое строеніе, окруженное по бокамъ башнями, которыя представляли громаду развалинъ.

Сей видъ не весьма польстилъ воображенію Маннеринга. —

„Дружокъ," сказалъ онъ проводнику, „да это, какъ я вижу, не замокъ, а развалины."

— Тамъ однакоже жили долгое время владѣльцы здѣшняго края. Это старый замокъ Елленгованъ. Въ немъ показываются иногда духи; но не бойтесь: я никогда ни одного не видалъ; къ тому же, мы почти у воротъ новаго замка. —

Въ самомъ дѣлѣ, оставивъ развалины вправѣ, провожатый нашего путешественника чрезъ нѣсколько минутъ довелъ его до небольшаго замка, выстроеннаго въ новомъ вкусѣ, и началъ въ ворота стучать такимъ образомъ, чтобъ можно было принять его за важнаго посѣтителя (*). Маннерингъ объявилъ

(*) Въ Англіи, по стуку въ ворота или дверь, узнается званіе того, кто стучитъ. Слуга, коммиссіонеръ, работникъ, дѣлаютъ только одинъ ударъ; почтовый факторъ стучитъ два раза; три удара возвѣщаютъ друга, равнаго; но если знатная особа подъѣдетъ въ экипажѣ, то лакеи ея стучатъ такъ часто и такъ сильно, какъ будто хотятъ дверь выломить.

слугѣ причину, которая привела его къ за́мку, а хозяинъ дома, услышавъ о томъ изъ ближняго покоя, въ коемъ тогда находился, немедленно явился самъ и просилъ его пожаловать посѣтить за́мокъ Елленгованъ. Мальчикъ, весьма довольный полученною имъ полкроною, возвратился въ хижину свою; утомленную лошадь отвели въ конюшню; а Маннерингъ очутился подлѣ большаго огня, передъ столомъ, на коемъ былъ поставленъ хорошій ужинъ, который, равно какъ и огонь, были ему весьма пріятны послѣ большаго холода и при аппетитѣ, возбужденномъ трудною дорогою.

ГЛАВА II.

Общество, собравшееся въ залѣ Елленгованскаго за́мка, состояло только изъ самаго помѣщика и еще одного человѣка, коего Маннерингъ могъ принять за учителя деревенскаго училища, или за дьячка, попо-

му что по изношенной его одеждѣ не льзя было предполагать, чтобы въ такомъ нарядѣ священникъ пришелъ въ гости къ своему помѣщику.

Самъ Лордъ былъ одинъ изъ тѣхъ второклассныхъ дворянъ, съ которыми въ деревняхъ легло можно встрѣтиться. Одинъ родъ ихъ описалъ Фильдингъ, какъ *feras consumere nati*; но страсть къ охотѣ показываетъ еще какую-то душевную дѣятельность, вовсе оставившую Г. Бертрама, ежели онъ когда нибудь ею и былъ одаренъ. Нѣкоторый родъ беззаботнаго добродушія ясно изображался въ его чертахъ, болѣе привлекательныхъ, нежели непріятныхъ, а его физіономія показывала безполезную праздность, коей вся жизнь его была посвящена. Между тѣмъ, какъ онъ занялъ Маннеринга предлиннымъ разговоромъ о пользѣ обертывать сапоги соломою, когда въ холодъ ѣдешь верхомъ, я читателю дамъ краткое понятіе о фамиліи его и свойствахъ онаго.

Годфруа Бертрамъ Елленгованскій, какъ и многіе тогдашняго времени Шотландскіе помѣщики, имѣлъ предлинной рядъ предковъ и весьма ограниченные доходы. Родословная его простиралась столь далеко, что терялась въ варварскомъ вѣкѣ Галвегіанской независимости. Генеологическое дерево, кромѣ Христіанскихъ именъ Бертрановъ, Жильбертовъ, Денисовъ, Роландовъ, извѣстныхъ во времена Крестовыхъ походовъ, приносило еще языческіе плоды отдаленнѣйшихъ временъ, названія Артовъ, Кнартовъ, Данагиловъ и Ганлоновъ. Это правда, что они нѣкогда владѣли обширнымъ помѣстьемъ и были начальниками многочисленнаго поколѣнія, именуемаго Мак-Дингавай; но послѣ приняли Нормандское прозваніе Бертрамовъ. Они въ продолженіе многихъ столѣтій вели войну, возжигали бунты, бывали побѣдителями и побѣжденными, казненными и повѣшенными, какъ прилично высокородному семейству; но не-

чувствительно потеряли свое могущество, и бывъ прежде начальниками разныхъ партій и заговоровъ, снизошли на степень соучастниковъ. Самыя пагубныя слѣдствія сего испытали они въ теченіи XVII вѣка.

Злой геній вложилъ въ нихъ духъ прекословія, завлекавшій ихъ всегда въ споры со властвовавшею стороною. Они слѣдовали политикѣ, совершенно противной правиламъ извѣстнаго Священника де Брея; къ слабѣйшей сторонѣ приставали съ таковою же ревностью, какъ сія достойная духовная особа къ сильнѣйшей; и за сіе какъ де Брей были вознаграждены.

Сиръ Робертъ Дугласъ, коимъ я руководствуюсь, говоритъ въ своемъ твореніи о Баронахъ Шотландскихъ, что Алланъ Бертрамъ Елленгованскій, жившій во время царствованія Карла I, былъ непоколебимый поборникъ Королевской стороны и съ ревностію стоялъ за оную. Онъ присоединился къ славному Маркизу Монтрозу и къ

другимъ патріотамъ, также преисполненнымъ чести и вѣрности, и въ семъ случаѣ потерпѣлъ значительные убытки. Его Величество пожаловалъ его въ кавалеры, за что Парламентъ въ 1642 году наложилъ секвестръ на его имѣніе, какъ за злонамѣреніе, а другой въ 1648, какъ на измѣнника. Сіи два штиля стоили несчастному Сиру Аллану половины его имѣнія.

Сынъ его, Денисъ Бертрамъ, женился на дочери бѣшенаго изувѣра, занимавшаго мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, и тѣмъ спасъ половину наслѣдственнаго имѣнія; но злая судьба хотѣла, чтобъ онъ, влюбившись въ красавицу, на которой женился, принялъ и правила ея. Вотъ какъ его изображаетъ тотъ же сочинитель. Онъ былъ преисполненъ дарованій и мужества, потому и избрали его западныя Графства въ число дворянъ, коимъ въ 1678 году поручено было повергнуть жалобу къ подножію престола Карла II. За такую ревность къ

отечеству онъ былъ осужденъ заплатить пеню, которую не могъ иначе внести, какъ заложивъ половину изъ доставшагося ему наслѣдства. Строгимъ хозяйствомъ можно бы еще было поправить сей ущербъ; но когда Герцогъ Аржиль поднялъ знамя бунта, то Денисъ Бертрамъ сдѣлался подозрительнымъ правительству; его задержали, заключили въ замокъ Дуннотаръ на берегахъ Мійрса, въ коемъ онъ и разбилъ себѣ голову, намѣреваясь уйти изъ тюрьмы, въ которой содержался съ восмьюдесятью другими особами одного съ нимъ мнѣнія. Тѣ, коимъ имѣніе его было заложено, завладѣли онымъ, и такимъ образомъ изъ всего наслѣдства уцѣлѣла лишь четвертая часть.

Упадающее владѣніе Еллингованское досталось Донагое Бертраму, который по имени и свойству былъ нѣсколько похожъ на Ирландца. Сей началъ съ того, что выгналъ изъ дома преподобнаго Аарона Макбріара, домашняго Священника своей

матери, съ коимъ поссорился, какъ говорятъ, за соперничество въ благосклонности какой-то коровницы. Дня не проходило, чтобы онъ не напился, осушая стаканы за здоровье Короля, Государственнаго Совѣта и Епископовъ, или посѣщая пьяные пиры Лорда Лагга, Ѳеофила Оглеторпа и Сира Жамеса Турнера; наконецъ сѣлъ на коня, присоединился къ арміи Клавергуза при Килліе Кранки и погибъ въ перестрѣлкѣ близъ Дункельда въ 1689 г. Слухъ носился, что будтобъ дьяволъ содѣлалъ тѣло его невредимымъ отъ желѣза и свинца; то Камфонецъ, замѣтивъ его, убилъ изъ ружья, заряженнаго серебряною пулею. Еще и теперь видна его могила и называется могилою злаго Лорда.

Сынъ его Людовикъ былъ осторожнѣе, чего отъ его семейства ожидать не надлежало. Онъ старался сохранить остатки имѣнія, коему веселая жизнь Донагое нанесла такой же ущербъ, какъ пени и описи. Правда, что не избѣжалъ

и онъ злой судьбы, которая, казалось, насильно втягивала владѣтелей Елленгована въ политическія дѣла; и хотя прежде нежели отправился онъ въ 1715 съ Лордомъ Кенморомъ, перевелъ свое имѣніе на чужое имя, чтобы его оградить отъ пеней и взысковъ, въ случаѣ неудачи Графа Марра въ его предпріятіи; но изъ огня попалъ въ полымя. Для умнаго довольно слова. Надобно было судиться, чтобы возвратить свою собственность, а убытки и протори сей тяжбы были столь велики, что стоили еще половины всего имѣнія. Онъ былъ человѣкъ твердой и основательной. Продавъ часть остальнаго имѣнія, оставилъ и старый развалившійся зàмокъ, въ которомъ семейство его жило (по выраженію одного Фермера), какъ крыса подъ старою соломою, и употребилъ часть почтенныхъ развалинъ на построеніе небольшаго жилища въ три этажа, съ двумя окошками на каждой стѣнѣ, съ однѣми дверми по-

серединѣ и видами на всѣ стороны. Вотъ новой зâмокъ Елленгованъ, въ которомъ мы оставили нашего героя, забавляющагося, можетъ быть, нѣсколько болѣе нежели наши читатели; и въ него-то удалился Людовикъ Бертрамъ, съ головою набитою разными намѣреніями о возстановленіи своего хозяйства. Онъ подъ собственнымъ надзоромъ обработывалъ поля, нанималъ земли у сосѣдей, покупалъ и продавалъ скотъ, ѣздилъ по торгамъ и ярмаркамъ, пускался на разные обороты, и такими хлопотами своими удалилъ нужду отъ своего жилища; но пріобрѣтая деньги, терялъ уваженіе. Лорды, его сосѣди, не думая ни о чемъ, кромѣ какъ объ охотѣ, битвахъ пѣтуховъ и о конскихъ ристаніяхъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на торговыя и земледѣльческія его занятія. По ихъ мнѣнію, образъ жизни Елленгована не приличествовалъ дворянину, а потому мало помалу онъ вынужденъ былъ отстать отъ ихъ обще-

ства, и играть на театрѣ сего міра смѣшанную роль дворянина и земледѣльца. Смерть постигла его посреди таковыхъ трудовъ, и слабые остатки нѣкогда блистательнаго состоянія перешли во владѣніе единственнаго его сына Годфруа Бертрама, у коего мы оставили Маннеринга.

Скоро примѣтилъ онъ, сколько отцовскіе обороты были опасны. Безъ дѣятельности его и дарованій онъ не успѣвалъ ни въ какомъ предпріятіи, и не имѣя твердости перенесть неудачи, или умѣнья отвращать оныя, Годфруа принужденъ былъ положиться на опытность и старанія другаго. Онъ не держалъ ни собакъ, ни лошадей, и не имѣлъ другихъ заведеній, кои можно назвать предшественниками разоренія, но у него былъ, какъ и у многихъ его соотечественниковъ, честный управитель, а сего и было достаточно для достиженія той же цѣли. По милости сего послѣдняго маленькіе долги сдѣлались значи-

тельными, проценты и долговые капиталы наросли, временные долги потомъ обратились въ вѣчные, а тяжебныя издержки довершили его пагубу. Годфруа Елленгованъ впрочемъ столь мало любилъ судиться, что ему два раза случилось заплатить за протори тяжбы, о коей онъ никогда и не слыхалъ. Всѣ сосѣди предсказывали о скоромъ и совершенномъ его разореніи. Люди высшаго класса, почитая его за выродившагося собрата, ожидали сего не безъ нѣкотораго удовольствія; другіе же, не находя въ его состояніи ничего завиднаго, болѣе сожалѣли о затруднительномъ положеніи, въ которое дѣла его приходили. Онъ нѣкоторымъ образомъ былъ ихъ любимцемъ. Когда сосѣдніе помѣщики противились раздѣлу какой-либо общей дачи, или отдавали подъ судъ ловившихъ рыбу, либо звѣрей, не имѣя на то права; однимъ словомъ, когда крестьяне полагали себя обиженными отъ дворянства, то по привычкѣ говорили между

собою: о! ежели бы этотъ доброй человѣкъ Елленгованъ владѣлъ еще всѣмъ тѣмъ, что его предкамъ принадлежало, то онъ не позволилъ бы притѣснять бѣдныхъ людей. Сіе хорошее мнѣніе не препятствовало имъ однакоже пользоваться во всякомъ случаѣ его слабостію. На лугахъ его они пасли свои стада, крали его лѣсъ и били въ немъ дичь. До этаго добраго человѣка, говорили они, никогда ничто не дойдетъ. Онъ не хлопочетъ о томъ, что дѣлаетъ бѣдный народъ. Кухня его была наполнена богомольцами, Цыганами, бродягами, всякаго рода праздношатающимися, и Лордъ, который былъ неспѣсивъ, но просто доброй человѣкъ, какъ большая часть безхарактерныхъ людей, находилъ награду за свое гостепріимство въ удовольствіи разспрашивать ихъ о тѣхъ мѣстахъ, откуда они приходили.

Бракъ Елленгована съ женщиною, имѣвшею около четырехъ тысячь

фунтовъ стерлинговъ (*), сохранилъ его отъ разоренія, къ коему онъ стремился. Никто въ сосѣдствѣ не могъ догадаться, почему она съ такимъ достаткомъ рѣшилась выдти за него замужъ, развѣ потому только, что онъ былъ высокаго роста, складенъ, хорошъ собою, и вмѣстѣ съ пріятнымъ лицемъ имѣлъ и сердце доброе; къ тому же прибавить можно, что ей было уже двадцать восемь лѣтъ, и что она не имѣла никакого близкаго родственника, которой бы могъ препятствовать въ ея выборѣ.

Для первыхъ родовъ сей-то самой дамы былъ отправленъ въ Капплетринганъ дѣятельный и проворный нарочной, о коемъ женщина, жившая въ хижинѣ, разсказывала Маннерингу въ ночь его прибытія въ замокъ.

Но объ Лордѣ говорено довольно; постараемся познакомить читателя съ человѣкомъ, у него тог-

(*) На наши деньги 96,000 рублей.

да бывшимъ. То былъ Авель Сампсонъ, по школьнымъ его занятіямъ всѣми попросту называемый *Доминусомъ*. Онъ происходилъ изъ незнатнаго рода; но какъ съ малыхъ лѣтъ казался степеннымъ и основательнымъ, то родители его и бѣдные думали, что онъ со временемъ будетъ также въ состояніи отличиться на каѳедрѣ проповѣдниковъ, какъ и другіе. Они начали жить скромнѣе прежняго, во всемъ себѣ отказывать, вставали рано, ложились поздно, питались сухимъ хлѣбомъ и пили одну воду, и все сіе для того, чтобы своему любезному Авелю доставить лучшее образованіе.

И такъ онъ былъ отданъ въ училище, въ коемъ сухощавая и долговязая фигура его, неловкая походка, важная молчаливость, нѣкоторыя смѣшныя привычки, какъ то раскачиваться и почесывать голову, сказывая свой урокъ, сдѣлали Сампсона посмѣшищемъ его товарищей. Когда Доминусъ Сампсонъ (пото-

му что почетное сіе прозваніе ему уже было дано) выходилъ изъ Греческаго класса съ Лексикономъ подъ мышкою, то вокругъ его толпились, чтобы видѣть, какъ онъ передвигаетъ свои длинныя ноги и шевелитъ попеременно широкими плечами внутри чернаго кафтана, совершенно изношеннаго и сшитаго мѣшкомъ; въ чемъ состоялъ обыкновенный его нарядъ. Когда онъ говорилъ, то Профессоръ, не смотря на всѣ старанія, не могъ прекратить смѣха цѣлаго класса, да и самъ съ трудомъ отъ онаго удерживался. Лице его длинное, блѣдное; большіе глаза безъ малѣйшаго выраженія; огромный ротъ, открывавшійся и затворявшійся, какъ казалось, не по его волѣ, а дѣйствіемъ внутренняго механизма; глухой и непріятной голосъ, возвышавшійся до фистулъ, когда заставляли его произносить явственнѣе: все сіе вмѣстѣ дѣлало его день ото дня смѣшнѣе, не говоря уже о изорванномъ платьѣ и проношенномъ башмакѣ, кои со вре-

менъ Ювенала достались въ удѣлъ бѣдному ученому.

Не взирая на то, Сампсонъ никогда не сердился за дѣлаемыя ему насмѣшки, не старался никому мстить; за то изъ училища удалился онъ сколь можно скрытнѣе и нанялъ себѣ комнатку, болѣе нежели скромную, въ которой за осьмнадцать сольдовъ въ недѣлю пользовался соломеннымъ тюфякомъ и позволеніемъ учиться подлѣ огня своей хозяйки, когда она была не сердита. Наконецъ, не смотря на всѣ сіи препятствія, онъ дошелъ до того, что порядочно изучился Греческому и Латинскому языкамъ и въ наукахъ пріобрѣлъ нѣкоторое познаніе.

Со временемъ Авель Сампсонъ сдѣлался Студентомъ Богословіи и наконецъ получилъ позволеніе произнесть первую проповѣдь. Но, увы! собственная его робость и явное расположеніе слушателей смѣяться привели его въ невозможность вы-

говоришь первое слово. Онъ разинулъ большой ропъ, искривилъ свое лице, обращая во всѣ стороны страшные глаза свои, которые отъ усилія, казалось, хотѣли выскочить, закрылъ Библію, сошелъ съ каѳедры поспѣшнѣе нежели взошелъ на оную, уходя, повалилъ нѣсколько старушекъ, кои по обыкновенію подсѣли поближе, чтобъ удобнѣе слышать, и отъ своихъ слушателей былъ прозванъ нѣмымъ проповѣдникомъ. И такъ, лишенный всякой надежды, возвратился онъ на родину, и нашелся принужденнымъ раздѣлять съ родителями своими бѣдность. Съ недѣлю цѣлый городъ смѣялся сему происшествію, но не извѣстно, много ли страдалъ *Доминусъ*, доставившій сію потѣху; ибо онъ не имѣлъ ни друзей, ни повѣренныхъ, ни даже просто знакомыхъ. Не было бы конца, ежели бы я захотѣлъ разсказывать всѣ острыя слова, говоренныя на счетъ его, и потому достаточно упомянуть о сочиненной однимъ ученикомъ балладѣ, въ коей

Инспекторъ Коллегіи радуется, что Сампсонъ въ скоромъ своемъ побѣгѣ не унесъ съ собою дверей.

Но ничто не могло поколебать хладнокровной души Сампсона; онъ старался родителямъ своимъ помогать заведеніемъ школы, и въ короткое время имѣлъ много учениковъ, но мало платы; сказать правду: бѣдныхъ онъ училъ даромъ, а дѣтей достаточныхъ Фермеровъ, не договариваясь, и къ стыду ихъ, доходы Сампсона никогда не равнялись съ платою, получаемою послѣдними батраками.

Писавъ весьма чисто, онъ получалъ небольшую поддержку отъ Елленгована, коему переписывалъ счеты и сочинялъ письма. Лордъ, не имѣвшій знакомствъ, мало помалу привыкъ къ Доминусу. Онъ былъ не говорунъ, но имѣлъ даръ слушать, поправлялъ довольно ловко въ каминѣ огонь, и даже попробовалъ было снимать со свѣчь; но погрузивъ комнату раза два, три

въ совершенную темноту, отъ того отказался. И такъ вся его работа состояла въ подниманіи стакана съ пивомъ и поднесеніи его къ губамъ всякой разъ, когда Елленгованъ то же дѣлалъ, и въ томъ, чтобъ доказать нѣсколькими глухими звуками, что онъ слушалъ, когда хозяинъ, столько же любившій говорить, какъ онъ молчать, оканчивалъ одно изъ длинныхъ своихъ повѣствованій.

Въ таковомъ-то засѣданіи представился онъ Маннерингу съ своимъ длиннымъ лицемъ, тощимъ тѣломъ и неловкою осанкою, въ черномъ кафтанѣ, столь изношенномъ, что на суднѣ видны были всѣ ряды; цвѣтной платокъ, нѣкогда вымытый, худо закрывалъ его сухую и жилистую шею; остальная же одежда его состояла изъ сѣраго исподняго платья, темносинихъ чулковъ, башмаковъ подбитыхъ гвоздями и маленькихъ мѣдныхъ пряжекъ.

Таковы были обѣ особы, въ обществѣ коихъ тогда находился Маннерингъ.

ГЛАВА III.

Елленгованъ увѣдомилъ Маннеринга о состоянiи своей супруги, какъ о причинѣ, долженствующей служить извиненiемъ въ томъ, что она не вышла его принять, равномѣрно и въ томъ, если угощенъ онъ будетъ не съ тѣмъ вниманiемъ, которое, кажется, исключительно принадлежитъ женщинамъ; по сей же причинѣ потребована была на столъ лишняя бутылка вина.

Съ чувствомъ безпокойства, обыкновеннаго человѣку, который готовится быть отцемъ, сказалъ Лордъ: „Я не могу лечь спать, не узнавъ, счастливо ли она родила. Ежели вы не очень устали и согласитесь мнѣ съ Доминусомъ сдѣлать честь остаться съ нами, то надѣюсь, что мы васъ долго не задержимъ, потому что Лука Говатсонъ проворенъ.

Недавно одна дѣвушка была въ томъ же положенiи, какъ теперь моя жена; она жила отсюда недалеко. Не къ чему вамъ качать головою, Доминусъ; всѣ обряды были исполнены, а прежде или послѣ, что до того нужды? Благословенiе Священника уже дано; а человѣкъ, женившiйся на ней, за такую бездѣлицу ни на волосъ менѣе прежняго ее почитаетъ. Они живутъ, Г. Маннерингъ, на берегу моря въ Аннанѣ, и вы миль на десять вдоль по берегу не отыщете другой такой согласной и равной четы, съ шестью дѣтьми, на которыхъ любо посмотрѣть: старшiй изъ нихъ Годфруа уже и служитъ на таможенной яхтѣ. Надобно вамъ сказать, что одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ командуетъ тою яхтою, а это мѣсто получилъ онъ во время извѣстной распри, бывшей въ нашемъ Графствѣ. Вы вѣрно о ней уже слышали, потому что и въ Нижнемъ Парламентѣ было говорено о семъ. Разговорившись о той распрѣ, скажу вамъ, что я

бы конечно подалъ голосъ за Лорда Балруддери; но вотъ изволите видѣть: отецъ мой былъ *Яковитъ*; Королевство оставилъ онъ съ Кенморомъ и никогда не присягалъ на вѣрность; а потому какъ я ни старался, мнѣ не позволили дать голосъ, а мой повѣренной, имѣющій право по имѣнію моему подавать мнѣніе, присталъ къ сторонѣ стараго Сира Томаса Киттлекурта. Но чтобъ возвратиться къ тому, съ чего я началъ, Лука Говатсонъ весьма проворенъ, потому что. . . . . .“

Сей столь длинный и несвязный разсказъ, перескакивавшій, такъ сказать, съ предмета на предметъ, былъ въ семъ мѣстѣ прерванъ кѣмъ-то шедшимъ съ шумомъ по лѣстницѣ, находившейся между кухнею и залою, и пѣвшимъ во все горло. Нѣкоторые тоны, казалось, были слишкомъ высоки для мущины, а другіе слишкомъ низки для женщины; слова же, сколько Маннерингъ могъ вслушаться, были слѣдующія:

Блаженный часѣ, счастливое страданье!
Не сына ль Богѣ послалѣ, иль нѣтѣ?
Но сына или дочь, мое очарованье
Спасетѣ ихѣ навсегда отѣ бѣдѣ.

„Вѣрнѣе смерти" сказалъ Бертрамъ, „и того, что я грѣшникъ, это Цыганка Мегъ Мерильисъ."

Доминусъ испустилъ тяжелый вздохъ, развелъ крестообразно сложенныя ноги свои, подвинувъ къ себѣ ту ногу, которая въ первомъ его положеніи была впереди, поставилъ ее перпендикулярно, и положивъ на нее другую, вобралъ въ ноздри свои огромную порцію табаку.

„За чѣмъ вздыхать, Доминусъ? Отъ пѣсней Мегъ Мерильисъ намъ никакъ не можно ожидать дурнаго."

— Ни добраго — отвѣчалъ Сампсонъ похороннымъ голосомъ, весьма приличнымъ его лицу. Въ первый разъ еще съ прибытія Маннеринга открылъ онъ ротъ, и какъ послѣдній былъ не безъ желанія знать, имѣлъ ли даръ слова сей автоматъ, пившій, ѣвшій, шевелив-

шійся и нюхавшій табакъ, то съ нѣкоторымъ удовольствіемъ услышалъ онъ звуки, согласовавшіеся съ наружностію нашего знакомца; но въ то же время растворилась дверь, и вошла Мегъ Мерильисъ.

Маннерингъ, вздрогнулъ, взглянувъ на нее. Она была ростомъ около двухъ аршинъ десяти вершковъ; сверхъ прочаго платья имѣла на себѣ родъ мужской шинели, а въ рукахъ толстую терновую палку; весь ея нарядъ, кромѣ юбки, казалось, приличествовалъ болѣе мущинѣ, нежели женщинѣ; пуки черныхъ волосъ, похожихъ на Горгониныхъ змѣй, пробивались повсюду чрезъ старомодный головный уборъ, и усиливали дѣйствіе, производимое ея грубыми, жесткими чертами лица, которое время усыпало морщинами; а мутные ея глаза обращались во всѣ стороны, и возвѣщали истинное или притворное сумасшествіе.

„И такъ, Елленгованъ!" сказала она, „славное дѣло вы затѣяли, — не извѣстивъ меня, допустить Мила-

ди родить въ то время, какъ я была на ярмаркѣ въ Друмсгурлочѣ! Ктожъ отогналъ бы отъ нее нечистую силу? по чьему вызову благодѣтельные духи окружили бы колыбель новорожденнаго? кто бы за него пропѣлъ заклинаніе Святой Кольмы? И не дожидаясь отвѣта, она запѣла:

„Чтобъ все по твоему здѣсь шло,
„Въ Андреевъ день постися,
„Разъ триста въ землю поклонися, —
„И колдуновъ безсильно зло.
„Угодники да снизойдутъ
„Принять мое желанье,
„И на младенца изліютъ
„Спасительно вліянье.“

Сіе называемое ею очарованіе пропѣла она тонкимъ и прерывающимся голосомъ, подъ дикіе, пронзительные звуки коего подпрыгивала съ такою силою и бодростію, что головою почти дотрогивалась до потолка.

„А теперь, Милордъ!“ сказала она, переставъ плясать, „не прикажете ли мнѣ дать рюмку водки?“

— Хорошо, Мегъ! Возьми стулъ, садись подлѣ дверей и скажи намъ, что ты видѣла новаго на ярмаркѣ въ Друмсгурлочѣ? —

„Новаго? Ничего. Мущины всѣ такіе же, какъ вы; женщины, какъ я; да чортъ, который ими вертѣлъ по своей волѣ.“

— А сколько Цыганокъ отвели въ смирительный домъ? —

„По совѣсти, только трехъ, Милордъ, да и на ярмаркѣ ихъ только было три, кромѣ меня. Но я ихъ оставила, потому что не люблю ссориться; а Дунбогъ приказалъ Жону Юнгу и Реду Роттену убираться изъ его помѣстья! Будь онъ проклятъ! Не дворянинъ онъ, не благородная кровь течетъ въ его жилахъ. Лишить бѣдныхъ людей покрова и послѣдней избенки за то, что подлѣ его тына они нарвали сухаго лопушника и надрали коры съ нѣсколькихъ гнилыхъ пней, чтобъ сварить себѣ похлебку! . . . Но есть Кто нибудь выше всѣхъ насъ. Увидимъ завтра; не

пропѣлъ ли до солнца красной пѣтухъ надъ его кровлей.“

— Полно, Мегъ, полно! Не хорошо, что ты это говоришь! —

„Что она хочетъ сказать?“ спросилъ тихо Маннерингъ у Сампсона.

— Грозитъ пожаромъ! — отвѣчалъ локонически Доминусъ.

„Да ради Бога, что это за женщина? Кто она такова?“

— Цыганка, воровка, колдунья, — отвѣчалъ Сампсонъ.

„Правду сказать, Милордъ“ продолжала Мегъ во время сихъ разспросовъ „только передъ такими людьми, какъ вы, можно говорить съ открытымъ сердцемъ. Дунбогъ столько же дворянинъ, какъ и послѣдній его конюхъ. Вотъ, вы не согнали бы такъ, какъ бѣшеную собаку, съ своей земли бѣднаго человѣка, хотя бы онъ унесъ у васъ столько же каплуновъ, сколько есть листьевъ на большомъ деревѣ, что передъ вашими воротами. Но пусть положитъ кто нибудь свои часы на столъ, чтобъ я знала часъ и

минуту, въ которыя у насъ будетъ новорожденный, и чтобъ вѣрнѣе могла я предсказать вамъ его судьбу."

— Для этаго, Мегъ, ты намъ не нужна! вотъ студентъ Оксфордскій, который въ этомъ дѣлѣ болѣе разумѣетъ, и лучше тебя предскажетъ намъ будущее. Онъ можетъ читать по звѣздамъ. —

„Конечно" сказалъ Маннерингъ, желая поддержать шутку Елленгована, „я выложу тему его рожденія по тройственнымъ законамъ, предписаннымъ Пиѳагоромъ, Гиппократомъ, Діоклесомъ и Авиценномъ, или начну *ab hora quaestionis* по правиламъ Галія, Месагалла, Гангевиса и Гвидобоначуса.

Въ глазахъ Бертрама одно изъ главныхъ качествъ Сампсона состояло въ томъ, что никогда не открывалъ онъ никакого покушенія къ шуткамъ, какъ бы онѣ грубы не были, такъ что Лордъ, старавшійся быть забавникомъ, ограничивался насмѣшками и обманами, которые и у насъ извѣстны подъ именемъ

мистификацій, могъ легко тѣшиться на счетъ простаго Доминуса; однакожъ никогда не возможно было его разсмѣшить. Даже говорятъ, что онъ во всю жизнь свою разсмѣялся только одинъ разъ, бывъ еще въ Университетѣ, и отъ того беременная хозяйка дома, гдѣ нанималъ онъ квартиру, выкинула; таковое несчастіе женщины приписано сколько изумленію, произведенному симъ необычайнымъ происшествіемъ, столько отвратительному коверканію лица, сопровождавшему сей смѣхъ. Когда же усматривалъ онъ себя обманутымъ, то находилъ за достаточное сказать: — „*Удивительно!* или, *весьма забавно!*" ни мало не измѣняясь притомъ въ лицѣ.

Въ семъ случаѣ онъ повернулся къ Маннерингу, и тихо обративъ къ нему свои большіе глаза, разинулъ ротъ, съ видомъ сомнѣнія въ томъ, что хорошо ли разслушалъ сказанное имъ.

„Я боюсь, сударь," примолвилъ Маннерингъ, относясь къ нему, „най-

ти въ васъ одного изъ тѣхъ несчастныхъ людей, коихъ слабое зрѣніе не можетъ достигать до звѣздныхъ круговъ и читать въ нихъ опредѣленія небесъ; боюсь, что предразсудокъ затворилъ душу вашу къ убѣжденію.“

— Да, сказалъ Сампсонъ, я согласно съ Невтономъ думаю, что ученіе Астрологіи тщетно, ничтожно и достойно посмѣянія. —

Можно повѣрить, что, провозгласивъ сей оракулъ, онъ имѣлъ нужду въ отдохновеніи.

„Мнѣ чрезвычайно больно,“ подхватилъ Маннерингъ, „видѣть человѣка столь основательнаго, ученаго, какъ вы, погруженнымъ въ такое жалкое ослѣпленіе! Можете ли вы недавное и обыкновенное имя Невтона ставить подлѣ сладкозвучныхъ славныхъ именъ Даріотовъ, Бонатусовъ, Птоломеевъ, Галіевъ, Ецлеровъ, Дитриковъ, Найбодовъ, Гартфуртовъ, Гасловъ, Фаустеллоровъ, Агрипповъ, Дюретовъ, Мажиновъ,

Оригеновъ и Арголовъ? Христіане и язычники, Жиды и невѣрные, стихотворцы и философы не одного ли всѣ мнѣнія на счетъ вліянія звѣздъ?"

— *Communis error!* общее заблужденіе! — сказалъ непоколебимый Доминусъ.

„Совсѣмъ нѣтъ!" отвѣчалъ молодой Англичанинъ; „это всеобщее и основательное убѣжденіе въ истинѣ."

— Обманы, шарлатанство, возразилъ Сампсонъ.

„*Abusus non tollit usum*," сказалъ Маннерингъ; „злоупотребленіе, дѣлаемое изъ чего нибудь, не отнимаетъ права имъ пользоваться."

Елленгованъ во время сего разсужденія попалъ въ собственныя свои сѣти. Онъ попеременно посматривалъ на обоихъ соперниковъ, а по важности, съ коею Маннерингъ опровергалъ доводы Доминуса, и по учености, имъ выказываемой, начиналъ думать, что это уже не шутка.

Что касается до Мегъ, то она устремила свои блуждающіе глаза

на нашего Астролога, коего рѣчи, бывъ таинственнѣе ея собственныхъ, казалось, внушали ей нѣкоторой родъ почтенія и заставили ее молчать.

Маннерингъ, взявъ верхъ, воспользовался симъ; онъ выставилъ всѣ ученыя названія судебной Астрологіи (*), которыя хорошая память ему приводила въ помощь, и которымъ онъ научился по одному обстоятельству, о коемъ упомянемъ ниже.

Знаки и планеты въ своихъ противостояніяхъ и соединеніяхъ, вліяніе часовъ и минутъ, Альмутенъ, Альмохидонъ, Анахибазонъ, Катахибазонъ, тысячи другихъ столь же звучныхъ, какъ и значительныхъ названій, были произнесены имъ въ подкрѣпленіе къ преждесказаннымъ; но не поколебали невѣрія Доминуса, ограждавшагося отъ

(*) Астрологія нѣкогда входила въ составъ судопроизводства почти во всѣхъ странахъ Европы.

сего стремительнаго нападенія единственно молчаніемъ.

Сей разговоръ былъ наконецъ прерванъ щастливымъ извѣстіемъ, что Милади произвела на свѣтъ наслѣдника фамиліи Елленгованской, и что (выраженіе, обыкновенно употребляемое въ сихъ случаяхъ) въ ея положеніи была довольно здорова.

Г. Бертрамъ поспѣшилъ въ комнату своей супруги; Мегъ Меррильисъ проворно побѣжала въ кухню, чтобы не прогулять каши, приготовленной родильницѣ; а Маннерингъ, посмотрѣвъ на часы и въ точности записавъ часъ и минуту разрѣшенія отъ бремени, съ важностью, приличною обстоятельству, попросилъ Доминуса показать ему мѣсто, съ коего бы могъ онъ разсмотрѣть положеніе небесныхъ тѣлъ.

Доминусъ, не говоря ни слова, всталъ, отворилъ дверь, коей верхняя половина была со стеклами, и вывелъ его на террасу, обращен-

ную къ возвышенію, гдѣ находились развалины стараго за́мка. Поднявшійся вѣтръ разогналъ облака, которыя покрывали поверхность земли за нѣсколько часовъ предъ симъ. Тогда было полнолуніе, и ни одна звѣзда не могла укрыться отъ глазъ наблюдателя. Зрѣлище, представлявшееся въ сію минуту глазамъ Маннеринга, было неожиданно и поразительно въ высочайшей степени.

Мы упомянули, что путешественникъ нашъ замѣтилъ во время ночнаго своего странствованія, что находился недалеко отъ моря, но не зналъ, въ какомъ именно разстояніи былъ отъ онаго. Тогда увидѣлъ онъ, что развалины Елленгованскаго за́мка расположены были на мысѣ, или вдавшейся въ море скалѣ, которая составляла одну сторону небольшаго морскаго залива; новый за́мокъ построенъ былъ нѣсколько далѣе, и принадлежавшая къ нему земля спускалась до моря. Некрутый скатъ сей природою

раздѣленъ былъ на уступы, огражденные рядами старыхъ деревьевъ, и простирался до песковъ; другая сторона залива, противоположная старому за́мку, состояла также изъ мыса, покрытаго лѣсомъ, который въ семъ благословенномъ краѣ роститъ даже у самаго берега моря, гдѣ сквозь деревья мелькала хижина рыбака. Хотя ночи и довольно прошло, но по берегу свѣтилось нѣсколько огней, носимыхъ конечно людьми, выгружавшими наполненный запрещенными товарами люгеръ, пришедшій съ острова Мана. Онъ видимъ былъ въ заливѣ и стоялъ на якорѣ. Тѣ, которые лишь только примѣтили свѣчу, съ коею вышелъ Маннерингъ, вдругъ закричали: *берегитесь!* и по сему сигналу тревоги всѣ бывшіе на берегу огни исчезли.

Уже былъ часъ за полночь; куда взоры ни обращались, повсюду представлялось занимательное зрѣлище. Старыя башни, частію развалившіяся, а индѣ почернѣвшія отъ

времени и покрытыя густою повиликою, занимали скалу, которая находилась у Маннеринга въ правой сторонѣ; передъ нимъ былъ маленькой заливъ, коего волны, отражая лучи мѣсяца, разбивались о берегъ съ тихимъ журчаніемъ; влѣвѣ лѣсъ, простиравшійся до самаго моря, представлялъ то просѣки, сквозь которыя глаза чего-то искали, то чащи, непроницаемыя для взоровъ; надъ головою его катились планеты, по блеску своему отличныя отъ другихъ отдаленнѣйшихъ отъ насъ звѣздъ. Воображеніе столь властвуетъ даже надъ тѣми, кои стараются заставить другихъ испытать его могущество, что Маннерингъ, разсматривая сіи небесныя тѣла, почти готовъ былъ признать приписываемое имъ отъ простаго народа вліяніе на происшествія сего міра; но Маннерингъ былъ молодъ, влюбленъ и, можетъ быть, вдохновенъ чувствами, описанными нашимъ Англійскимъ Стихотворцемъ почти въ сихъ словахъ:

,,Любовь во всѣ времена питалась заблужде-
,,ніями; ей пріятно вѣрить снамъ, предзна-
,,менованіямъ, талисманамъ. Отъ чего? спро-
,,сите вы. Отъ того, что любовь есть пер-
,,вая страсть, первая потребность души. Какъ
,,прелестны вымыслы, оживотворенные бо-
,,гатымъ воображеніемъ древнихъ поэтовъ,
,,которые украсили и населили мечтательны-
,,ми божествами лѣса, рѣки и долины! Ми-
,,лые призраки сіи затмились, олтари ихъ
,,ниспровергнуты хладною рукою разсудка,
,,но сердце влюбленнаго питается еще пре-
,,даніями: въ сихъ свѣтящихъ тѣлахъ, ко-
,,ими твердь небесная усѣяна, онъ усматри-
,,ваетъ, отыскиваетъ утраченныхъ боговъ
,,своихъ; воображеніе возвращаетъ ему мо-
,,гущество ихъ, и человѣкъ не престаетъ
,,признавать ихъ вліяніе: младенца въ ко-
,,лыбели одаряетъ Марсъ гордостію, Юпи-
,,теръ величіемъ, Венера красотою."

— Увы! думалъ онъ, добрый мой опекунъ, столь много участвовавшій въ Астрологическихъ спорахъ, бывшихъ у Гейдона съ Чемберсомъ, не такими бы глазами смотрѣлъ на сіе зрѣлище; онъ бы тщательно старался, по взаимному положенію небесныхъ свѣтилъ, открыть вліяніе, которое они должны имѣть на

новорожденныхъ дѣтей, какъ будто теченіе звѣздъ можетъ управлять законами небеснаго Провидѣнія, или быть съ оными соглашено! Впрочемъ, миръ праху его! Я отъ него довольно научился, самъ въ состояніи составить тему рожденія, и теперь хочу симъ заняться. Записавъ положеніе главныхъ звѣздъ, онъ возвратился въ замокъ; Лордъ, ожидавшій его въ залѣ, повторилъ ему съ восхищеніемъ, что онъ отецъ здороваго младенца, и казался готовымъ праздновать рожденіе его, сѣвъ опять за столъ. Маннерингъ отговорился усталостію. Таковая отговорка была принята въ уваженіе, и его отвели въ приготовленную ему комнату.

ГЛАВА IV.

Вѣра въ Астрологію была почти всеобщею въ XVII столѣтіи, только въ концѣ онаго начала колебаться; въ началѣ же осьмнадцатаго сія наука вышла изъ всякой

довѣренности и даже сдѣлалась смѣшною. Однакоже она сохранила нѣсколько приверженцевъ даже между учеными. Люди степенные, любители занятій, не могли рѣшиться оставить разсчеты, составлявшіе главный предметъ ихъ ученія; имъ больно было спуститься съ высоты, на которую полагали себя вознесенными мнимымъ познаніемъ будущаго.

Въ числѣ тѣхъ, кои точно были увѣрены, что обладаютъ такимъ преимуществомъ, находился духовнаго званія старикъ, которому былъ препорученъ въ юношествѣ Маннерингъ. Онъ утомлялъ и глаза свои и разумъ наблюденіемъ звѣздъ и исчисленіемъ разныхъ ихъ отношеній; весьма естественно, что онъ и воспитаннику своему въ нѣжной его молодости внушилъ отчасти свою страсть, и что сей послѣдній нѣсколько времени трудился надъ пріобрѣтеніемъ Астрологическихъ познаній. Прежде нежели время открыло ему глаза и показало ничтож-

ность сей науки, самъ Вилліамъ Лилли признался бы, что онъ имѣетъ довольно познаній для составленія темы рожденія и основательнаго изъ оной извлеченія послѣдствій.

Въ семъ случаѣ онъ всталъ поутру столь рано, сколько краткость дней то позволила, и приступилъ къ исчисленіямъ, нужнымъ для извлеченія гаданія о молодомъ наслѣдникѣ Елленгована. Онъ началъ трудиться по всѣмъ правиламъ искусства, какъ для того, чтобы сохранить принятый имъ видъ предъ другими, такъ и изъ любопытства узнать, не забылъ ли онъ началъ сей мнимой науки, и можетъ ли еще дѣйствовать по онымъ. Онъ начертилъ видъ небесъ, раздѣлилъ ихъ на 12 главныхъ созвѣздій, помѣстилъ между ними планеты по эфемеридамъ и опредѣлилъ ихъ взаимныя отношенія въ минуту рожденія младенца. Не утомляя нашихъ читателей описаніемъ общихъ предзнаменованій, кои могли бы изъ сего извлечь по Астрологіи, мы удо-

вольствуемся обратить вниманіе ихъ на обстоятельство, особенно тронувшее воображеніе нашего молодаго гадателя.

Марсъ, въ сіе время находясь въ самомъ верху двѣнадцатаго знака, угрожалъ новорожденному плѣномъ или нечаянною и насильственною смертію. Для того Маннерингъ, углубившись еще болѣе въ подробности правилъ, по коимъ гадатели полагаютъ возможнымъ точнѣе увѣриться въ истинѣ своихъ предсказаній, нашелъ, что три эпохи были особенно опасны для младенца на его пятомъ, осьмнадцатомъ и двадцать первомъ годахъ.

Примѣчательно то, что незадолго передъ тѣмъ Маннерингъ, шутя, сдѣлалъ подобныя исчисленія по прозьбѣ Софіи Вельвудъ, той молодой особы, къ которой онъ былъ привязанъ, и по таковому же расчету нашелъ, что вліяніе звѣздъ угрожало ей также смертію или плѣномъ на 36мъ году — въ то время ей было 18 — такъ что одно и то же

время, казалось, грозило ей и младенцу одинаковою опасностію. Пораженный симъ сходствомъ, Маннерингъ продолжалъ свои исчисленія, и нашелъ наконецъ, что одинъ и тотъ же мѣсяцъ и тотъ же самый день были для обоихъ эпохою равной опасности; онъ повторилъ свои выкладки, и слѣдствія оныхъ выходили всякой разъ одинаковыя.

Не нужно намъ предупреждать, что, описывая сіе обстоятельство, мы не имѣемъ въ виду заставить вѣрить предсказаніямъ, извлекаемымъ изъ судебной Астрологіи; но таково пристрастіе наше къ чудесному, что намъ самимъ случается способствовать къ ослѣпленію своего разсудка. Сходство, о коемъ мы упомянули, было однимъ изъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которые могутъ иногда произойти сверхъ всякаго вѣроятія; или Маннерингъ, потерявшійся въ лабиринтѣ своихъ астрономическихъ изложеній, два раза слѣдовалъ за одною нитью, по которой долженъ былъ изъ него

выбраться; или воображеніе его, обольщенное нѣкоторымъ дальнимъ подобіемъ, помогало ему находить болѣе сходства, нежели сколько онаго было въ самомъ дѣлѣ: мы не возмемъ на себя сего рѣшить; но послѣдствіемъ взаимнаго отношенія обѣихъ выкладокъ было сильное и неизгладимое вліяніе на его умъ.

Въ удивленіи, причиненномъ ему столь страннымъ и неожиданнымъ рѣшеніемъ, не уже ли діаволъ, подумалъ онъ, мѣшается въ сіе дѣло, чтобы отплатить мнѣ за легкость, съ которою разсуждаю объ искусствѣ, происходящемъ, какъ говорятъ, отъ Магіи? или справедливо то, въ чемъ увѣряютъ Баконъ и Сиръ Томасъ Броунъ, что, слѣдуя Астрологіи, съ мудростію и точностію можно достигнуть истины, что не льзя отвергать вліянія свѣтилъ небесныхъ, хотя благоразуміе и предписываетъ не довѣрять предсказаніямъ обманщиковъ, увѣряющихъ, что будто бы въ нихъ почерпаютъ они свои свѣдѣнія? Одной

минуты размышленія ему было достаточно, чтобы оставить сіе вздорное мнѣніе, принятое тѣми двумя великими мужами потому только, что они не осмѣлились противостать общему мнѣнію своего вѣка, или потому, что, можетъ статься, и сами не совсѣмъ еще свободны были отъ суевѣрныхъ предразсудковъ. Однакоже однообразное слѣдствіе его расчетовъ какъ о младенцѣ, едва явившемся въ сей свѣтъ, такъ и о Софіи Вельвудъ, произвело надъ нимъ такое непріятное впечатлѣніе, что онъ, какъ Просперо, поклялся внутренно не браться болѣе за сіе ремесло и не предаваться судебной Астрологіи ни настоящимъ образомъ, ни въ шутку.

Нѣсколько времени былъ онъ въ недоумѣніи, что надлежало сказать Лорду Елленговану на счетъ гаданія о новорожденномъ, и наконецъ рѣшился увѣдомить о настоящемъ слѣдствіи своихъ расчетовъ, предваривъ его въ то же время о ничтожности правилъ, по коимъ они были соста-

влены. Рѣшившись на сіе, онъ пошелъ прогуляться по террасѣ.

Естьли при свѣтѣ луны понравился ему видъ, коимъ съ сего мѣста плѣняются, то и лучи солнца ни сколько не лишали его красоты. По пригорку, довольно крутому, но правильному, сошелъ Маннерингъ съ террасы на близкое отъ нея возвышеніе, а оттуда къ передней сторонѣ стараго за́мка. Только двѣ круглыя башни оставались въ цѣлости, толстыя стѣны коихъ противились усиліямъ времени. Онѣ соединялись посредствомъ куртины и защищали главный входъ на первый дворъ за́мка. Фамильный гербъ, высѣченный на камнѣ, еще былъ видѣнъ на фронтонѣ, и даже примѣтнымъ осталось мѣсто, къ коему нѣкогда прикрѣплялись кольцы для поднятія и опущенія подъемнаго моста. Сей нѣкогда страшный входъ былъ защищаемъ воротами, сколоченными изъ досокъ. Съ возвышенной площадки, находившей-

ся передъ за́мкомъ, представлялся видъ очаровательный.

Возвышеніе скрывало отъ глазъ развалины, подлѣ коихъ проѣхалъ наканунѣ Маннерингъ. Разнообразный и прелестный сельскій видъ состоялъ изъ горъ и долинъ, чрезъ кои извивался ручей и, казалось, коё гдѣ желалъ скрыть свои струи въ чащахъ рощей. Колокольня одной церкви и нѣсколько домовъ составляли селеніе, лежащее въ томъ мѣстѣ, гдѣ ручей относилъ въ морѣ дань водъ своихъ. Пашни, по видимому, были тщательно воздѣланы. Онѣ раздѣлялись по долинамъ и нижнимъ частямъ горъ на небольшіе огороженные участки, а деревья, означавшія ихъ и служившія вмѣсто заборовъ, въ иныхъ мѣстахъ достигали до вершинъ горъ; тучныя пастбы покрыты были стадами, а мѣсто, служившее торгомъ, оживляло сію восхитительную картину.

Далѣе взоры останавливались на предметахъ важнѣйшихъ. Въ нѣ-

которомъ разстояніи плодоносныя земли прилегали къ скаламъ, покрытымъ кустарникомъ, мѣстами зеленѣвшимся и отчасти черноватымъ, противополагавшимъ взору непроницаемый оплотъ и обѣщавшимъ не менѣе пріятное, какъ и спокойное уединеніе; съ другой стороны блуждали глаза по большому пространству береговъ, не уступавшихъ въ красотѣ и разнообразіи описаннымъ видамъ. Въ иныхъ мѣстахъ они были загромождены грозными скалами и на нѣкоторыхъ изъ нихъ показывались остатки башенъ, бастіоновъ, кои, по преданію, были построены одинъ вблизи другаго, дабы въ случаѣ нападенія чужеземныхъ враговъ, или во время междуусобной войны можно имъ было пользоваться взаимною помощію. Замокъ Елленгованъ казался важнѣйшимъ и огромнѣйшимъ изъ сихъ зданій; мѣстоположеніе его, крѣпость сихъ двухъ существовавшихъ еще башенъ и пространство земли, покрытой остальными развалинами,

доказывали, что преданіе не безъ причины приписывало его основателямъ первое мѣсто между владѣльцами сего Графства. Далѣе, образуемые моремъ небольшіе заливы казались завоеванными отъ береговъ, а мысы, покрытые лѣсами, далеко простиравшіеся посреди водъ, гордо возвышаясь надъ оными, какъ бы торжествовали надъ моремъ.

Зрѣлище сіе поразило Маннеринга тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе онъ къ оному былъ приготовленъ, потому что видѣнное имъ наканунѣ во время пути совсѣмъ того не обѣщало. Новый за́мокъ былъ передъ нимъ. Не за что было хвалить архитектора, но положеніе его было прелестно. Какую щастливую и спокойную жизнь можно было бы вести въ такомъ уединеніи! думалъ нашъ герой: съ одной стороны поразительные остатки, внушающіе душѣ тайную гордость, съ другой довольно покойное жилище, чтобы удовлетворить умѣреннымъ желані-

ямъ. Жить здѣсь, и жить съ тобою, Софія . . . . !

Мы не послѣдуемъ далѣе за мечтами любовника. Маннерингъ еще съ минуту любовался симъ зрѣлищемъ и вошелъ въ старый за́мокъ.

Только что прошелъ онъ чрезъ ворота, какъ увидѣлъ, что остатки великолѣпія перваго двора отвѣчали красотѣ наружности. Съ одной стороны былъ рядъ высокихъ и широкихъ оконъ, нѣкогда освѣщавшихъ главную залу за́мка и раздѣленныхъ простѣнками, сложенными изъ огромныхъ камней; съ другой зданія различной высоты и построенныя по видимому въ разныя времена, но фасадъ коихъ представлялъ однакоже нѣкоторый родъ однообразія. Двери и окна были украшены древнею грубою рѣзьбою, коё гдѣ еще существовавшею, индѣ разрушенною, а мѣстами заростшею повиликою и другими подобными травами, кои, казалось, весело

росли между сими развалинами. На дворѣ противу входа также были строенія, но въ худшемъ состояніи, нежели остальное, а сіе, какъ сказывали, происходило отъ того, что корабли Парламентской стороны подъ начальствомъ Дина, во время продолжительной междуусобной войны, стрѣляли по за́мку изъ пушекъ. Съ сей стороны не было ничего любопытнаго. Маннерингъ снова увидѣлъ море, и на ономъ вооруженный люгеръ, наканунѣ имъ замѣченный, еще стоявшій въ заливѣ на якорѣ.

Между тѣмъ, какъ онъ разсматривалъ всѣ развалины, въ одномъ покоѣ налѣво услышалъ онъ голосъ Цыганки, которую видѣлъ прошлаго вечера. Скоро отъискалъ отверстіе, чрезъ которое могъ видѣть, не показываясь, и не безъ удивленія замѣтилъ, что ея положеніе, занятіе, видъ лица совершенно уподоблялись тому, какъ говоритъ преданіе о Сивиллахъ.

На разбитомъ камнѣ сидѣла она въ одномъ углу покоя, не потерявшаго еще своей четыреугольности; а чтобы разчистить немного мѣста для своей самопрялки, отмела часть развалинъ. Солнечные лучи, проникая сквозь узкое окно, падали прямо на нее и освѣщали черты лица, столь же дикія, какъ ея одѣжда; остальная часть комнаты была почти въ темнотѣ. Нарядъ ея, прибавленный къ обыкновенному платью горныхъ Шотландцевъ, походилъ на какую-то восточную одежду. Она пряла, и на самопрялкѣ была насажена трехцвѣтная шерсть, черная, бѣлая и сѣрая. За работою она пѣла, и пѣснь ея казалась волшебствомъ, коему способствовали ея самопрялка и веретено, -- древнія орудія нашихъ прабабушекъ, согнанныя съ глазъ нашими женами. Маннерингъ, стараясь припомнить пѣтыя ею слова, не могъ того достигнуть, не понявъ ихъ смысла; онъ имъ сдѣлалъ слѣдующій переводъ, или, лучше сказать, подражаніе:

Сплетайтесь, мѣшайтесь вокругъ вертена,
Какъ смѣшаны щастье съ нещастіемъ въ жизни;
Ея многоцвѣтная ткань сплетена
Изъ горя и смѣха, надежды и страха.

*

Таинственно новую нить я спряла,
Предвѣстницей новыя жизни младенца:
Грядущихъ временъ прояснилась мнѣ мгла,
И будущность мощному гласу послушна.

*

Зерцало волшебное! дай мнѣ отвѣтъ!
Увы! я въ немъ вижу слѣпое смѣшенье
Страстей и желаній, блаженства и бѣдъ,
Надеждъ, опасеній, веселій, страданій.

*

О нити! премѣнчива смертныхъ судьба; —
Не столько премѣнчиво ваше стремленье.
Сплетайтесь, мѣшайтесь вокругъ вертена,
Какъ смѣшаны щастье съ нещастіемъ въ жизни!

Между тѣмъ какъ онъ старался удержать въ своей головѣ сіи строфы и припомнить одну рифму, Сивилла окончила работу и вся вóлна ея была допрядена; тогда взяла она вертено и, разматывая съ него по немногу нитки, мѣрила ихъ, начиная съ локтя и пропуская между большимъ и указательнымъ перстами. Измѣривъ все, она сама се-

бѣ сказала: „Вотъ хорошій мотокъ, но не цѣльный. Прекрасная жизнь! семьдесятъ мѣръ; но нить порвана три раза. Три ли раза онъ ее свяжетъ? Ежели успѣетъ въ томъ, то нещастливъ не будетъ.

Герой нашъ хотѣлъ-было поговорить съ Питониссою, какъ въ самое то время голосъ пріятный и тихій, какъ шумъ волнъ разъяреннаго моря, два раза прокричалъ съ нетерпѣніемъ: Мегъ, Мегъ Меррильисъ, Цыганка, колдунья! прахъ тебя побери!

Иду, иду, Капитанъ, отвѣчала гадательница, и въ ту же минуту показался въ развалинахъ человѣкъ, съ коимъ она говорила.

Онъ имѣлъ походку моряка, средній ростъ и лице, пожелтѣвшее отъ непогодъ и бореній съ сѣверовосточнымъ вѣтромъ; сложенія былъ сильнаго и казался составленнымъ изъ однихъ жилъ и мускуловъ, и конечно взялъ бы верхъ надъ всякимъ въ борьбѣ, кто былъ бы и выше его ростомъ; наружность его

была отвратительна, а черты лица не показывали ни сколько той веселости, откровенности и беззаботливости, кои обыкновенно сопровождают всякаго моряка на сушѣ. Сіи качества способствуют, может быть, столько же, как и другія, к пріобрѣтенію доброй славы, которую имѣют наши мореходцы и доставляют им наше уваженіе и дружбу. Великодушіе, мужество и терпѣніе наших моряков необходимо внушают к ним почтеніе и унижают в их присутствіи мирных обитателей твердой земли; но как ни уваженіе, ни чувство собственнаго униженія не могут ужиться с привязанностію и дружбою, то пылкость, веселый нрав и простое, короткое их обращеніе, когда они бывают на сушѣ, составляют также их отличительныя черты и заставляют их любить. Ничего подобнаго не видно было на лицѣ сего Капитана; напротив того, дикой и свирѣпой взгляд дѣлал еще

мрачнѣе его черты, коимъ ничто бы впрочемъ не могло дать пріятнаго выраженія. Гдѣ ты, тетка, чертова дочка? закричалъ онъ иностраннымъ выговоромъ, хотя и говорилъ по Англійски совершенно: будь ты проклята! Вотъ уже съ полчаса, какъ мы тебя ждемъ. Ну, иди же, поколдуй намъ на добрый путь, да потомъ и убирайся въ адъ.

Въ ту же минуту примѣтилъ онъ Маннеринга, который по положенію, взятому имъ, чтобъ лучше разглядѣть то, что дѣлала Мегъ Меррильисъ, казалось, скрывался отъ глазъ, будучи полузакрытъ навѣсомъ, за коимъ онъ стоялъ. Капитанъ (потому что сіе званіе онъ себѣ присвоилъ) вдругъ остановился, посмотрѣлъ прямо Маннерингу въ лице, и сунувъ правую руку между кафтаномъ и жилетомъ какъ будто искалъ оружія, сказалъ ему: „Ну, что, камарадъ? Кажется, твой глазокъ здѣсь что-то шаритъ, гемъ?“

Прежде нежели Маннерингъ, оскорбленный наглою рѣчью и удивленный движеніемъ сего человѣка, могъ ему дать какой-либо отвѣтъ, Сивилла вышла изъ своей конуры и приближилась къ Капитану. Глядя на Маннеринга, онъ въ полголоса ее спросилъ: „Не акула ли это? не хочетъ ли она меня проглотить? а?"

Мегъ отвѣчала ему въ томъ же родѣ и таинственнымъ языкомъ своего поколѣнія: — Кинь жемчугъ на песокъ, на голубятни обрѣжь крылья голубямъ! — показывая на новой замокъ.

Мрачный видъ Капитана немного прояснился. „Такъ здравствуйтежъ," сказалъ онъ Маннерингу: „я вижу, что вы пришли отъ моего друга Г-на Бертрама. Прошу васъ извинить меня; я ошибся и принялъ васъ за другаго."

— А вы, сударь, отвѣчалъ Маннерингъ, конечно хозяинъ того судна, которое стоитъ въ заливѣ? —

„Да, да. Мое имя Диркъ Гаттрійкъ, Капитанъ Юнгфрова, весьма извѣстнаго на здѣшнемъ берегу. Мнѣ нечего стыдиться ни имени моего, ни корабля, ни груза.“

— Я весьма увѣренъ, что къ тому нѣтъ никакой причины. —

„Нѣтъ, убей меня громъ! Я веду честный торгъ. Грузъ мой я взялъ въ Дугласѣ на островѣ Манѣ; онъ состоитъ изъ отличнаго коньяка и чая, настоящаго гизона и сучунга! Прекрасныя кружева, ежели вамъ нужно. Мы болѣе ста тонновъ выгрузили въ прошлую ночь.“

— Я человѣкъ дорожный, сударь, и теперь не имѣю надобности въ сихъ товарахъ. —

„Ну, такъ прощайте! всякому надобно хлопотать о своихъ дѣлахъ. А не то, пріѣзжайте ко мнѣ на корабль; я попотчую васъ прекраснымъ чаемъ. Диркъ Гаттрійкъ знаетъ, что есть вѣжливость. Гемъ?“

Въ чертахъ лица сего человѣка смѣсь безстыдства и дерзости, страха и подозрѣнія дѣлала видъ его совершенно отвратительнымъ; поступки его показывали негодяя, знающаго, какое мнѣніе о немъ должно имѣть, и старающагося оное отвратить, принимая на себя видъ беззаботной короткости. Маннерингъ въ короткихъ словахъ поблагодарилъ его за вѣжливое предложеніе, простился съ нимъ и видѣлъ, какъ онъ удалился съ Цыганкою. Изъ стараго за̀мка они вышли въ ту же сторону, съ которой Капитанъ въ него вошелъ. Очень узкая лѣстница вела внизъ до берега и конечно была высѣчена въ скалѣ для удобности гарнизона въ случаѣ осады; по ней-то спустилась къ морю сія столь хорошо подобранная чета. Самозванецъ Капитанъ сѣлъ въ маленькой яликъ, въ коемъ ожидали его двое матросовъ, и поплылъ къ своему судну; а Цыганка между тѣмъ распѣвала, сопровождая свое пѣніе тѣлодвиженіями,

съ такимъ изступленіемъ, что можно было его почесть сверхъестественнымъ.

ГЛАВА V.

Когда достойный Капитанъ доѣхалъ до своего люгера, то распустили на немъ паруса и судно пустилось въ море, выстрѣливъ три раза изъ пушки, салютуя симъ въ честь за̀мка Елленгована. Вѣтръ дулъ отъ земли и люгеръ пошелъ на всѣхъ парусахъ.

„Ага!“ сказалъ Лордъ, давно искавшій Маннеринга „и такъ они отправились — безпатентные купцы, — извѣстный Диркъ Гаттрійкъ, Капитанъ Юнгфрова, получеловѣкъ, полуголландецъ, получортъ; всѣ его паруса поставлены, — пусть же теперь догоняетъ его кто можетъ. И кому придетъ на то охота? Знаете ли вы, что этотъ плутъ навелъ ужасъ на всѣхъ таможенныхъ крейсеровъ? Они не могутъ съ нимъ сла-

дить, не могутъ приближиться къ нему, либо бываютъ биты. Но, кстати о таможнѣ: я пришелъ звать васъ завтракать: ужъ я васъ напою чаемъ, который. . . .“

Маннерингъ, давно примѣтившій, какъ достойный Г-нъ Бертрамъ легко переходилъ отъ одной мысли къ другой и сцѣплялъ между собою дѣла и вещи весьма удивленныя тѣмъ, что ихъ свели вмѣстѣ, поспѣшилъ прервать его, пока вообраожение не занесло его слишкомъ далеко, и сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о Диркъ Гаттрійкѣ.

„О! онъ . . . онъ . . . довольно добрый малой, когда ему никто не мѣшаетъ, торгуетъ запрещенными товарами, когда пушки сложены въ число балласта; а когда онѣ готовы на службу, то дѣлается корсаромъ, даже морскимъ разбойникомъ. Онъ одинъ надѣлалъ болѣе вреда таможеннымъ, нежели всѣ Рамзайскіе каторжные вмѣстѣ!“

— Какимъ же образомъ этотъ человѣкъ смѣетъ являться у здѣшнихъ

береговъ, да еще находитъ нѣкоторое себѣ покровительство? —

„Чтожъ дѣлать? Нуждаются въ водкѣ и чаѣ, а симъ только средствомъ и можно ихъ здѣсь достать. Къ томужъ, вѣдь это также торговля. Ежели вы захотите дѣлать закупки у Дункана Робба, Киплетрингганскаго купца, то ему надобно давать чистыя деньги, или росписку на короткой срокъ; а Диркъ Гаттрійкъ вмѣсто того выкинетъ у вашихъ воротъ одинъ или два боченка водки, дюжину фунтовъ чаю, а въ замѣнъ забираетъ дровами, ячменемъ и всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно. Кстати объ этомъ, я разскажу вамъ славный случай. Нѣсколько времени тому назадъ былъ недалеко отсюда Лордъ, по имени Гуджонфортъ; у него было очень много оброчныхъ куръ, то есть такихъ, которыхъ фермеры должны доставлять своимъ помѣщикамъ. Правду сказать, онѣ были очень тощи. Люси Финнистонъ на прошлой недѣлѣ мнѣ такихъ прислала, что жалко было

на нихъ и смотрѣть. У ней однакоже двѣнадцать добрыхъ участковъ земли подъ посѣвомъ, такъ, кажется, есть чѣмъ кормить. При мужѣ ея Дунканѣ Финнистонѣ; но онъ умеръ, и мы также всѣ помремъ, Г-нъ Маннерингъ; а говоря объ этомъ, постараемся въ ожиданіи хорошенько пожить: завтракъ нашъ готовъ и Доминусъ ждетъ уже, чтобы прочесть застольную молитву.“

Доминусъ произнесъ благословеніе, которое превосходило самыя длинныя рѣчи, до того времени слышанныя Маннерингомъ изъ устъ его. Похвалили чай, доставленный благороднымъ Капитаномъ Диркъ Гаттрійкомъ, и Маннерингъ не могъ не замѣтить, хотя со всевозможною вѣжливостію, сколь неблагоразумно было поощрять таковый торгъ, — даже прибавилъ онъ, хотя бы изъ одной справедливости къ таможнѣ, такъ я думалъ бы . . .

„А!“ подхватилъ Бертрамъ, рѣдко понимавшій мыслъ съ настоящей

ея стороны, и подъ именемъ таможни разумѣвшій однихъ сборщиковъ, осмотрщиковъ, объѣзщиковъ и конныхъ и пѣшихъ надсмотрщиковъ: „таможенные сами себя могутъ защищать; имъ нѣтъ нужды ни въ чьей помощи; къ тому же, они имѣютъ право брать себѣ въ пособіе военныхъ. А что касается до справедливости . . . то, не чудно ли вамъ покажется, Г. Маннерингъ, когда вы узнаете, что я даже не состою между членами мирныхъ судей здѣшняго Графства!

Маннерингъ притворился удивленнымъ, хотя внутренно не могъ не подумать, что мирный судъ немного терялъ, лишая себя великихъ свѣдѣній сего добраго дворянина. Но Г-нъ Бертрамъ, напавшій на предметъ, которой лежалъ у него на сердцѣ, продолжалъ противъ обыкновенія своего съ большимъ жаромъ.

„Однакожъ, это правда. Имя Годфруа Бертрама Елленгованскаго не состоитъ въ спискѣ судей сего Граф-

ства, хотя съ трудомъ отыскать можно какого-нибудь мѣлкопомѣстнаго дворянина, которой бы во время съѣздовъ не сидѣлъ между судьями и не растягивалъ своей подписи прибавленіемъ къ короткой фамиліи титла мирнаго судьи. Я знаю, кому симъ обязанъ. Сиръ Томасъ Китлекуртъ открытымъ ртомъ сказалъ, что онъ и меня вписалъ бы въ число другихъ, ежелибъ я взялъ его сторону на послѣднемъ выборѣ; но мнѣ весьма естественно было хлопотать и поддерживать кровнаго себѣ человѣка, Лорда Балруддери, моего брата въ четвертомъ колѣнѣ. Чтожъ тогда сдѣлали? Меня не включили въ число свободныхъ помѣщиковъ, и я былъ устраненъ. Придрались къ тому, будто Констабель Давидъ Мак-Гуффогъ выдаетъ за меня повелѣнія арестовывать и управляетъ моими дѣлами по своей волѣ, какъ будто я восковая фигура, — что сущая клевета! Я во всю мою жизнь выдалъ только семь такихъ ордеровъ, да и тѣ со-

чинялъ Доминусъ, которой вотъ здѣсь. И безъ этаго нещастнаго дѣла Санди-Мага Грутара, коего констабели дня два, три держали взаперти въ старомъ за́мкѣ, вмѣсто того, чтобы его отослать въ тюрьму нашего Графства . . . . О, оно мнѣ стоило довольно денегъ! но я знаю, чего хочется Сиру Томасу. Онъ завидуетъ мѣсту, которое я занимаю въ Кильмажирдльской церкви. Ну я у васъ спрошу: не мнѣ ли скорѣе сидѣть на первой лавкѣ противу священника, чѣмъ какому нибудь Мак-Кроскію Креохстонскому, которой ничто иное, какъ сынъ Думфрійскаго ткача?"

Маннерингъ показалъ, что онъ совершенно чувствуетъ справедливость его жалобъ.

„Еще, Г. Маннерингъ, есть дѣльцо касательно дороги и рва. Сиру Томасу хотѣлось оставить ихъ по прежнему; я зналъ, что онъ стоитъ сзади меня, однакоже сказалъ помощнику Чиновника путей сообщенія, что гораздо лучше ее

выпрямить и провести через самый ровъ, чтобъ чрезъ это, какъ замѣтилъ мой повѣренной, сберечь пол-осминникъ хорошей паствы. Наконецъ, когда зашло дѣло о выборѣ, сборщикъ податей . . . .“

—Конечно, милостивый государь, весьма странно, что вамъ оказали столь мало довѣренности въ той самой странѣ, гдѣ предки ваши, судя по великолѣпію ихъ жилища, должны были занимать первое мѣсто.

„Это правда, Г. Маннерингъ; но я ничего не отыскиваю и не останавливаюсь на такихъ бездѣлицахъ. Я даже, долженъ вамъ сказать, легко ихъ забываю. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы выслушали всѣ повѣсти, которыя покойникъ батюшка мнѣ разсказывалъ о сраженіяхъ Мак-Дингаваевъ, нынѣшнихъ Бертрамовъ, съ Ирландцами и горными жителями, которые хотѣли поселиться въ нашихъ долинахъ; когда они пускались въ Святую землю, то есть въ Іерусалимъ и Ерихонъ, ве-

дя за собою всѣхъ своихъ подданныхъ. Лучше бы имъ было ѣхать въ Ямайку, какъ дядя Сиръ Томасъ Киттлекуртъ. Если бы они вмѣсто знаменъ и другихъ трофеевъ, которые еще цѣлы и хранятся на чердакѣ, да навезли сахару, да нѣсколько бочекъ рому, то имѣнію ихъ отъ того было бы получше. Но можно ли сдѣлать какое нибудь сравненіе между Елленгованскимъ зáмкомъ и закоптѣлымъ жилищемъ Киттлекуртскимъ. Въ фасадѣ его, чаю, нѣтъ и шести саженъ. Но вы не завтракаете, Г. Маннерингъ, вы ничего не кушаете. Отвѣдайте этаго дикаго гуся; его поймалъ, въ субботу будетъ три недѣли, Жонъ Гай въ прудѣ подлѣ Гампсидскаго луга.“

Лордъ, коего негодованіе долго удерживало мысли въ одномъ кругѣ, предался тогда обыкновенному роду своихъ несвязныхъ разговоровъ и далъ Маннерингу время на размышленіе о непріятностяхъ состоянія, казавшагося ему за часъ предъ

тѣмъ столь завиднымъ. Передъ нимъ находился деревенскій дворянинъ, коего предобрый нравъ, казалось, составлялъ лучшее его качество, и который былъ недоволенъ, роппталъ на другихъ за безделицы, кои въ сравненіи съ истинными нещастіями, бывающими въ жизни, совершенно ничтожны. Но Провидѣніе такъ премудро насъ надѣлило, что тѣ изъ насъ, кои на пути своемъ не встрѣчаютъ большихъ огорченій, терпятъ небольшія притѣсненія, достаточныя для помраченія ясности дней ихъ; и никто изъ моихъ читателей не можетъ не знать того, что ни врожденная безпечность, ни философія, пріобрѣтенная ученіемъ и размышленіемъ, не могутъ сельскаго дворянина избавить отъ ощущеній, коимъ онъ предается во время выборовъ, засѣданій судейскихъ и собраній присяжныхъ.

Маннерингъ, любопытствуя узнать обычаи земли, въ коей находился, воспользовался тою минутою, когда

Бертрамъ остановился посреди продолжительныхъ разсказовъ, и спросилъ у него: какую необходимую надобность могъ имѣть Капитанъ Гаттрійкъ до отъѣзда своего въ Мегъ Мерильисѣ?

„Конечно ту, чтобы она доставила его кораблю щастливое плаваніе. Вы должны знать, Г. Маннерингъ, что сіи купцы, по законамъ называемые контрбандистами, не имѣютъ никакой вѣры и замѣняютъ ее суевѣріемъ. Они прибѣгаютъ къ ворожбѣ, талисманамъ и къ множеству другихъ подобныхъ глупостей.“

Суета суетъ! сказалъ Сампсонъ. Это сообщество съ лукавымъ духомъ, ладонки, заговариванія суть стрѣлы . . .

Полно же, Доминусъ; одинъ только ты и говоришь (замѣтьте, что кромѣ молитвъ при началѣ и концѣ стола, нашъ молодецъ и рта не раскрывалъ): ты не даешъ времени Г-ну Маннерингу сказать ни одно-

го слова. И такъ, Г. Маннерингъ, когда мы завели рѣчь объ Астрономіи, талисманахъ и другихъ подобныхъ вещахъ, сдѣлалиль вы одолженіе разсмотрѣть то, о чемъ мы вчера вечеромъ съ вами говорили?"

— Я начинаю думать, Г-нъ Бертрамъ, согласно съ вашимъ достойнымъ другомъ, Г. Сампсономъ, что єто мечь обоюду острый, съ которымъ не надобно шутить. Ни вы, ни я, ни всякой другой порядочный человѣкъ не можетъ вѣрить предсказаніямъ Астрологіи; но такъ какъ любопытство, побуждающее насъ, хотя и въ шутку, проникать таинство будущаго, производило иногда важныя и непріятныя послѣдствія: то я желалъ бы, чтобъ вы меня уволили отъ отвѣта на сей вопросъ. —

Легко можно себѣ представить, что таковая отговорка только раздражила любопытство Елленгована. Онъ настоялъ въ своей просьбѣ, а Маннерингъ, рѣшившись не подвергать младенца неудобствамъ, которыя

могли бы произойти отъ опасеній, что съ нимъ воспослѣдуютъ нещастія, которыми, казалось ему, грозили звѣзды, вручилъ Г. Бертраму запечатанную бумагу, запретивъ разпечатывать оную прежде, нежели младенцу минетъ пять лѣтъ. Въ то время ему позволялось прочесть написанное. Онъ надѣялся, что такъ какъ тогда пройдетъ первый срокъ предсказанныхъ нещастій безъ всякаго приключенія; то отецъ изъ того можетъ заключить въ точности, что и другихъ нечего опасаться. Г. Бертрамъ обѣщалъ послѣдовать его наставленіямъ. Дабы болѣе увѣриться въ томъ, что онъ сдержитъ свое слово, Маннерингъ прибавилъ, что съ робенкомъ можетъ случиться какое нибудь несчастіе, ежели печать будетъ снята прежде времени.

Маннерингъ согласился на усильныя просьбы Г. Бертрама провесть съ нимъ остатокъ дня. Онъ не заключалъ въ себѣ ничего достопримѣчательнаго. На другой же день

поутру нашъ путешественникъ сѣлъ на лошадь, простился съ своимъ радушнымъ хозяиномъ и его вѣрнымъ товарищемъ, пожелалъ всякаго благополучія всему семейству, поворотилъ своего коня къ сторонѣ Англіи и скоро скрылся изъ вида жителей Елленгована. Онъ также удалился и отъ глазъ читателей нашихъ, кои хотя и опять его увидятъ, но уже довольно пожилаго.

ГЛАВА VI.

Хотя Госпожа Бертрамъ Елленгованская лежала еще въ постели и не могла быть свидѣтельницею произшедшаго, но въ комнатѣ ея ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о прекрасномъ молодомъ Оксфордскомъ студентѣ, которой совѣтовался со звѣздами и извлекъ изъ того гаданія молодому Лорду. Ей описывали черты лица, звукъ голоса и осанку его; даже лошадь, сѣдло, узда и

шпоры не были забыты. Все сіе сдѣлало большое впечатлѣніе на воображеніе Госпожи Бертрамъ, потому что добрая дама была довольно суевѣрна.

Когда она могла уже чѣмъ-нибудь заниматься, то первое ея дѣло было сшить бархатной мѣшечекъ, чтобъ уложить въ него гаданіе о своемъ сынѣ, которое выпросила у своего мужа. Пальцы ея весьма чесались отъ желанія разломить печать, но легковѣріе взяло верхъ надъ любопытствомъ, и она имѣла довольно силы уложить, не трогая оной, завернувъ напередъ въ два листка пергамента, чтобы лучше сберечь печать. Она повѣсила сію ладонку младенцу на шею, прикрѣпивъ ее къ цѣпочкѣ, и рѣшилась такъ оставить до тѣхъ поръ, пока безъ опасности ей можно будетъ удовлетворить своему любопытству.

Отецъ съ своей стороны рѣшился исполнить собственный долгъ, давъ младенцу сколь возможно лучшее воспитаніе, и чтобъ быть въ

состоянiи положить оному хорошее основанiе въ ту самую минуту, когда лучь разсудка начнетъ озарять его; то легко уговорилъ Доминуса оставить прежнее его ремесло деревенскаго учителя и совсѣмъ переселиться къ нему въ замокъ. И такъ за жалованье, малымъ чѣмъ неравнявшееся съ платою наемнаго слуги, Доминусъ взялся сообщить будущему Лорду Елленговану всѣ тѣ науки и познанiя, въ коихъ въ самомъ дѣлѣ онъ былъ весьма свѣдущъ, и той ловкости и совершенству, которыхъ вовсе не имѣлъ, хотя внутренно и признавалъ себя одареннымъ оными. Отецъ находилъ въ семъ и свои выгоды: у него былъ всегда подъ рукою молчаливый товарищь, терпѣливо выслушивавшiй его продолжительные разсказы, когда никого болѣе не было, и надъ коимъ при другихъ подшучивая, онъ не опасаясь ничего, могъ показывать свою любезность.

Около четырехъ лѣтъ послѣ сего времени произошли большiя

перемѣны въ томъ Графствѣ, въ коемъ находилось Елленгованское владѣніе. —

Внимательно замѣчавшіе общее мнѣніе давно уже думали, что перемѣна въ Министерствѣ должна была воспослѣдовать непремѣнно, и послѣ многихъ отсрочекъ, продолжительныхъ колебаній между страхомъ и надеждою; послѣ разныхъ извѣстій, полученныхъ отъ весьма или не такъ вѣрныхъ людей, или даже не имѣвшихъ никакого основанія; въ слѣдъ за трудными занятіями нѣкоторыхъ клубовъ, разсуждавшихъ за огромными кружками пива, униженіемъ одного, возвышеніемъ другаго; послѣ многихъ разсылокъ пѣшкомъ, верьхомъ, въ почтовыхъ колясках; за многократными адрессами и просьбами, писанными въ пользу и напротивъ; послѣ того, что нѣсколько разъ предлагаемы были жизнь и имѣніе, наконецъ ударъ былъ нанесенъ, Министерство рушилось и за симъ, какъ водится, и Парламентъ былъ распущенъ.

Сиръ Томасъ Киттлекуртъ, какъ и многіе другіе почтенные Члены, находившіеся въ одинаковомъ съ нимъ положеніи, прискакалъ на почтовыхъ въ свое Графство; но въ ономъ былъ принятъ холодно. Онъ былъ въ числѣ приверженныхъ къ прежнему правленію, а потому друзья новаго хлопотали за Сира Жона Фейтергида, имѣвшаго лучшихъ собакъ и лошадей въ окрестности. Въ числѣ поднявшихъ знамя бунта противу Сира Томаса былъ нѣкто Жильбертъ Глоссинъ, служившій Повытчикомъ въ одномъ изъ нижнихъ судовъ и повѣреннымъ у Лорда Елленгована. Сей честный человѣкъ вѣроятно получилъ отъ Сира Томаса Киттлекурта въ чемъ-нибудь отказъ, или имѣлъ уже все, что чрезъ него могъ выпросить, а это, какъ всѣмъ извѣстно, одно и то же; а потому, чтобы получить новое повышеніе, ему надобно было обратиться въ другую сторону. Онъ имѣлъ право, какъ уже упомянуто, подавать голосъ за имѣніе Лорда Елленгована, и такъ

постарался, что заставилъ помѣстить своего покровителя въ число вольныхъ владѣльцовъ, не сомнѣваясь въ томъ, какую сторону онъ возметъ въ семъ случаѣ; безъ труда увѣрилъ его, что ему необходимо нужно показаться начальникомъ сколь можно многочисленнѣйшей партіи, а потому они и занялись извѣстными тогда въ Шотландіи средствами доставать себѣ поболѣе голосовъ. Они такъ хорошо разбили на участки всю собственность, полученную нѣкогда Елленгованами отъ Правительства, что въ день выбора Бертрамъ на мѣсто сраженія привелъ подъ своимъ начальствомъ десять человѣкъ, имѣвшихъ неоспоримое право подавать голосъ. Сіе подкрѣпленіе рѣшило судьбу того дня. Сиръ Жонъ былъ выбранъ, послѣ чего Жильберта Глоссина перевели повытчикомъ въ мирный Трибуналъ, а имя Годфруа Бертрама Елленгованскаго было вписано въ число мирныхъ судей Графства.

То было *nec plus ultra* Бертрамова честолюбія, не отъ того, чтобы онъ любилъ труды и отвѣтственность, сопряженные съ симъ достоинствомъ; но онъ полагалъ, что имѣетъ на оное права, и былъ сего званія лишенъ до того времени только по пристрастію и несправедливостямъ. Старая Шотландская пословица говоритъ: *Не давай дураку острой палки*, то есть оружія, коимъ бы онъ могъ вредить другимъ. Г-нъ Бертрамъ лишь только получилъ столь давно желанную имъ судейскую власть, какъ началъ дѣйствовать не такъ милостиво, какъ жестоко, и тѣмъ уничтожилъ общее всѣхъ знавшихъ его мнѣніе о добротѣ его сердца. Мы гдѣ-то читали исторію одного мирнаго судьи, написавшаго къ своему книгопродавцу, чтобы ему прислалъ полное собраніе законовъ настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ. Г-нъ Бертрамъ хотя и смыслилъ столько, чтобъ не сдѣлать таковой ошибки,

но отъ того не лучше обращался съ врученнымъ ему оружіемъ.

Онъ отъ доброй души повѣрилъ, что должность, назначенная ему Государемъ, означала личную къ нему милость, и не помнилъ о томъ, что недавно забвеніе, въ коемъ находился, и предпочтеніе, данное другимъ, полагалъ пристрастными и незаслуженными.

Лишъ только вышло ему опредѣленіе, какъ онъ повелѣлъ вѣрному своему Адъютанту Доминусу Сампсону прочитать его вслухъ. Съ первыхъ словъ: *Королю благоугодно опредѣлить* . . . онъ остановился и вскричалъ: — Благоугодно Королю! доброй онъ человѣкъ! Ужь конечно ему не могло быть столь угодно, какъ мнѣ.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ не хотѣлъ оказывать свою благодарность только безполезными чувствами, хладно хранимыми въ сердцѣ, или пустыми выраженіями признательности; онъ рѣшился доказать, что умѣетъ быть чувствительнымъ

къ сдѣланной ему чести, неограниченною дѣятельностію въ исполненіи препорученной ему должности. Новой вѣникъ, говорятъ, мететъ чище; и я самъ тому свидѣтель, что, когда взялъ въ домъ новую служанку, то пауки, Богъ знаетъ съ котораго времени завладѣвшіе нижними полками моей библіотеки, на коихъ находились судебныя и духовныя книги, весьма проворно должны были съ нихъ убраться. Съ таковою же строгостію вступилъ въ должность судьи Лордъ Елленгованъ. Изъ окрестностей своихъ онъ изгналъ мошенниковъ и бродягъ, уже съ полвѣка въ оныхъ поселившихся. Какъ новый Герцогъ Гумфрій, онъ производилъ чудеса: хромыхъ заставлялъ ходить, слѣпымъ возвращалъ зрѣніе; открылъ и выгналъ стрѣлявшихъ дичь по заказамъ, промышлявшихъ кражею плодовъ, всякаго рода мошенниковъ, и получилъ въ награду отъ своихъ собратій похвалы и прослылъ дѣятельнымъ судьею.

Все сіе добро было не безъ примѣси зла. Когда злоупотребленіе издавна укоренилось, то надобно его истреблять съ большею осторожностію. Ревность нашего достойнаго друга приводила въ замѣшательство множество людей, праздности и бездѣйствію коихъ онъ самъ отчасти помогалъ. Инымъ закоренѣлая привычка препятствовала перемѣнить образъ жизни; другіе, въ самомъ дѣлѣ будучи не въ состояніи работать, заслуживали, по ихъ словамъ, право пользоваться милостями всякаго истиннаго Христіянина. Нищій, лѣтъ съ двадцать обходившій околодокъ, принимавшій подаяніе не столько за милостыню презирающаго сострананія, какъ за знакъ благоволенія, былъ отсылаемъ въ ближайшій рабочій домъ. Съ дряхлою женщиною, ходившею, подпираясь костылемъ, отъ воротъ до другихъ, какъ дурной шилингъ, котораго каждый сживаетъ поскорѣе съ рукъ, передавая сосѣду, съ тою, которая не могла ходить и кликала согла-

шавшихся ее носить столь же громко и даже громче, нежели путешественникъ требуетъ почтовыхъ лошадей, поступаемо было таковымъ же образомъ. Старый Жонъ, недослыхивавшій, отчасти по глупости, отчасти притворно, и служившій забавою дѣтямъ изъ рода въ родъ около трехъ четвертей вѣка, былъ посаженъ въ Бридевелль Графства, въ коемъ лишенный свѣжаго воздуха и теплоты солнца, единственныхъ благъ, которыми еще былъ способенъ наслаждаться, черезъ полгода умеръ отъ грусти и скуки. Старый матросъ, съ давнихъ лѣтъ ходившій по кабакамъ веселить пьющихъ пѣснями *о Капитанѣ Вардѣ* или *о храбромъ Адмиралѣ Бенбовѣ*, былъ изгнанъ изъ Графства по той только причинѣ, что у него былъ Ирландскій выговоръ. Наконецъ, ревность новаго мирнаго судьи въ исправленіи земской полиціи простерлась даже до прекращенія ежегодныхъ странствій богомольцевъ.

Все сіе не произошло безъ того, чтобы не болтали на счетъ таковыхъ поступковъ и не охуждали оныхъ. Мы всѣ сотворены не изъ дерева, не изъ камня, и привычки, укрѣпившіяся въ нашихъ сердцахъ, не могутъ изъ оныхъ быть исторгнуты, какъ трава или мохъ, не нанесши имъ раны. Жена Фермера сожалѣла, не могши болѣе показывать своего проворства, а также, можетъ быть, лишенная нѣкотораго внутренняго удовольствія при раздачѣ нищимъ, приносившимъ изъ окрестностей новости, вмѣсто милостыни, нѣсколькихъ горстей овсяныхъ крупъ. Хижины терпѣли недостатокъ во множествѣ мѣлочей, къ коимъ жители были пріучены и которыя приносили къ нимъ тѣ самые бродяги, которымъ запрещено было впредь таскаться. Дѣти оставались безъ изюма и игрушекъ; у молодыхъ женщинъ былъ недостатокъ въ булавкахъ, лентахъ, гребняхъ и пѣсняхъ. Старикамъ не кому было промѣнивать яйца на

соль и шабакъ истертый и въ листьяхъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ озабоченный дѣлами Елленгованъ потерялъ довѣренность, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе прежде пользовался народною любовію. Въ древности его фамиліи находили даже новую причину къ его осужденію. Намъ нечего смотрѣть на то, такъ говорили многіе, что дѣлаютъ Гринзиды, Вурнвили, Вивфорды; они новые къ намъ пришельцы: но Елленгованъ, имя, извѣстное въ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ и даже нѣсколько прежде! Ему, ему такъ обходиться съ бѣдными людьми! Его дѣда называли злымъ Лордомъ; но хотя онъ и не слишкомъ бывалъ добръ, когда долго просиживалъ за столомъ, однакоже и онъ бы ничего похожаго на это не сдѣлалъ. Большой каминъ стараго за́мка въ его время былъ всегда нагрѣтъ, и вокругъ его можно было найти столько же неимущихъ, сколько въ гостиной порядочныхъ людей; а

Милади всякой годъ подъ Рождество раздавала бѣднымъ по двѣнадцати серебряныхъ копѣекъ въ честь двѣнадцати Апостоловъ. Говорили, что будто она Католичка. Ну, чтожъ? Наши господа теперь могли бы поучиться у Католиковъ. Ежели бѣдный народъ терпѣлъ недѣлю притѣсненіе и натяжки, то по крайней мѣрѣ въ Воскресенье навѣрное получалъ свой пятакъ.

Такъ поговаривали за каждою кружкою пива во всѣхъ кабакахъ на три или четыре мили отъ Елленгована, что составляло діаметръ круга, въ коемъ нашего пріятеля Бертрама должно было принимать за главную планету. Но пересуды еще увеличились, когда онъ согналъ съ своей земли толпу Цыганъ, издавна на оной поселившуюся, и съ однимъ членомъ коей читатель нашъ уже познакомился.

ГЛАВА VII.

Хотя свойство Цыганскихъ шаекъ, наводнявшихъ нѣкогда большую часть Европы и составляющихъ и по сіе время особую породу, вообще извѣстно; но читатель проститъ мнѣ, что я въ короткихъ словахъ опишу тогдашнее ихъ положеніе въ Шотландіи.

Извѣстно, что въ старину одинъ Король той страны призналъ Цыганъ за особый и независимый народъ. Нѣкто изъ его потомковъ поступалъ съ ними не столь милостиво; слово Цыганъ, на вѣсахъ правосудія, равнялось названію вора, и по точному положенію закона, съ ними обходились, какъ съ ворами. Не смотря однакоже на сію строгость, общество ихъ процвѣтало посреди несчастій, опустошившихъ сію землю; оно даже усилилось большимъ числомъ военныхъ людей, самовластіемъ и голоднымъ временемъ лишенныхъ средствъ къ пропитанію. Сія смѣсь

лишила Цыганъ большей части отличительнаго характера ихъ происхожденія. Изъ нихъ вышла смѣшанная порода, присоединившая привычки своихъ восточныхъ предковъ, лѣность и воровство, съ жестокостью горныхъ жителей сѣвера, къ нимъ приставшихъ; они странствовали отдѣльными шайками; имѣли между собою положенія, по коимъ каждое поколѣніе не могло переходить за черту назначенной оному округи, и малѣйшее нарушеніе опредѣленныхъ границъ давало поводъ къ дракамъ, а не рѣдко и кровопролитіямъ.

Флетчеръ лѣтъ за сто предъ симъ сдѣлалъ описаніе симъ бродягамъ, и читатели наши съ удивленіемъ прочтутъ нѣкоторые изъ него отрывки.

„Теперь, говоритъ онъ, въ Шотландіи, кромѣ множества бѣдныхъ семействъ, живущихъ единственно церковными подаяніями, или отъ недостаточной пищи безвременно умирающихъ, находятся

двѣсти тысячь нищихъ, ничего не имѣющихъ, кромѣ того, что могутъ себѣ выпросить подъ окнами. Они тяжелое бремя для сей страны, и ей никакой не приносятъ пользы. Хотя несчастныя времена почти удвоили сіе число противу прежняго, однакоже можно полагать, что никогда не было менѣе ста тысячь таковыхъ бродягъ, ни мало не подчиненныхъ никакимъ законамъ, ни гражданскимъ, ни духовнымъ, ни даже естественнымъ. Никакой судья не можетъ собрать свѣденій о числѣ рождающихся и умирающихъ между ними. Они не только истинное несчастіе для бѣдныхъ крестьянъ, увѣренныхъ, что будутъ прибиты, ежели откажутъ въ хлѣбѣ и другихъ съѣстныхъ припасахъ шайкѣ, иногда состоящей изъ сорока человѣкъ, но они еще и позволяютъ себѣ иногда грабить домы, отдаленные отъ другихъ и не могущіе получать скорой помощи отъ сосѣдей. Въ урожайные годы они тысячами

попадаются въ горахъ, гдѣ проводятъ цѣлые дни въ пирахъ и распутствѣ; на свадьбахъ, погребеніяхъ, торгахъ, ярмаркахъ, на всѣхъ сборищахъ увидишь ихъ пьющихъ, бранящихся, богохульствующихъ и дерущихся между собою.“

Не смотря на жалкую картину, представленную въ семъ отрывкѣ, и на то, что Флетчеръ, краснорѣчивый и мужественный поборникъ свободы, самъ не находилъ другаго средства прекратить сіи безпорядки, какъ подчинивъ сей народъ нѣкоторому домашнему рабству, время, строгость законовъ, удобнѣйшія средства къ пропитанію остановили мало помалу успѣхи сего зла, и заключили его въ тѣснѣйшіе предѣлы. Касты Цыганъ или Богемцовъ, потому что тѣ бродяги извѣстны были подъ сими обоими наименованіями, дѣлались не столь многочисленными, а другіе и вовсе перевелись; но все еще ихъ оставалось довольно для того, чтобы дѣлать частыя тревоги и

въ деревняхъ производитъ безпрерывныя притѣсненія. Нѣкоторыя простыя работы, казалось, были исключительно предоставлены ихъ ромесленникамъ. Никто, кромѣ ихъ, не выдѣлывалъ деревянныхъ тарелокъ, роговыхъ ложекъ и всего, что относится къ мастерству мѣдниковъ; къ тому же они вели торгъ самою грубою глиняною посудою: таковы были видимыя средства ихъ пропитанія. Каждое поколѣніе обыкновенно имѣло мѣсто соединенія, составлявшее главное ихъ селеніе, которое они почитали своимъ лагеремъ и вблизи коего удерживались отъ всякихъ безпорядковъ. Нѣкоторые даже имѣли дарованія, коими въ иныхъ случаяхъ угождали, или дѣлались нужными. Многіе занимались съ успѣхомъ музыкою, и часто изъ Цыганъ выходили искусные скрыпачи и флейтраверсисты. Никто не умѣлъ лучше ихъ отыскать мѣсто, гдѣ рыба или дичь находилась. Зимою женщины гадали, мущины показы-

вали фокусы; а въ тѣ вечера, когда отъ вѣтра и дождя Фермеръ не выходилъ изъ дому, они помогали собравшемуся обществу въ гостиной проводить время и по возможности его сокращать. Однимъ словомъ, они были Шотландскіе *Паріи*, жили какъ дикіе Индійцы между Европейскими селеніями, и какъ о тѣхъ, судили и о нихъ болѣе по ихъ нравамъ, обычаямъ и мнѣніямъ, нежели какъ по правиламъ, принятымъ въ благоустроенномъ обществѣ. И въ наше время находятся еще нѣкоторые ихъ остатки, особенно около горъ, въ коихъ они могутъ скрываться, когда ихъ преслѣдуютъ. Черты ихъ характера не смягчились, но число до того уменьшилось, что вмѣсто ста тысячь, какъ прежде полагалъ Флетчеръ, теперь съ трудомъ во всей Шотландіи можно набрать сотенъ пять или шесть.

Никто не могъ запомнить, съ котораго времени толпа сихъ бродягъ, въ числѣ коихъ находилась Мегъ Мерильисъ, поселилась на

полянѣ, принадлежавшей Елленговану. Они построили на оной нѣсколько хижинъ, называемыхъ ими *защитою* или *убѣжищемъ*, и въ коихъ, когда не шатались по сторонамъ, они были столько же мало обезпокоеваемы, какъ и вороны, сидѣвшіе на старыхъ ясеняхъ, ихъ окружавшихъ. Здѣсь жили они съ столь давняго времени, что привыкли считать своею собственностію бѣдныя мазанки, въ которыхъ обитали. Они, какъ носился слухъ, пріобрѣли покровительство Елленговanскихъ владѣльцовъ услугами, оказанными въ военное время, а особенно опустошеніемъ земель сосѣдственныхъ Бароновъ, съ которыми Бертрамы бывали во враждѣ. Въ новѣйшія времена услуги ихъ были совсѣмъ инаго рода. Женщины вязали шерстяныя руковицы для Милади, а для Лорда толстые чулки для сапогъ; сіи подарки имъ подносились въ Рождество съ большою пышностію. Старыя сивиллы благословляли брачное ло-

же Милорда во время его свадьбы и колыбель младенца, когда у него рождался наслѣдникъ. Мущины чинили битый фарфоръ Милади, помогали Милорду, когда онъ ѣзжалъ на охоту, учили легавыхъ собакъ, а триксамъ рѣзали уши. Дѣти сбирали въ лѣсу орѣхи, въ кустахъ малину, по лугамъ печерицы и такимъ образомъ относили свою дань въ зáмокъ. Съ ихъ стороны сіи нѣкоторымъ образомъ добровольное подданство и увѣреніе въ вѣрности не оставались безъ награжденія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ защищали, въ другихъ на многое смотрѣли сквозь пальцы, и когда какое нибудь чрезвычайное обстоятельство заставляло господина показать свое великолѣпіе и щедрость, то остатки пиршества отдавались имъ, не говоря уже объ особенной раздачѣ пива и водки. Сей взаимный размѣнъ угожденій продолжался по крайней мѣрѣ два столѣтія и произвелъ то, что жители Дернклейга (такъ называлось ихъ убѣ-

жище) полагали имѣть неоспоримое право жить въ помѣстьѣ Елленгована. Они были особенными друзьями настоящему Лорду, употреблявшему нѣсколько разъ свой кредитъ, чтобъ ихъ защитить отъ преслѣдованій правосудія. Но сему мирному состоянію не суждено было долѣе существовать.

Жители Дернклейга весьма мало заботились о томъ, что дѣлалось съ бродягами, не принадлежавшими къ ихъ породѣ, и строгость, оказываемая противу ихъ мирнымъ судьею, не причиняла имъ никакого опасенія на собственный ихъ счетъ. Они были увѣрены въ томъ, что онъ рѣшился не оставлять въ околодкѣ никакихъ другихъ нищихъ, кромѣ жившихъ на его землѣ и исправлявшихъ свое ремесло, имъ самимъ позволенное, или по крайней мѣрѣ незапрещенное. Самъ Г. Бертрамъ сначала не имѣлъ намѣренія употребить свою власть противу сихъ старыхъ поселенцовъ, но былъ во-

влеченъ въ сіе слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ одномъ засѣданіи Графства нѣкоторый дворянинъ, бывшій во время выборовъ противной стороны Елленговану, при всѣхъ сдѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что, оказывая большую ревность къ благоустройству и стараясь прослыть справедливымъ и дѣятельнымъ, онъ держалъ на своей землѣ цѣлую орду величайшихъ бездѣльниковъ изъ всего Графства, и даже позволялъ имъ жить въ милѣ отъ своего за́мка. Нечего было отвѣчать на таковый упрекъ и дѣло было всѣмъ извѣстное. Нашъ новый судья въ молчаніи перенесъ таковое униженіе, и возвращаясь домой, обдумывалъ, какимъ бы средствомъ удобнѣе сбыть съ рукъ бродягъ, коихъ жительство въ его владѣніи наносило пятно доброй славѣ его. Онъ рѣшился воспользоваться первымъ предлогомъ, которой Дернклейгскіе Паріи подадутъ ему къ ссорѣ, какъ нечаянно случай ему представилъ оный.

Съ тѣхъ поръ, какъ его произвели въ важный чинъ мирнаго судьи, онъ приказалъ выкрасить вновь и запереть ворота при въѣздѣ въ аллею, ведшую къ его за̀мку, кои прежде были отворены самымъ гостепріимнымъ образомъ; онъ также забилъ кольями и засадилъ колючими кустами нѣкоторыя лазейки въ заборѣ, окружавшемъ его паркъ, сквозь которой пробирался въ него всякой, не прося позволенія и не причи̂няя никакого вреда: дѣти, чтобъ доставать тамъ птичьи гнѣзда; старики, чтобъ поближе пройти, взявъ прямое направленіе; дѣвочки и мальчики, чтобы удобнѣе въ немъ видаться по вечерамъ. Но сіи ясные дни приходили къ концу. Грозная надпись, намалеванная съ одной стороны воротъ, объявляла, что всѣ пойманные въ паркѣ будутъ наказаны сообразно съ законами; а на другой сторонѣ, для равенства, написано извѣщеніе, что за зоборомъ поставлены были ружья съ пружинами и столь страшные

капканы (говорило пышное *примѣчаніе*), что ежели въ нихъ попадется человѣкъ, то они переломятъ ногу у лошади.

Не смотря на сіи страшныя угрозы, шесть маленькихъ Цыганъ и столько же дѣвочекъ сидѣли однажды верхомъ на новыхъ воротахъ и плели вѣнки изъ цвѣтовъ, вѣроятно нарванныхъ въ запрещенной оградѣ. Елленгованъ велѣлъ имъ сойти; но они, его не послушались. Онъ попробовалъ ихъ сбросить одного за другимъ; но иные держались крѣпко, а другіе взлѣзали опять столь же проворно, какъ и падали. Лордъ призвалъ къ себѣ на помощь слугу вооруженнаго арапникомъ, коего нѣсколько ударовъ въ мигъ разсѣяло все сборище. Таковъ былъ первый шагъ къ разрушенію мира, существовавшаго столь издавна между домомъ Елленгована и лагеремъ Дернклейгскимъ.

Чтобъ увѣрить Цыганъ, что война сія была нешуточная, надлежало показать имъ, что дѣти не-

премѣнно бывали сѣчены всякой разъ, когда ихъ заставали въ паркѣ; что они были осуждаемы платить пеню, ежели находили ихъ ословъ пасущихся въ новыхъ плантаціяхъ, или на опушкахъ хлѣбныхъ полей; что наконецъ Констабель начиналъ отбирать отъ нихъ настоящія свѣдѣнія объ образѣ ихъ жизни и изъявлять удивленіе, нашедъ людей спящихъ цѣлый день и отлучающихся на всю ночь.

Когда дѣло до того уже дошло, то и Цыгане не посовѣстились начать съ своей стороны военныя дѣйствія. Курятникъ Елленгована былъ очищенъ, бѣлье его, развѣшенное для сушенія на веревкахъ, или разостланное въ травѣ, украдено, рыба въ прудахъ повыловлена, собаки его сманены, молодыя деревья подрѣзаны; наконецъ мщеніе дошло до того, что уже дѣлали зло только для удовольствія наносить вредъ.

Съ другой стороны посыпались предписанія разыскивать, слѣдовать, сажать подъ караулъ. Не смотря

на ловкость грабителей, нѣкоторые были пойманы. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ молодой и сильной, былъ отданъ въ матросы на корабль; двое ребятъ порядочно высѣчены; одна достойная пожилая Цыганка посажена въ смирительный домъ.

Цыгане однакоже не располагались оставить жилища, коимъ пользовались столь долгое время, и самъ Г. Бертрамъ не имѣлъ большаго желанія лишить ихъ стариннаго убѣжища, а потому малая война продолжалась нѣсколько мѣсяцовъ и обѣ стороны ни на минуту не прекращали военныхъ дѣйствій.

ГЛАВА VIII.

Описавъ начало и успѣхи войны Шотландскихъ молодцовъ, мы не должны пропустить безъ замѣчанія, что между тѣмъ нечувствительно текло время и что Генрихъ Бертрамъ, смѣлѣйшій и прекраснѣйшій изъ дѣтей когда-либо владѣвшихъ деревяннымъ мечемъ, или но-

сившихъ бумажный гренадерской колпакъ, приближался къ тому дню, въ который должно было исполниться ему пять лѣтъ. Рѣшительный характеръ развертывался въ немъ самъ собою и сдѣлалъ его большимъ шалуномъ. Не было около Елленгована ни одной борозды, ни рва, которыхъ бы онъ не зналъ совершенно; онъ былъ въ состоянiи сказать, на какомъ лугу росли прекраснѣйшiе цвѣты и въ какомъ мѣстѣ были самые спѣлые орѣхи. Слѣдовавшихъ за нимъ онъ пугалъ смѣлостiю, съ которою карабкался по развалинамъ стараго зáмка и не разъ добѣгалъ до Цыганскаго селенiя.

Въ такомъ случаѣ Мегъ Мериллисъ обыкновенно относила его назадъ, посадивъ къ себѣ на спину. Цыганъ сосланный на корабль былъ ее племянникъ, и съ тѣхъ самыхъ поръ она не могла преодолѣть себя и войти въ зáмокъ Елленгованъ; но гнѣвъ ея, казалось, не простирался на младенца. Напротивъ того, когда онъ гулялъ, то она старалась

съ нимъ встрѣтиться, пѣла ему какую нибудь Цыганскую пѣсню, сажала на своего осла, и клала въ его карманъ кусокъ пряника или яблоко покраснѣе. Такъ какъ прежняя привязанность сей женщины къ фамиліи Елленгованской не могла сохраниться къ старшему въ семъ родѣ, то, казалось, ей было пріятно обратить оную съ бóльшею противъ прежняго силою къ новой отрасли. Она сто разъ пророчила, что маленькой Генрихъ будетъ славою своего семейства; что старый пень не пускалъ еще такой вѣтьви послѣ смерти Артура Макъ-Динхивая, убитаго на сраженіи Блоади-Байскомъ, потому что теперешній дубъ годится лишь на дрова.

Когда ребенокъ однажды занемогъ, то она провела цѣлую ночь у него подъ окномъ, распѣвала разныя пѣсни, которыми полагала заговорить его болѣзнь, и пока не узнала, что дитя былъ внѣ опасности, ничто не могло ее скло-

нить войти въ за́мокъ или оставить то мѣсто.

Привязанность сей женщины поселила недовѣрчивость, не въ головѣ Лорда, никогда бы не рѣшившагося подозрѣвать кого-либо въ дурномъ, но въ женѣ его, которая была нездорова и нечрезвычайно умна. Она была во второй разъ на сносяхъ, не могла выходить изъ за̀мка и не слишкомъ полагалась на няньку своего сына, молодую вѣтреницу. И такъ упросила она Доминуса Сампсона взять на себя трудъ ходить съ нимъ гулять и никогда не выпускать его изъ вида. Доминусъ страстно любилъ своего молодаго воспитанника, гордился успѣхами его воспитанія, потому что уже довелъ его до тройныхъ складовъ. Мысль видѣть его похищеннымъ Цыганами подобно Адаму была для него несносна, а потому онъ охотно принялъ на себѣ занятіе, совершенно несообразное съ вседневными его привычками. И такъ видали его гуляющаго съ пол-

нею головою задачь, кои онъ старался разрѣшить, не спуская глазъ съ пятилѣтняго ребенка, коего рѣзвость многократно ввергала его въ самыя смѣшныя положенія. Два раза гонялась за нимъ на узкой дорожкѣ упрямая корова; однажды переходя по перекладинѣ черезъ ручей, онъ въ него упалъ, и хотѣвъ сорвать для дитяти водяную лилію, по уши завязъ въ топкомъ болотѣ. За што деревенскія бабы, въ семъ послѣднемъ случаѣ помогавшія Сампсону выкарабкаться, показали Лорду, что гораздо лучше ему будетъ препоручить своего сына обжирающимся картофелями. Дерзнемъ ли мы объяснить, что подъ симъ названіемъ онѣ разумѣли свинью? Но добрый Доминусъ переносилъ всѣ сіи приключенія съ видомъ терпѣнія и непоколебимой важности. *Удивительносъ!* было единственное восклицаніе, у него вырывавшееся.

Г. Бертрамъ, утомленный войною съ Дернклейгскими мошенника-

ми, наконецъ рѣшился ее окончить, согнавъ ихъ съ своей земли. При семъ извѣстіи старые слуги покачали головою и даже Доминусъ осмѣлился сдѣлать косвенное замѣчаніе. *Ne moveas camerinam*, сказалъ онъ; но ни сравненіе, ни пророческой голосъ, съ коимъ оно было произнесено, не могли произвесть надъ Лордомъ никакого впечатлѣнія, и къ дѣйствіямъ противу Цыганъ приступили со всѣми обрядами, предписанными закономъ. Полицейскій Офицеръ перемѣтилъ мѣломъ двери во всемъ селеніи въ предупрежденіе, чтобы къ будущему сроку непремѣнно всѣ сошли; однакоже они не сдѣлали никакихъ приготовленій, показывающихъ послушаніе къ даннымъ приказаніямъ. Наконецъ пришелъ и день Св. Мартына — пагубный срокъ, и надобно было прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ, чтобы ихъ выжить. Отрядъ мирныхъ служителей, довольно сильный, чтобъ сдѣлать всякое сопротивленіе безполезнымъ,

даль жителямъ приказъ непремѣнно къ полудню выбраться; и какъ то время пришло, а они еще не располагались повиноваться, то начали съ мазанокъ вскрывать кровли и выламывать двери и окна: образъ изгнанія короткій, весьма дѣйствительный и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шотландіи и по сіе время употребляемый, когда Фермеръ не хочетъ слушаться и очищать домъ. Цыгане смотрѣли сперва на таковое разрушеніе въ молчаніи и изумленіи; потомъ, собравъ своихъ ословъ, навьючили на нихъ скудные пожитки и снарядились въ путь. Все сіе сдѣлалось у нихъ такъ же скоро, какъ у кочующихъ Татаръ снимаются съ лагеря; послѣ чего они отправились искать себѣ новаго убѣжища въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, въ коемъ бы помѣщикъ не былъ мирнымъ судьею или членомъ какого нибудь Трибунала.

Нѣкоторый родъ уваженія къ человѣчеству воспрепятствовалъ Ел-

ленговану дѣйствовать лично при изгнаніи старинныхъ союзниковъ его фамиліи; онъ возложилъ исполненіе сего на мирныхъ чиновниковъ подъ начальствомъ Г. Франка Кеннеди, таможеннаго надсмотрщика, съ нѣкотораго времени часто посѣщавшаго за́мокъ и о коемъ въ слѣдующей главѣ мы будемъ имѣть случай поговорить пространнѣе. Что же касается до него, то онъ въ тотъ день поѣхалъ въ гости къ одному пріятелю, жившему по близости, чтобы чрезъ то удалиться отъ мѣста дѣйствія; но не смотря на его предосторожности, на обратномъ пути встрѣтился съ прежними друзьями.

Сія встрѣча съ уходившимъ Цыганскимъ таборомъ послѣдовала на неровной дорогѣ подлѣ холма на межѣ владѣнія Елленгована. Четверо или пятеро мущинъ составляли родъ передоваго войска; всякой былъ окутанъ большимъ плащемъ, покрывавшимъ высокій и сухощавый станъ, а шляпы съ широкими опущенными

краями оттѣняли ихъ дикія черты, черные глаза и загорѣлое лицо. У двухъ изъ нихъ было по ружью, еще у одного сабля безъ ноженъ, вообще у всѣхъ спрятанные подъ одеждами охотничьи ножи Шотландскихъ горныхъ жителей. За ними слѣдовали ослы, навьюченные имуществомъ, и небольшія двуколесныя тележки, на коихъ сидѣли изгоняемые старики и дѣти; женщины въ красныхъ юпкахъ и соломенныхъ шляпкахъ и нѣсколько взрослыя дѣти, полунагія и босыя, управляли симъ маленькимъ караваномъ, за коимъ слѣдовалъ остатокъ шайки. Дорога была узка и изрыта глубокими колеями. Слуга Г-на Бертрама, пріударивъ свою лошадь, подался впередъ, съ важнымъ видомъ хлопнулъ по воздуху бичемъ и сдѣлалъ проводникамъ знакъ, чтобы очистили средину дороги. Такъ какъ сей сигналъ не произвелъ никакого дѣйствія, то, обратясь къ людямъ, небрежно шедшимъ впереди, онъ вскричалъ: „Ну, чтожъ вы

не прибираете своихъ скотовъ и не очищаете Милорду дороги?"

— Будетъ съ него и половины, отвѣчалъ одинъ Цыганъ изъ подъ большой шляпы, не поднимая головы; не дадутъ ему болѣе. Дорога равно сдѣлана для нашихъ ословъ, какъ и для его лошадей. —

Какъ дерзская рѣчь сего человѣка отзывалась угрозами, то Г. Бертрамъ отложилъ до другаго удобнѣйшаго времени показаніе своей знатности, и заблагоразсудилъ спокойно пробираться по предоставленной ему части дороги. Желая однакоже взять видъ, что будто не замѣтилъ сдѣланнаго ему неуваженія, онъ вступилъ въ разговоръ съ однимъ мущиною, прошедшимъ мимо его, не поклонясь и даже не показавшимъ, что его узнаетъ: „Жилесъ Байльи! сказалъ онъ, получилъ ли ты извѣстіе, что сынъ твой Гавріилъ доволенъ своимъ положеніемъ?" — То былъ молодой человѣкъ, насильно отданный на корабль.

— Ежели бы было иначе, отвѣчалъ сей съ мрачнымъ и свирѣпымъ видомъ, то вы о томъ скоро бы узнали, — и не останавливаясь ни на минуту, продолжалъ свой путь. Проѣхавъ сквозь толпу, коей всѣ лица ему были знакомы и на которыхъ выражались только ненависть и презрѣніе вмѣсто прежнихъ чувствъ почтенія и привязанности, и выбравшись наконецъ на чистое мѣсто, онъ не могъ удержаться не оборотить лошади, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на сію удаляющуюся колонію, заслуживавшую вниманіе и кисть Каллота. Передовые зашли за небольшую довольно густую рощу, находившуюся у подошвы холма, и потомъ за оною постепенно скрылись всѣ, до послѣднихъ отсталыхъ.

Чувствуемое имъ при семъ было не безъ горести. Правда, что толпа, изгнанная имъ изъ древняго ея *убѣжища*, состояла изъ праздношатающихся и бродягъ; но старался ли онъ самъ сдѣлать ихъ лучши-

ми? Виновнѣе ли они были въ сію минуту, нежели когда онъ позволялъ имъ считать себя нѣкоторымъ образомъ подъ покровительствомъ его фамиліи? Должно ли было повышеніе его въ должность мирнаго судьи перемѣнить его съ ними обращеніе? Не слѣдовало ли ему, по крайней мѣрѣ, озаботиться о возможномъ ихъ исправленіи, прежде нежели отнять у цѣлыхъ семи семействъ бывшее у нихъ единственное убѣжище, прежде нежели лишить ихъ послѣднихъ средствъ, кои сколь ни были маловажны, однакоже могли ихъ удерживать отъ дальнѣйшаго стремленія къ злодѣяніямъ? Сердце его не могло не растрогаться и не ощутить сожалѣнія при взглядѣ на столь многихъ знакомыхъ ему людей отъ него удаляющихся навсегда и невѣдающихъ, что съ ними станется. Годфруа Бертрамъ былъ тѣмъ склоннѣе къ сему чувству, что ограниченный его умъ искалъ главнаго себѣ занятія во всемъ его окружавшемъ. Когда онъ

вознамѣрился продолжать свой путь, но вдругъ представилась его глазамъ Мегъ Мерильисъ, оставав шаяся позади своей шайки.

Она стояла на холмѣ, который, какъ мы сказали, находился подлѣ дороги, такъ что она была гораздо выше Елленгована. Ея почти гигантскій ростъ, рисуясь по лазури небесъ, представлялъ глазамъ, такъ сказать, нѣчто сверхъестественное. Мы уже упомянули, что въ платьѣ ея, или лучше сказать въ особенномъ образѣ одѣянія, было что-то иностранное; можетъ быть, что она такъ наряжалась для того, чтобъ дѣйствія своихъ предказаній усиливать въ умѣ слушателей, или слѣдовала какимъ нибудь преданіямъ о древнемъ одѣяніи ея предковъ. Въ тотъ день на ней была красная бумажная повязка, обернутая около головы въ видѣ чалмы, что чернымъ ея глазамъ придавало еще суровѣйшій видъ. Волосы ея, того же цвѣта, многими пуками проходили сквозь ея голов-

ный уборъ. Она сохраняла положеніе Сивиллы, чувствующей вдохновеніе своего божества, и въ простертой правой рукѣ держала вѣтвь, сорванную, какъ казалось, не задолго предъ тѣмъ.

Чортъ меня возьми, сказалъ слуга, ежели она эту вѣтвь не въ Дукитскомъ паркѣ срѣзала! Лордъ не отвѣчалъ ничего, но не могъ удержаться, чтобы не посмотрѣть на сію фигуру, казалось, висящую на воздухѣ.

„Продолжайте свой путь, сказала Цыганка, ступайте по своей дорогѣ, Лордъ Елленгованъ. Сегодня вы потушили огонь въ семи домахъ: увидите, лучше ли онъ будетъ горѣть въ вашихъ покояхъ. Вы разорили кровли у семи хижинъ: посмотрите, крѣпче ли отъ того будетъ держаться крышка вашего за́мка. Вы можете помѣстить своихъ собакъ въ хижинахъ Дернклейгскихъ: узнаете, не заляжетъ ли лисица за панелями въ Елленгованѣ.

„Идите своимъ путемъ, Годфруа Бертрамъ! что глядѣть на бѣгу-

щій народъ? Вотъ тридцать твореній, кои лишились бы хлѣба, прежде нежели въ чемъ-либо у васъ сдѣлался недостатокъ, которые скорѣе пролили бы всю кровь свою, нежели допустили оцарапать вашъ палецъ. Такъ, вотъ тридцать человѣкъ, считая отъ столѣтней женщины до ребенка, родившагося на прошлой недѣлѣ, которыхъ вы выгнали изъ ихъ убѣжища и пустили скитаться по полямъ и отдыхать подъ небомъ.

„Идите своимъ путемъ, Еллеиговань! Мы носимъ своихъ дѣтей за спинами; посмотримъ, будетъ ли покойнѣе вашему дитяти: не потому, чтобы я желала зла маленькому Генриху, или нерожденному еще младенцу, — избави меня Боже отъ того! Научите ихъ быть жалостливыми къ бѣднымъ и лучшими, нежели ихъ отецъ. Идите своимъ путемъ: вотъ послѣднія слова, которыя вы услышите отъ Мегъ Мерильисъ, какъ этотъ прутъ бу-

детъ послѣдній, который срѣзанъ мною въ Елленгованскомъ лѣсу."

Говоря сіе, она переломила вѣтвь, которую держала въ рукѣ, и разломанныя части бросила на дорогу. Маргерита д'Анжу, возлагающая проклятіе на непріятелей своихъ, не могла взглянуть на нихъ съ большею гордостію и презрѣніемъ. Лордъ открывалъ ротъ, желая съ нею поговорить, и опускалъ руку въ карманъ, чтобы вынуть изъ него полкроны; но Цыганка не дождалась ни отвѣта его, ни подарка, и съ быстротою стрѣлы пустилась догонять свой караванъ.

Елленгованъ возвратился домой въ большой задумчивости, и примѣчательно то, что онъ никому не говорилъ о сдѣланной имъ встрѣчѣ. Слуга его былъ не столько скроменъ: онъ разсказалъ все происшествіе съ начала до конца большому обществу, собравшемуся въ кухнѣ, и окончилъ клятвою, что ежели когдалибо дьяволъ говорилъ устами женщины, то конечно въ тотъ не-

счастный день онъ изъяснялся устами Мегъ Мерильисъ.

ГЛАВА IX.

Г. Бертрамъ при дѣятельномъ исполненіи судейскихъ должностей не забывалъ и таможенныхъ выгодъ. Запрещенный торгъ, коему мѣстоположеніе острова Мана весьма способствовало, доставлялъ работу и пропитаніе всему югозападному берегу Шотландіи. Нижнее сословіе почти все брало дѣятельное участіе въ сей торговлѣ; помѣщики на сіе нарушеніе законовъ смотрѣли сквозь пальцы, а таможенные чиновники въ исполненіи своихъ обязанностей находили препятствіе въ тѣхъ самыхъ людяхъ, кои должны бы были имъ покровительствовать.

Нѣкто Франкъ Кеннеди, о коемъ мы уже говорили, занималъ въ сіе время мѣсто таможеннаго надсмотрщика въ той сторонѣ. Бывъ весьма силенъ и столькожъ неустра-

шимъ, какъ и дѣятеленъ, онъ сдѣлалъ много поимокъ и слѣдовательно привлекъ на себя ненависть всѣхъ участвовавшихъ въ запрещенной торговлѣ. Онъ былъ побочной сынъ одной извѣстной фамиліи, любилъ плотно поѣсть и попить, зналъ множество веселыхъ пѣсенокъ и отъ того былъ принятъ съ удовольствіемъ во всѣхъ хорошихъ окрестныхъ домахъ и клубахъ, въ коихъ упражнялись въ борьбѣ, кулачныхъ бояхъ и другихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ чемъ онъ никому не уступалъ.

Кеннеди часто посѣщалъ замокъ Елленгованъ, и всегда былъ въ немъ хорошо принятъ. Живость его избавляла Бертрама отъ затрудненія обдумывать рѣчь и утомленія связно и долго объ одномъ говорить. Одному пріятно было разсказывать о всѣхъ подвигахъ и опасностяхъ, коимъ онъ подвергался, исполняя свою обязанность; а другой слушалъ съ такимъ удовольствіемъ, что оное побуждало его давать над

смотрщику пособіе и поддерживать въ отчаянныхъ иногда его экспедиціяхъ.

„Франкъ Кеннеди, говаривалъ онъ, дворянинъ, хотя и съ лѣвой стороны. Семейство его по Гленгублямъ въ родствѣ съ Елленгованами. Покойный Лордъ Гленгубль предоставилъ было и наслѣдство свое Елленгованамъ; но поѣхавъ въ Горригетъ, познакомился тамъ съ Миссъ Іоанною Гадавай. Не худо мимоходомъ замѣтить, что въ Горригетѣ лучшій трактиръ подъ вывѣскою *зеленаго дракона*. Но чтобъ возвратиться къ Франку Кеннеди, онъ все таки дворянинъ и стыдно бы было не поддержать его противу бездѣльниковъ, торгующихъ контрабандою."

Въ то время, какъ составилось сіе новое знакомство, прибылъ Капитанъ Диркъ Гаттрійкъ и недалеко отъ Елленгована свезъ на берегъ часть своего груза, состоявшаго изъ водки и другихъ запрещенныхъ товаровъ. Полагаясь на

равнодушіе, съ коимъ Лордъ взиралъ на его торговлю, онъ разгружался не слишкомъ тайно и не торопился сбывать свои товары. Сіе окончилось тѣмъ, что Кеннеди, снабженный предписаніемъ Елленгована и помощію нѣсколькихъ его людей, знавшихъ мѣстоположеніе, и взявъ съ собою отрядъ исправно вооруженныхъ солдатъ, вдругъ нечаянно явился тамъ, гдѣ были сложены товары, и по размѣнѣ съ обѣихъ сторонъ нѣсколькихъ выстрѣловъ и перераниивъ другъ у друга людей, завладѣлъ бочками, кипами, связками и съ торжествомъ препроводилъ ихъ въ ближайшій таможенный магазейнъ. Диркъ Гаттрійкъ ругался и клялся по Англійски, Голландски и Нѣмецки отмстить покровителю и покровительствуемому; и всякой, кто его зналъ, конечнобы не усумнился въ точномъ исполненіи его клятвы.

Чрезъ нѣсколько дней по изгнаніи Цыганъ Г-нъ Бертрамъ спросилъ у супруги своей за завтракомъ:

„Не сегодня ли Генрихово рожденіе?“

— Нынѣшній вечеръ ему будетъ пять лѣтъ, — отвѣчала она, — а потому мы можемъ прочесть оставленную намъ молодымъ Англичаниномъ бумагу. —

„Нѣтъ, моя милая, сказалъ Г. Бертрамъ, любившій въ бездѣлицахъ показывать свою власть; надобно дождаться завтрашняго утра. Въ послѣдній разъ, какъ я былъ въ засѣданіи, Шерифъ сказалъ намъ, что *dies*, что *dies incoeptus* . . . . . Но впрочемъ ты не знаешь по Латыни; а это значитъ, что день срока начинается тогда только, когда онъ пройдетъ.“

— Да этаго понять не льзя, мой другъ! —

„И это быть можетъ; однакоже не менѣе того сіе справедливо. Но говоря о срокахъ, мнѣ хотѣлось бы, какъ говоритъ Франкъ Кеннеди, чтобы мы уже были за сутки до Успенія. Женни Каирнъ до того времени откладываетъ пла-

тежъ должныхъ мнѣ процентовъ; а . . . Но кстати о Кеннеди. Я тебѣ ручаюсь, что онъ сего дня къ намъ будетъ, потому что поѣхалъ въ Вихтонъ дать знать стоящему въ тамошней гавани таможенному судну, что видѣнъ съ берега люгеръ Диркъ-Гаттрійка, а оттуда навѣрное къ намъ заѣдетъ. Надобно будетъ приготовить бутылку вина, которую мы опорожнимъ въ честь Генрихова рожденія."

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Кеннеди оставилъ въ покоѣ Диркъ Гаттрійка. Что ему за надобность быть проворнѣе другихъ? Не уже ли не можетъ онъ пѣть своихъ пѣсенъ, выпивать бутылку вина и получать жалованье какъ сборщикъ Снайль, человѣкъ честный и никого никогда не огорчавшій? Я даже удивляюсь, что ты мѣшаешься въ это дѣло! Когда Диркъ Гаттрійкъ въ нашемъ заливѣ спокойно торговалъ, то бывало ль намъ надобность посылать въ Кипплестрингамъ за чаемъ и за водкою? —

„Ты, мой милый другъ, ничего этаго не понимаешь. Ну, прилично ли судьѣ допускать въ свой домъ запрещенные товары? Франкъ Кеннеди покажетъ тебѣ законы, по которымъ это запрещено; а тебѣ извѣстно, что Капитанъ складывалъ свой грузъ въ погребахъ стараго за́мка.“

— Ну, что же, Г. Бертрамъ, за большая бѣда, что иногда нѣсколько цибиковъ чаю или бочекъ водки стаивали въ подвалахъ стараго за́мка? мы не обязаны были о томъ знать. А какъ ты думаешь: не уже ли разсердится Король за то, что мнѣ достанется чашка чаю, а тебѣ рюмка водки за настоящую цѣну? Право странъ, что на сіи товары наложена большая пошлина. Развѣ мнѣ не къ лицу были тѣ кружева, которыя Диркъ Гаттрійкъ привезъ изъ Антверпена? Не скоро придетъ то время, чтобы Король или Франкъ Кеннеди что нибудь такое мнѣ подарили! Тебѣ вѣрно хочется и съ торгующими контра-

бандою поссоришься такъ же, какъ и съ Цыганами? А я всякой день того и смотрю, что они съ нами сыграютъ какую нибудь дурную шутку. —

„Еще разъ говорю тебѣ, моя милая, что ты въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслишь. Но, вотъ Кеннеди скачетъ къ намъ во всю прыть."

— Пусть такъ, хорошо, Елленгованъ! — сказала она, возвышая голосъ при выходѣ изъ комнаты ея мужа. — Дай Богъ, чтобы ты самъ болѣе меня въ томъ зналъ толкъ! Вотъ все, что мнѣ остается сказать. —

Послѣ сего супружескаго разговора Лордъ пошелъ на встрѣчу своему другу Франку Кеннеди, коего нашелъ весьма разгоряченнымъ. „Ради Бога, Елленгованъ, вскричалъ онъ, пойдемте скорѣе въ старый за́мокъ; вы увидите, какъ по морю гоняются псы Его Величества за лукавою лисицею Диркъ Гаттрійкомъ." Говоря сіе, онъ соскочилъ съ лошади, повода отдалъ слугѣ и побѣжалъ въ старый за́мокъ съ Бертрамомъ и

со многими другими его домашними, привлеченными пушечною пальбою, явственно слышною на морѣ.

Взобравшись на ту часть развалинъ, съ коей далѣе можно было видѣть, они усмотрѣли не вдалекѣ отъ залива люгеръ, идущій на всѣхъ парусахъ, и канонерскую лодку, преслѣдующую его и безпрестанно стрѣляющую по немъ изъ пушекъ, на что и люгеръ весьма сильно отвѣчалъ. „Они еще далеко одинъ отъ другаго, вскричалъ Кеннеди; но сойдутся. Хорошо! онъ бросаетъ свой грузъ въ море. Отсюда вижу, какъ толстый Нанцъ катаетъ по палубѣ бочки. Ну, это Гаттрійку не слишкомъ выгодно, и я съ нимъ объ этомъ потолкую. А! вотъ они выиграли у него вѣтеръ! славно! славно!“ Тутъ отъ крика у него прервался голосъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ старый садовникъ, что нашъ надсмотрщикъ захлебывается: симъ словомъ въ Шотландіи народъ выражаетъ послѣднее волненіе или трепетъ, про-

исходящій иногда предъ смертію, похожій на послѣднее колебаніе потопающаго судна, или когда при сильной бурѣ корабль заливается волнами.

Канонерская лодка продолжала преслѣдованіе, а люгеръ, управляемый съ большою ловкостію, употреблялъ всѣ средства, чтобы поспѣшнѣе удалиться. Онъ уже обходилъ оконечность мыса, какъ ядро перебило его большую мачту и главный парусъ упалъ на палубу. Послѣдствіе сего приключенія казалось неизбѣжнымъ, но зрители не могли онаго видѣть, потому что въ то же время люгеръ, зашедъ за мысъ, скрылся изъ глазъ. Лодка, чтобы его догнать, прибавила парусовъ; но слишкомъ подошедъ къ берегу должна была снова поворотить въ чистое море, чтобы также обойти мысъ.

„Не будетъ у нихъ ни груза, ни люгера! вскричалъ Кеннеди. Мнѣ надобно поспѣшить къВаррохской оконечности (такъ назывался

упоминаемый нами мысъ) и сдѣлать имъ сигналъ, чтобы показать, куда скрылся люгеръ. Простите покамѣстъ, Елленгованъ. Приготовьте пуншевую чашу и побольше лимоновъ, а я беру на себя вамъ привезть Французскаго товара (онъ разумѣлъ подъ симъ словомъ водку). Мы будемъ пить за здоровье Генриха, а потому надобно опорожнить чашу, въ которой бы самъ сборщикъ могъ купаться!" Говоря сіе, сѣлъ на лошадь и пустился во всю скачь.

За милю отъ за́мка на опушкѣ лѣса, покрывавшаго, какъ мы сказали,Варрохскую оконечность, Кеннеди встрѣтилъ молодаго Генриха, за коимъ шелъ надзиратель его Сампсонъ. Ребенокъ былъ къ нему очень привязанъ, Кеннеди взаимно его любилъ, часто съ нимъ игралъ, заставлялъ плясать, училъ пѣть пѣсни и нерѣдко обѣщалъ покатать его верхомъ. Лишь только Генрихъ его увидѣлъ, какъ усильно началъ просить исполненія даннаго обѣ-

щанія. Кеннеди, не видя никакой опасности удовлетворить его желанію и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы помучить Доминуса, на лице котораго уже изображалось возраженіе, подхватилъ дитя на руки, посадилъ передъ собою на лошадь и продолжалъ свой путь, оставивъ Сампсона посреди восклицанія: „Но, Г. Кеннеди. . . !“ Сей дядька вздумалъ было за ними слѣдовать; но какъ лошадь скакала во весь галопъ, а Кеннеди имѣлъ полную довѣренность Елленгована, къ тому же и самъ онъ не слишкомъ желалъ быть съ нимъ вмѣстѣ, потому что Кеннеди позволялъ себѣ часто и много на счетъ его шутить, то и рѣшился потихоньку возвратиться въ зáмокъ.

Зрители, оставленные нами на развалинахъ стараго зáмка, продолжали съ жадностію смотрѣть на канонерскую лодку, которая, потерявъ много времени при поворотѣ, наконецъ вышла въ открытое море; когда же она обошла Варрохскую оконечность и скрылась у нихъ

изъ глазъ, то вскорѣ послѣ того услышали они снова пальбу, за коей воспослѣдовалъ звукъ, подобной происходящему при взорваніи на воздухъ корабля. Минуту спустя, поднялся за лѣсомъ густой дымъ и образовалъ поднявшееся до небесъ облако. Тогда всѣ разошлись, и возвращаясь, разсуждали о судьбѣ люгера; вообще соглашались въ томъ, что ежели оный не потонулъ, то непремѣнно взятъ.

— Вотъ часъ обѣда, мой другъ, — сказала своему мужу Мистриссъ Бертрамъ: скоро ли къ намъ будетъ Г. Кеннеди? —

„Я жду его каждую минуту, моя милая. Можетъ быть съ нимъ пріѣдутъ еще нѣсколько офицеровъ съ канонерской лодки.“

— Боже мой! Г. Бертрамъ, зачѣмъ же было не сказать мнѣ о томъ заранѣе? Я бы приказала накрыть большой столъ. Къ тому же, морскимъ офицерамъ соленое мясо надоѣло; а надобно признаться, что въ нашемъ обѣдѣ главное кушанье

состоитъ изъ блюда солонины. Я надѣла бы другое платье; да и вамъ не мѣшало бы перемѣнить галстухъ и надѣть другой, чтобы выдти по-опрятнѣе. Но вамъ пріятно приводить меня нечаянностями въ замѣшательство; а я терпѣть не могу такихъ со мною поступковъ. Да правду сказать, мы тужимъ только тогда о человѣкѣ, какъ его уже не станетъ. —

„Полно, полно! къ чорту солонина, платье, столъ и галстухъ! все будетъ хорошо. Да гдѣ Доминусъ? Жонъ!" сказалъ онъ слугѣ, накрывавшему столъ, „гдѣ Доминусъ съ Генрихомъ?"

Г. Сампсонъ уже часа съ два возвратился, но Г. Генриха съ нимъ не было.

— Съ нимъ не было! сказала Мистриссъ Бертрамъ. — Поди же скорѣе, скажи Г. Сампсону, что я прошу его сей часъ ко мнѣ пожаловать.

— Г. Сампсонъ! сказала она ему, коль скоро онъ пришелъ, — не странное ли это дѣло и похожее ли на

что нибудь, что вы у насъ живете, накормлены, напоены, отоплены, освѣщены, обмыты, получаете въ годъ двѣнадцать фунтовъ (*) за то только, чтобы смотрѣть за дитятей, и вмѣсто того не бываете съ нимъ по три часа сряду и не знаете гдѣ онъ? —

При всякой разстановкѣ разгнѣванной госпожи, изчислявшей выгоды, коими пользовался въ зáмкѣ Г. Сампсонъ, сей послѣдній признавалъ справедливость каждой изъ нихъ смиреннымъ наклоненіемъ головы и отвѣчалъ такимъ голосомъ, котораго мы изобразить не въ состояніи, что Г. Франкъ Кеннеди взялъ дитя съ собою, не смотря на его возраженія.

— Ежели Г. Кеннеди, сказала госпожа съ сердцемъ, — ожидаетъ, что его будутъ благодарить, то конечно онъ ошибется. Ему стоитъ уронить ребенка, привезть назадъ съ переломленою ногою! Даже можетъ

(*) Около трехъ сотъ рублей.

быть и то, что ядро съ корабля прилетитъ на берегъ и его убьетъ, или можетъ случиться, что. . . . —

„Либо можетъ быть" прервалъ Елленгованъ, „что и вѣроятнѣе даже, что они сѣли на лодку или на взятое судно и съ приливомъ явятся въ заливъ."

— И потонутъ! — подхватила госпожа.

Право, я думалъ, сказалъ Сампсонъ, что Г. Коннеди уже возвратился; мнѣ послышался топотъ его лошади.

Да, примолвилъ Жонъ, морщась; это Гризель загоняла въ стойло корову.

Сампсонъ покраснѣлъ, какъ буракъ, не отъ наглости слуги, забавлявшагося на его счетъ, чего онъ совсѣмъ и не замѣтилъ, но отъ того, что по сіе время не пришла ему въ голову слѣдующая мысль: Конечно, думалъ онъ, мнѣ бы надобно было идти за дитятей. Въ то же время, взявъ свою трость и шляпу, пустился бѣжать къ сто-

ронѣ Варрохскаго лѣса такъ скоро, что ни прежде, ни послѣ того никогда никто его не видалъ столь прыткимъ.

Лордъ нѣсколько времени продолжалъ говорить о томъ же предметѣ съ своею супругою, стараясь ее успокоить. Наконецъ показалась и канонерская лодка. Она, вмѣсто того, чтобы пристать къ берегу, находилась въ открытомъ морѣ, несла всѣ паруса, шла къ западу и скоро совсѣмъ скрылась изъ виду. Страхъ и безпокойство были столь обыкновенны Мистриссѣ Бертрамъ, что они надъ Елленгованомъ не сдѣлали никакого впечатлѣнія; но нѣкоторый родъ смущенія и волненія, примѣченнаго имъ въ служителяхъ, его встревожили. Одинъ изъ нихъ вызвалъ его на минуту въ другой покой и тихонько увѣдомилъ о томъ, что лошадь Г. Кеннеди возвратилась въ конюшню одна съ порванными поводами и перевернутымъ сѣдломъ; что одинъ фермеръ сказалъ ему мимоходомъ, что

онъ видѣлъ по ту сторонуВаррохскаго мыса контрабандной люгеръ сожженнымъ, но Франка Кеннеди и молодаго Лорда не видалъ и не слыхалъ, хотя и прошелъ черезъ весь лѣсъ, въ которомъ встрѣтилъ одного только Г. Сампсона, повсюду бродящаго, какъ помѣшаннаго, для отысканія ихъ.

Все въ замкѣ поднялось на ноги. Лордъ и всѣ его служители, мущины и женщины, пустились бѣжать въ Варрохской лѣсъ; къ нимъ присоединились сосѣдніе мужики и фермеры, отчасти изъ любопытства, а отчасти желая имъ помогать въ ихъ розыскахъ. Взяли нѣсколько лодокъ, чтобы объѣхать мысъ съ другой стороны, состоявшей изъ утесистой скалы, съ которой по невѣрному подозрѣнію, слишкомъ ужасному, чтобы его открыть, предполагали, что дитя могло упасть и разшибиться. —

Когда они вошли въ лѣсъ, то начинало уже смеркаться. Всѣ разошлись въ разныя стороны, что-

бы отыскивать ребенка и его провожатаго. Темнота увеличивавшаяся съ каждою минутою, вѣтръ свистѣвшій между деревьевъ лишенныхъ листьевъ, шумъ производимый отыскивавшими, сухія листья хрустѣвшія подъ ногами ходившихъ, ауканья, коими изрѣдка перекликивались, — все способствовало къ внушенію и поддержанію мрачнѣйшихъ предчувствій.

Обыскавъ безполезно весь лѣсъ, начали наконецъ собираться и каждый въ свою очередь разсказывать о томъ, кто что видѣлъ, или лучше сказать не видалъ. Отецъ не могъ болѣе скрывать своего отчаянія; но едва ли оное равнялось тому, въ которое былъ погруженъ Сампсонъ. Дай Богъ, произнесло сіе достойное созданіе съ видомъ неизъяснимой горести, дай Богъ, чтобы лучше я вмѣсто его умеръ! Бравшіе менѣе участія въ семъ происшествіи толковали о немъ съ шумомъ и каждый излагалъ свои догадки и слушалъ чужія. Одни думали,

что они навѣрное находятся на военной лодкѣ; а другіе полагали, что они могутъ быть въ деревнѣ мили за три отъ того мѣста; нѣкоторые потихоньку говорили, что они могли попасть на бордъ люгера, коего остатки волны выкидывали на берегъ.

Въ сіе время на берегу моря послышался крикъ столь пронзительный, столь ужасный, что никто не усумнился въ томъ, чтобы оный не былъ произведенъ какимъ нибудь нещастнымъ открытіемъ. Каждый побѣжалъ въ ту сторону, откуда несся шумъ, и безъ всякой осторожности спускался по такимъ мѣстамъ, по коимъ никто бы не осмѣлился пробраться во всякое другое время. Наконецъ всѣ съ утеса спустились и собрались у подошвы скалы, къ коей пристали ѣхавшіе на лодкѣ. Сюда! кричали они, сюда! идите же, ради Бога! здѣсь, здѣсь! Елленгованъ продрался сквозь собравшуюся уже толпу, съ ужасомъ разсматривавшую

мертвое тѣло Кеннеди. При первомъ взглядѣ казалось, что причиною смерти его было паденіе съ вершины скалы, возвышавшейся слишкомъ на сто футовъ. Тѣло его лежало отчасти въ водѣ, а отчасти снаружи. Приливъ, прибывая, приподнималъ его руки и платье, и издали придавалъ ему видъ движенія, такъ что примѣтившіе его прежде другихъ полагали его еще живымъ; но приближившись усмотрѣли, что и послѣдняя искра жизни въ немъ давно погасла.

„Сынъ мой! сынъ мой!" вскричалъ отчаянный отецъ: „да гдѣ же онъ?" Дюжина ртовъ раскрылись разомъ, чтобы подать ему надежду, которою никто не смѣлъ льститься. Кто-то наконецъ промолвилъ: А Цыгане? Въ минуту Елленгованъ взобрался на возвышеніе, вскочилъ на первую ему попавшуюся лошадь и поскакалъ какъ бѣшеной въ селеніе Дарнклейгъ, представлявшее картину совершеннаго опустошенія. Онъ сошелъ съ лошади, чтобы луч-

ше все разсмотрѣть, и толкался безпрестанно о развалины крышекъ, оконъ и дверей, разломанныхъ по его приказанію. Въ то время онъ съ огорченіемъ вспомнилъ о пророчествѣ или проклятіи Мегъ Мерильисъ: *Посмотрите, крѣпче ли отъ того будетъ держаться крыша вашего зáмка?*

„Отдай мнѣ сына моего," вскричалъ онъ, „отдай мнѣ моего сына! все будетъ забыто, прощено!" Произнося сіи слова въ нѣкоторомъ родѣ бѣшенства, онъ примѣтилъ слабый свѣтъ въ одной изъ полуразоренныхъ хижинъ, въ той самой, гдѣ не задолго предъ тѣмъ жила Мегъ Мерильисъ. Свѣтъ, казалось, происходилъ отъ очага и видѣнъ былъ не только черезъ окно, но и черезъ разкрытую кровлю.

Онъ побѣжалъ туда. Дверь была прикрѣплена и заперта; но отчаяніе сему нещастному отцу дало силу десятерыхъ человѣкъ: онъ рванулъ ее съ такимъ напряженіемъ, что въ мигъ выломилъ. Въ хижинѣ

не было никого, но примѣтно, что въ ней недавно жили люди: на очагѣ былъ огонь, а на ономъ котелъ съ пищею. Между тѣмъ какъ онъ разглядывалъ повсюду, не отчаяваясь найти какой нибудь признакъ тому, что сынъ его еще живъ, хотя и попалъ въ руки сихъ негодяевъ, въ хижину вошелъ человѣкъ; то былъ его старый садовникъ.

— Ахъ сударь! — сказалъ старикъ, для того ли я по сіе время прожилъ на свѣтѣ, чтобы дожить до такой ночи, какъ нынѣшняя. Ради Бога, пожалуйте поскорѣй въ замокъ.

„Отыскали ли моего сына? живъ ли онъ? Скажи мнѣ, Андрей, что новаго о моемъ сынѣ?"

—Ничего сударь покамѣстъ, но.....

„Они его украли, Андрей, это вѣрнѣе того, что мы по землѣ ходимъ. Она его украла, и я не выйду отсюда, пока мнѣ не возвратятъ его!"

—Да надобно вамъ ѣхать, сударь, надобно вамъ сей часъ поѣхать! Мы

уже послали за Шерифомъ; а на случай, что Цыгане сюда возвратятся, оставимъ здѣсь караулъ на всю ночь. Но поѣзжайте, сударь, ради Бога, поѣзжайте; Милади лежитъ на смертномъ одрѣ. —

Бертрамъ посмотрѣлъ изумленными очами на вѣстника, принесшаго ему сіе нещастное извѣстіе; повторилъ слово: *на смертномъ одрѣ*, какъ бы не понимая смысла онаго, и дозволилъ старику себя весть. Дорогою онъ могъ только сказать: — „Жену и ребенка! мать и сына! обоихъ вдругъ! это слишкомъ! это слишкомъ!"

Безполезно описывать подробно трогательное зрѣлище, его ожидавшее. Извѣстіе объ участи Кеннеди доведено было до Мистриссы Бертрамъ безъ всякой предосторожности. Даже безъ всякой нужды прибавлено было, что молодой Лордъ конечно упалъ со скалы съ нимъ вмѣстѣ, хотя тѣло его и не было отыскано; но бѣдное дитя, будучи

весьма легко, вѣроятно увлечено моремъ.

Нещастная мать была уже на сносяхъ; сей ужасный ударъ произвелъ преждевременное разрѣшеніе отъ бремени, и прежде нежели Елленгованъ пришелъ нѣсколько въ чувство и былъ въ состояніи постигнуть великость своего нещастія, онъ сдѣлался отцемъ дочери, и супруга его уже не существовала.

ГЛАВА X.

На другой день на разсвѣтѣ прибылъ въ Елленгованъ Шерифъ Графства. По законамъ Шотландскимъ, сіи чиновники имѣютъ довольно большую власть. На нихъ возлагаются изслѣдованія всѣхъ преступленій, производимыхъ по всему пространству ввѣренной имъ округи; они могутъ выдавать предписанія о явкѣ или о заключеніи подъ стражу подозрительныхъ людей, и проч.

Занимавшій въ то время въ семъ Графствѣ таковое мѣсто былъ человѣкъ благородный и благовоспитанный, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и почитаемъ былъ за весьма умнаго и расторопнаго судью. Онъ сперва разспросилъ всѣхъ бывшихъ при отысканіи трупа Кенneди, чтобы по возможности пояснить сіе дѣло; потомъ симъ допросамъ сдѣлалъ подробное описаніе. Слѣдствіемъ его розысковъ было открытіе многихъ обстоятельствъ, несогласовавшихся съ общимъ до того мнѣніемъ, будто Франкъ Кенneди нечаянно упалъ со скалы. Мы въ нѣсколькихъ словахъ опишемъ, что вышло достопримѣчательнѣйшаго по разобраніи всего дѣла.

Тѣло сего нещастнаго было отнесено въ рыбачью хижину, стоявшую неподалеку отъ Варрохской оконечности, но точно въ такомъ состояніи, въ которомъ оное было найдено. Изслѣдованіемъ онаго Шерифъ занялся прежде всего. Тѣло было разбито и покрыто ранами,

происходившими очевидно отъ его паденія; но голова была глубоко просѣчена, что, по показанію искуснаго лѣкаря, было сдѣлано острымъ орудіемъ. Дальновидность судьи открыла еще и другіе признаки насильственной смерти. Лице все почернѣло, глаза выкатились изъ своихъ мѣстъ, а жилы шеи были чрезвычайно напряжены. Цвѣтной платокъ, бывшій у него на шеѣ, находился не въ обыкновенномъ своемъ положеніи, весьма слабо подвязанъ и съ очень затянутымъ узломъ; складки его были измяты и, казалось, что посредствомъ его тащили тѣло нещастнаго, можетъ быть, до дна пропасти, въ коей его нашли.

Съ другой стороны кошелекъ его не былъ тронутъ и, что казалось еще страннѣе, оба пистолета, которые онъ всегда имѣлъ при себѣ, были не разряжены. Его всѣ знали за человѣка неустрашимаго, умѣвшаго искусно обращаться съ оружіемъ и доказавшаго сіе многократно на дѣлѣ. Ежели на него было

нападеніе, то странно, что онъ не старался обороняться. Шерифъ освѣдомился, не нашивалъ ли обыкновенно Кеннеди съ собою какого нибудь другаго оружія. Многіе служители Г. Бертрама вспомнили, что онъ не рѣдко имѣлъ при себѣ охотничій ножъ, но никто не могъ сказать навѣрное, былъ ли онъ съ нимъ въ день его смерти.

На тѣлѣ покойника не находилось никакихъ другихъ признаковъ, по коимъ бы можно было точнѣе увѣриться въ причинѣ его смерти. Платье было въ величайшемъ безпорядкѣ, члены во многихъ мѣстахъ переломаны, руки ободраны и кисти оныхъ наполнены землею; но всѣ сіи обстоятельства могли произойти отъ его паденія и по онымъ ничего вѣрнаго заключить было не льзя.

Тогда судья отправился на то мѣсто, гдѣ тѣло было отыскано, сдѣлалъ описаніе положенію, въ коемъ его нашли. Огромный отломокъ скалы свалился, какъ казалось,

съ нимъ вмѣстѣ или послѣ его паденія; онъ состоялъ изъ столь крѣпкаго камня, что, когда упалъ съ такой высоты, то едва отъ него отбилось нѣсколько небольшихъ кусковъ. Легко было отличить ту сторону, коею онъ прилегалъ къ скалѣ, потому что оная была не такого цвѣта, какъ другія, съ давняго времени подверженныя вліянію воздуха и солнца. Потомъ взошелъ онъ на скалу, и увѣрился, что тяжесть одного человѣка, ставшаго на камень, не могла бы отдѣлить такого большаго отломка, и что для произведенія сего была потребна сила рычага, или многихъ мощныхъ людей вмѣстѣ. Дернъ, покрывавшій край пропасти, казался недавно помятымъ; и разсудительный судья, слѣдуя съ терпѣніемъ по тѣмъ же примѣтамъ, прошелъ въ самую густоту лѣса сквозь кусты и чащи, гдѣ не было никакой дороги и куда могли идти за тѣмъ только, чтобы скрыться отъ всѣхъ поисковъ.

Тамъ представились глазамъ очевидные признаки насилія и нѣкотораго рода драки: нѣсколько вѣтвей были поломаны и оторваны, какъ будто кто нибудь, бывъ утащенъ противу воли, за нихъ хватался; тамъ, гдѣ земля была сыра, находили многіе вдавившіеся слѣды сапоговъ; наконецъ кой-гдѣ показывались нѣкоторые признаки крови, а мѣстами казалось, что черезъ лѣсъ тащили что нибудь тяжелое, какъ куль хлѣбный или трупъ; въ одномъ мѣстѣ нашли бѣлесоватую землю, по видимому, смѣшанную съ глиною и мѣломъ, а на спинѣ платья Кеннеди были пятна таковаго же цвѣта.

Наконецъ за четверть мили отъ пропасти и не въ дальнемъ разстояніи отъ вышеписаннаго мѣста находилась небольшая поляна, на коей трава была вся повытоптана и весьма примѣтно окровавлена, хотя для сокрытія сихъ признаковъ и была съ большимъ трудомъ усыпана сухими листьями. Въ семъ

мѣстѣ отыскались въ одной стороиѣ охотничій ножъ нещастнаго, а въ другомъ ножны и портупея, также тщательно покрытые листьями.

Судья приказалъ измѣрить и описать съ большимъ стараніемъ и точностію слѣды ногъ, бывшихъ въ семъ мѣстѣ въ большомъ количествѣ. Иные совершенно соотвѣтствовали тѣмъ, кои должны были происходить отъ несчастной жертвы, многіе были болѣе оныхъ, а другіе менѣе. Наконецъ весьма ясно представлялось, что въ семъ мѣстѣ на Кеннеди напали пять или шесть человѣкъ. Тутъ же нашли слѣдъ ноги ребенка, и какъ нигдѣ болѣе таковыхъ не отыскали, то и, казалось, можно было ласкаться надеждою, что во время замѣшательства, произведеннаго битвою, дитя могло уйти. Однако же Шерифъ, описывавшій весьма подробно всѣ обстоятельства сего дѣла, изъ коихъ онъ ясно усматривалъ, что покойникъ былъ убитъ, не могъ не при-

бавить къ оному своего заключенія, состоявшаго въ томъ, что кто бы ни были убійцы, но они конечно захватили въ свои руки молодаго Генриха Бертрама.

Употреблены были всѣ возможныя средства къ отысканію виновныхъ. Подозрѣнія падали равно на торговавшихъ запрещенными товарами и на Цыганъ. Объ участи судна Диркъ Гаттрійка не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія. Два человѣка, находившіеся на другой сторонѣ Варрохскаго мыса, видѣли, хотя и въ дальнемъ разстояніи, что люгеръ, обошедъ оконечность, взялъ направленіе на востокъ, а по движеніямъ его судили, что онъ долженъ быть поврежденъ въ снастяхъ. Потомъ примѣчено, что онъ сталъ на мѣль, послѣ того покрылся густымъ дымомъ, а наконецъ и огонь въ немъ показался. Когда онъ сдѣлался добычею пламени, то усмотрѣли они и канонерскую лодку, шедшую къ нему на всѣхъ парусахъ. Пока люгеръ горѣлъ, пуш-

ки его продолжали пальбу, и наконецъ они видѣли, какъ онъ взлетѣлъ на воздухъ съ ужаснымъ трескомъ. Лодка, для собственной безопасности, держалась въ открытомъ морѣ до самаго взрыва, потомъ поплыла къ югу. У нихъ спросили, не спустилъ ли люгеръ на воду какой нибудь шлюпки; но не узнали о семъ ничего достовѣрнаго. Они не замѣтили ничего сему подобнаго; но ежели бы что и было, то дымъ, относимый вѣтромъ на ихъ сторону, могъ бы то скрыть отъ глазъ ихъ.

Не возможно было сомнѣваться, чтобы сей люгеръ былъ не тотъ самый, коимъ начальствовалъ Диркъ Гаттрійкъ. По всему берегу онъ былъ извѣстенъ, къ тому же его и ожидали. Отвѣтъ начальника канонерской лодки на отправленное къ нему Шерифомъ письмо положительно сіе подтвердилъ; къ оному приложена была выписка изъ его журнала, изъ коей явствовало, что по требованію Франка

Кеннеди, надсмотрщика таможенъ Его Величества, онъ крейсировалъ съ намѣреніемъ захватить нагруженный запрещенными товарами люгеръ подъ командою Диркъ Гаттрійка; что Кеннеди долженъ былъ наблюдать съ берега, дабы не допустить Капитана, извѣстнаго по рѣшительности его, посадить себя на мѣль, чтобъ выдти изъ подъ выстрѣловъ лодки; что въ девять часовъ утра онъ замѣтилъ судно, показавшееся ему предметомъ его поисковъ; что погнался за нимъ, и сдѣлавъ оному сигналъ, чтобы подойти или поднять свой флагъ, онъ приказалъ по оному палить; что тогда люгеръ сдѣлавъ залпъ со всего борта, поднялъ Гамбургскій флагъ; что начавшееся сраженіе продолжалось около трехъ часовъ; и наконецъ, когда люгеръ обходилъ Варрохскій мысъ, то примѣчено, что онъ съ трудомъ маневрировалъ, и большая его мачта была перебита; что, приближившись слишкомъ къ берегу, дабы скорѣе обойти Вар-

рохскую оконечность, онъ не могъ немедленно воспользоваться полученною выгодою; что потомъ черезъ нѣсколько минутъ усмотрѣлъ люгеръ, уже объятый пламенемъ, но на бортѣ онаго никого не замѣтилъ; а когда огонь достигъ боченковъ съ водкою, конечно съ намѣреніемъ поставленныхъ, то пожаръ до того усилился, что не было возможности къ нему приближиться, болѣе потому, что пушки, оставшіяся заряженными, отъ жару палили; что оставшись въ виду люгера, пока его взорвало, онъ потомъ отправился къ островуМану, дабы перехватить контрабандистовъ, не сомнѣваясь въ томъ, что экипажъ удалился на оной на катерахъ, хотя и ни одного на пути своемъ не видалъ.

Таково было увѣдомленіе, подписанное Вилліамомъ Притчардомъ, командиромъ канонерской лодки *Шаркъ*; оное оканчивалось изъявленіемъ величайшаго сожалѣнія о томъ, что онъ не могъ переловить

негодяевъ, имѣвшихъ дерзость сопротивляться и стрѣлять по военному судну Его Королевскаго Величества и увѣреніемъ, что ежели Диркъ-Гаттрійкъ когда нибудь попадется въ его руки, то онъ постарается доставить его на сухой путь, гдѣ ему должно будетъ отдать отчетъ во всемъ его поведеніи.

Такъ какъ увѣдомленіе сіе представляло вѣроятнымъ спасеніе экипажа люгера, то не безъ основанія можно было заключить, что ежели сіи злодѣи встрѣтили въ лѣсу Кеннеди, коего могли полагать виновникомъ гибели своего судна, то не усомнились принесть его въ жертву своему мщенію; даже могло статься и то, что они осквернили свои руки, убивъ и дитя, потому что извѣстны были ужаснѣйшія клятвы и ругательства, произнесенныя Диркъ-Гаттрійкомъ противу отца его.

Сіе подозрѣніе опровергаемо было невозможностію, чтобы экипажъ,

состоявшій изъ пятнадцати или двадцати человѣкъ, могъ столь хорошо скрыться, что избѣжалъ всѣхъ поисковъ, произведенныхъ непосредственно по истребленіи люгера. Еслибъ даже и то предположить, что они могли съ него спастись, но тогда бы должны были оставться на берегу ихъ катеры, и въ такомъ случаѣ, когда бѣгство дѣлалось невозможнымъ, не льзя было предполагать, чтобы они всѣ согласились на убійство, непредставлявшее другой пользы, кромѣ одного мщенія. Разсуждавшіе таковымъ образомъ полагали одно изъ двухъ: или то, что катеры, съ люгера спущенные на воду, не примѣчены были смотрѣвшими на пожаръ корабля и уже далеко отплыли, когда Шаркъ обошелъ мысъ; или, что тѣ катеры во время сраженія были приведены огнемъ Шарка въ негодность, а потому отчаянный экипажъ рѣшился взорвать себя на воздухъ вмѣстѣ съ люгеромъ. Подтвержденіемъ сему служило и то,

что съ тѣхъ поръ не показывались въ окрестностяхъ, ни даже на острове Манѣ, гдѣ также производились весьма строгіе розыски, ни Диркъ-Гаттрійкъ, ниже кто изъ его матросовъ, до послѣдняго извѣстныхъ всѣмъ приморскимъ жителямъ; однакоже море выбросило на берегъ одинъ только трупъ матроса, убитаго во время сраженія. И такъ все то, что оставалось дѣлать, состояло въ имянномъ спискѣ и описаніи примѣтъ всѣхъ принадлежавшихъ къ экипажу Диркъ-Гаттрійка и предложеніи награды тому, кто представитъ кого нибудь изъ онаго; таковое обѣщаніе было сдѣлано также всѣмъ тѣмъ, которые могутъ доставить малѣйшее свѣдѣніе, служащее къ открытію убійцъ Кеннеди.

Другое мнѣніе, бывшее не безъ основанія, обвиняло въ семъ преступленіи прежнихъ жителей Дернклейга. Злоба, произведенная поступками Елленгована противу нихъ, была извѣстна: у нихъ вырвались

угрозы, и всякой полагалъ ихъ способными оные исполнить. Похищеніе младенца было преступленіе, болѣе сообразное съ ихъ склонностями, нежели съ обычаями торгующихъ запрещенными товарами, а Кеннеди могъ быть убитъ при защищеніи его; къ тому же, за нѣсколько дней предъ тѣмъ онъ былъ начальникомъ отряда, изгнавшаго Цыганъ изъ Дерниклейга, и многіе помнили сдѣланные ему въ семъ случаѣ нѣкоторыми Патріархами того поколѣнія угрозы, коими онъ не уважилъ.

Шерифу также былъ сдѣланъ доносъ отъ несчастнаго отца и его служителей о встрѣчѣ ихъ съ Цыганскимъ обозомъ во время удаленія онаго изъ Дерниклейга; особенно рѣчь Мегъ Мерильисъ усиливала подозрѣнія. Въ оной заключалось, какъ замѣтилъ ученый Судья, *malum minatum* — угроженіе несчастіемъ, и *malum secutum* — то есть, что предсказанныя несчастія не замедлили воспослѣдовать. Одна молодая дѣ-

вушка, рвавшая орѣхи въ Варрохскомъ лѣсу въ самой день несчастнаго приключенія, объявила, что увидѣла вдругъ выходящую изъ густоты рощи Мегъ Мерильисъ, или по крайней мѣрѣ весьма на нее похожую ростомъ и походкою; что она ее кликала по имени, но не получила отвѣта, и что сія женщина вдругъ пропала, такъ что она не могла присягнуть въ томъ, что точно ли это была Мегъ Мерильисъ. Сіе обстоятельство, по видимому, подтверждалось найденнымъ огнемъ въ хижинѣ, въ коей она жила предъ тѣмъ не задолго, о чемъ объявили Елленгованъ и его садовникъ; но невозможно было предполагать, чтобы, взявъ участіе въ такомъ преступленіи, она осмѣлилась возвратиться въ тотъ самой вечеръ на то мѣсто, съ коего, какъ надобно было думать, начнутъ разыскивать.

Однакоже задержали и допросили Мегъ Мерильисъ. Она постоянно не признавалась въ томъ,

чтобы была въ Дернклейгѣ или Вар-
рохскомъ лѣсу въ день смерти Кен-
неди; многіе изъ ея земляковъ клят-
венно увѣряли, что она цѣлый
день не отходила отъ ихъ лагеря,
а оный былъ отъ того мѣста слиш-
комъ на десять миль. Не льзя бы-
ло ихъ свидѣтельству дать боль-
шой вѣры; но и противу ея не
было никакого доказательства. Одно
довольно замѣчательное обстоятель-
ство показывало не въ ея пользу.
Рука ея была просѣчена, по видимо-
му, острымъ оружіемъ, а сія рана
обвязана платкомъ, принадлежавшимъ
Генриху Бертраму; но начальникъ
табора объявилъ, что онъ въ тотъ
самый день ее за то *усовѣщевалъ*
фухтелями и нечаянно поранилъ
остріемъ сабли. Она, бывъ отдѣле-
на, о той ранѣ дала таковое же по-
казаніе; что же касается до плат-
ка, то въ замкѣ Еллентована столь-
ко покрадено было бѣлья въ послѣд-
нее время пребыванія Цыганъ на
его землѣ, что, не обвиняя сію жен-
щину въ ужаснѣйшемъ преступле-

нія, не трудно было догадаться, какимъ образомъ попался сей платокъ въ ея руки.

Примѣчено, что Мегъ Мерильисъ отвѣчала съ нѣкоторымъ родомъ равнодушія на вопросные пункты, сдѣланные ей на счетъ смерти Кеннеди или таможеннаго, какъ она его называла; но замѣтивъ, что ее подозрѣвали въ похищеніи маленькаго Генриха Бертрама, разгорячилась и оказала негодованіе и почти изступленіе. Ее долго продержали въ тюрьмѣ, надѣясь, что время объяснитъ нѣсколько сіе несчастное приключеніе; но такъ какъ не открылось ничего новаго, то и возвращена ей свобода, св приказаніемъ, какъ бродягѣ и воровкѣ, оставить Графство. Не отыскано никакого слѣда ребенка, и сіе несчастное происшествіе, надѣлавшее столько шуму, кончилось тѣмъ, что было причислено къ страннымъ и неизъяснимымъ; память онаго сохранилась единственно въ имени *таможеннаго скачка*, коимъ народъ

прозвалъ ту скалу, съ коей былъ низверженъ несчастный Франкъ Кеннеди.

ГЛАВА XI.

Въ семъ мѣстѣ наше повѣствованіе шагнетъ довольно широко и пропуститъ около шестнадцати лѣтъ, въ кои не произошло ничего относительно къ исторіи, которую я предпринялъ писать. Таковый скачекъ не маловаженъ; но ежели мой читатель довольно уже пожилъ на свѣтѣ, чтобъ быть въ состояніи обратить свои взоры назадъ на таковое же разстояніе, то едва ли оное покажется ему продолжительнѣе того, которое отдѣляетъ сію главу отъ предыдущей.

И такъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, лѣтъ шестнадцать спустя послѣ выше описаннаго нами несчастнаго приключенія, въ холодную и темную ночь, довольно большое сборище людей расположилось около огня

кухни Кипплетринганской маленькой гостинницы, но лучшей во всемъ мѣстечкѣ, содержанной Мистриссою Макъ-Кендличь, подъ вывѣскою *Гордонова герба.* Бывшій въ ономъ разговоръ избавитъ меня отъ труда описывать малое число достопримѣчательныхъ происшествій, случившихся въ теченіи сего долгаго промежутка времени, о коихъ читателю нужно знать.

Мистриссъ Макъ-Кендличь, сидя съ нѣсколькими кумушками, ея сосѣдками, изволила разливать чай и въ тоже время присматривала за своею услугою, занимавшеюся каждый своимъ дѣломъ. Приходскій пѣвчій въ нѣкоторомъ разстояніи курилъ свою трубку и отъ времени до времени промачивалъ горло, пропуская въ оное глотокъ водки, смѣшанной съ водою. Діаконъ Бирклиферъ, человѣкъ весьма важный въ томъ мѣстечкѣ, сидѣлъ въ середнемъ мѣстѣ съ трубкою въ зубахъ и передъ нимъ стояла чашка чаю, въ которую онъ не забылъ порядочно

подлить водки. Въ концѣ покоя два или три мужика тянули двухъ-копѣечное пиво.

„Приготовила ли ты залу?“ спросила хозяйка у вошедшей служанки: „хорошо ли огонь горитъ? не курится ли въ комнатѣ?“

Служанка отвѣчала утвердительно.

„Мнѣ больно было бы,“ сказала хозяйка, „ежели бы они были мною приняты не съ всевозможнымъ вниманіемъ, а особливо теперь, когда находятся въ несчастіи,“ продолжала она, оборотившись къ діакону.

— Конечно, отвѣчалъ сей послѣдній, — конечно, Мистрисъ Макъ-Кендличь, и ежели бы имъ случилось забрать и у меня въ лавкѣ фунтовъ на восемь или на десять, то я повѣрилъ бы имъ въ долгъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и самому богатому въ нашемъ околодкѣ. Въ старой ли коляскѣ они пріѣдутъ? —

Не думаю, возразилъ пѣвчій, потому что Миссъ Бертрамъ ѣздила всегда въ церковь въ послѣд-

нее время на сѣрой своей лошади, а она не любила пропускать церковной службы. Пріятно слушать, какъ она поетъ псалмы! Прелестная молодая дѣвушка!

Да, сказала одна изъ кумушекъ, и молодой Лордъ Газлевудъ послѣ проповѣди всегда провожалъ ее почти до дому. Не знаю, будетъ ли тѣмъ доволенъ старикъ Газлевудъ.

Не знаю, прервала другая, пившая чай, теперь доволенъ ли онъ тѣмъ; а было время, когда Елленгованъ не очень бы обрадовался тому, что Газлевудъ увивается около его дочери.

Да, *было*, подхватила первая съ притворною важностію.

„Я увѣрена, сосѣдка Овенсъ," сказала хозяйка, „что хотя Газлевуды происходятъ отъ хорошей и древней фамиліи нашего Графства, однакоже лѣтъ за сорокъ никакъ не смѣли и подумать равняться съ Елленгованами! Знаете ли вы, что Бертрамы Елленгованскіе вѣдь старинные Дингаваи? Про одного

изъ нихъ, женившагося на дочери Короля острова Мана, сложена пѣсня; она начинается съ того:

„Чтобъ найти себѣ супругу,
„Бертрамъ море переплылъ.“

Вѣрно, Г. Скрійгъ можетъ намъ ее спѣть, ежели только захочетъ.“

— Хозяюшка, — сказалъ Скрійгъ (то былъ пѣвчій), вынимая трубку изо рта и хлебнувъ разведенной своей водки, — Богъ благословилъ насъ даромъ пѣнія не для того, чтобы пѣть мирскія пѣсни, а особенно подъ Воскресенье. —

„Полноте, Г. Скрійгъ; я навѣрное знаю, что вы пѣвали даже и по праздникамъ. Что же касается до повозки ихъ, то ее точно не вывозили изъ каретнаго сарая съ самой смерти Лади Бертрамъ, то есть около шестнадцати или семнадцати лѣтъ. За ними Жакъ Жабосъ поѣхалъ въ моей коляскѣ, и мнѣ странно, что онъ по сіе время не возвратился. Отсюда недалеко и притомъ переѣзжать дурно толь-

ко въ двухъ мѣстахъ. Мостъ на рѣчкѣ, текущей отъ Варроха, только съ правой стороны немного плохъ, а то впрочемъ довольно хорошъ; а потомъ останется съѣхать съ косогора, на которомъ столько лошадей пропадаетъ: да Жаку дорога знакомая.«

Въ ту же минуту постучались крѣпко въ дверь.

„Это не они — неслыхать было повозки. Гризель! поди же, отвори: какая лѣнивая!«

Это пѣшеходецъ, сказала Гризель: пускать ли мнѣ его въ залу?

„Развѣ ты смѣешься надо мною: человѣкъ пѣшкомъ въ такое время и безъ слуги! Затопи красную комнату. Да послушай: не отдалъ ли онъ, можетъ быть, лошади конюху нашему?«

Во время сихъ переговоровъ путешественникъ вошелъ въ кухню. — Позвольте мнѣ, сударыня — сказалъ онъ, подошедши, — погрѣться немного у огня; ночь очень холодна! —

Наружность его лица, обращеніе, вдругъ перемѣнили расположеніе къ нему хозяйки. Онъ былъ хорошаго роста, складенъ, одѣтъ весь въ черное платье, что увидѣли, когда онъ снялъ съ себя большой сюртукъ; казалось, имѣлъ отъ сорока до пятидесяти лѣтъ, черты лица благородныя и привлекательныя, а походку и ухватки военныя, однимъ словомъ, все показывало порядочнаго человѣка. Долгой навыкъ далъ Мистриссѣ Макъ-Кендличь чудесную способность различать съ перваго взгляда качество проѣзжихъ, у ней останавливавшихся, и она, пользуясь имъ, по оному соразмѣряла свой пріемъ.

„*Всегда для публики весь домъ ея открытъ;*
„*Но не равно въ немъ угощаютъ:*
„*И голосъ, и пріемъ по чину размѣряютъ...*
„Прикажете ль, Милордъ? — Постойте, мастеръ Смитъ!"

Въ семъ случаѣ она не поскупилась на вѣжливости, и когда пріѣз-

жій велѣлъ получше поставить и накормить его лошадь, то она сама вышла, чтобы подтвердить сіе приказаніе.

— Никогда въ конюшнѣ *Гордонова герба* не стаивало такое прелестное животное, — сказалъ ей слуга, коему поручено было смотрѣть за лошадьми, и похвала коню увеличила почтеніе ко всаднику. Она предложила ему особенный покой; но когда примолвила, что оный будетъ холоденъ и наполненъ дымомъ, пока огонь разгорится, то онъ рѣшился лучше на нѣсколько времени остаться тамъ, гдѣ былъ. И такъ она усадила его подлѣ огня и спросила, не угодно ли ему будетъ чего нибудь покушать? —

Чашку вашего чаю, сударыня, ежели вы пожалуете.

Мистриссъ Макъ-Кендличь насыпала въ свою чайницу свѣжаго чаю гизону, налила на него кипятку и наконецъ поднесла ему чашку со всею ловкостію, которую могла имѣть. „У меня есть,“ сказа-

да она, „весьма опрятная зала, которая бы для васъ очень годилась; но на эту ночь я ее обѣщала одному старому дворянину и его дочери, которые оставляютъ нашу сторону. За ними послана одна изъ моихъ колясокъ, и теперь я ожидаю ихъ. Положеніе ихъ не такъто хорошо, какъ прежде; но въ этой жизни, какъ вамъ извѣстно, все случается: идешь въ гору и подъ гору. Не безпокоитъ ли васъ табачный дымъ?"

— Нисколько, сударыня; какъ старый солдатъ, я къ нему привыкъ. Но позволите ли вы мнѣ васъ поразспросить объ одномъ семействѣ, живущемъ въ вашемъ околодкѣ? —

Въ сію минуту послышался шумъ повозки и Мистриссъ Макъ-Кендличь побѣжала къ дверямъ, чтобы принять ожидаемыхъ ею гостей. Почталіонъ вошедъ сказалъ: Не возможно имъ было ѣхать; старый Лордъ слишкомъ боленъ.

„Но, Боже мой!" подхватила хозяйка, „имъ только нынѣшній день

можно оставаться въ домѣ; вѣдь срокъ завтра утромъ, и все будетъ продано.“

— Да чтожъ съ этимъ дѣлать! Г-нъ Бертрамъ пошевелиться не можетъ. —

О комъ вы говорите? спросилъ проѣзжій; я надѣюсь, что не о Г-нѣ Бертрамѣ Елленгованскомъ?

„О немъ самомъ, сударь, и ежели вы другъ ему, то пріѣхали очень въ дурное время!“

— Я нѣсколько лѣтъ не былъ въ Англіи. И такъ его здоровье очень разстроено? —

Да и дѣла его тоже, сказалъ діаконъ; кредиторы наложили на все запрещеніе и завтра будутъ продавать имѣніе. Здѣсь есть одинъ человѣкъ, который въ этомъ дѣлѣ не потеряетъ. Я ни чьего имени не упоминаю; но Мистриссъ Макъ-Кендличь знаетъ, о комъ я говорю (хозяйка кивнула головою въ знакъ согласія); тѣ, которые болѣе другихъ имъ одолжены, болѣе другихъ на него и нападаютъ. И я, ко-

торой съ вами говорю, также его кредиторъ; но лучше сто разъ соглашусь все потерять, нежели такимъ образомъ выгнать бѣднаго старика изъ дому, и въ то время, когда онъ при смерти.

О! прибавилъ пѣвчій, Г. Глоссинъ очень радъ сбыть поскорѣе съ рукъ стараго Лорда и пустить въ продажу его имѣніе, опасаясь, что наслѣдникъ вдругъ явится; потому что я часто слыхалъ, что за долги отца не льзя бы было продать имѣнія Елленгована, ежели бы у него былъ наслѣдникъ мужескаго пола.

— У него уже давно родился сынъ, — подхватилъ пріѣзжій; — стало быть онъ умеръ? —

Никто не можетъ на это отвѣчать, сказалъ пѣвчій съ таинственнымъ видомъ.

Умеръ! вскричалъ діаконъ; да кто же можетъ въ томъ и сомнѣваться, когда лѣтъ съ двадцать о немъ уже и не слышно?

„Нѣтъ еще двадцати лѣтъ,“ сказала хозяйка; „всего будетъ шестнад-

цать въ концѣ мѣсяца. Это надѣлало въ нашей сторонѣ довольно шума. Дитя пропало въ самый день смерти надсмотрщика Франка Кеннеди. Онъ былъ добрый, веселый малой, принятъ въ лучшемъ кругу нашего околодка; я много съ нимъ посмѣялась, была тогда молода и только что вышла замужъ за Ратмана Макъ-Кендлича. Ежели бы онъ смотрѣлъ нѣсколько сквозь пальцы на торгъ запрещенными товарами. . . . Но онъ былъ слишкомъ отваженъ. И такъ я вашей чести доложу, что въ заливѣ Вихтонскомъ стояла канонерская лодка. Франкъ Кеннеди приказалъ ей погнаться за люгеромъ Диркъ Гаттрійка. Вы, Діаконъ, хорошо помните Диркъ Гаттрійка; вы не разъ имѣли съ нимъ дѣло. Онъ былъ человѣкъ рѣшительный, долго оборонялся съ своимъ люгеромъ, пока не прыгнулъ въ огонь, какъ каштанъ. Франкъ Кеннеди первый вскочилъ къ нему на бордъ и былъ выкинутъ за четверть мили отшуда подлѣ

скалы, которую съ тѣхъ самыхъ поръ называютъ *скачкомъ таможеннаго.*"

— Какое же сношеніе все это имѣетъ съ сыномъ Г-на Бертрама? — спросилъ проѣзжій.

"А то, что онъ былъ съ Кеннеди, и всѣ полагаютъ, что съ нимъ же вскочилъ и на бордъ."

О! нѣтъ, сказалъ Діаконъ, вы совсѣмъ не то говорите. Молодой Лордъ былъ украденъ Цыганкою, которую звали Мегъ Мерильисъ. Я помню еще ея рожу. Она хотѣла отплатить отцу за то, что онъ ее приговорилъ высѣчь розгами въ Кипплетринганѣ за покражу серебряной ложки.

Съ вашего позволенія, господинъ Діаконъ, отвѣчалъ пѣвчій, я думаю, что вы также ошибаетесь, какъ и хозяюшка наша.

— Какимъ же образомъ, по вашему мнѣнію, сударь, произошло это дѣло? — спросилъ его пріѣзжій съ видомъ участія.

Можетъ быть, неловко будетъ объ этомъ разсказывать, отвѣчалъ пѣвчій съ торжественнымъ видомъ.

Его начали упрашивать разсказать, и наконецъ, наполнивъ окружавшую его атмосферу табачнымъ дымомъ, кашлянувъ два, три раза, онъ началъ слѣдующее житіе, стараясь подражать поразительному краснорѣчію, гремящему съ каѳедры надъ самою его головою, когда онъ находился на клиросѣ.

То, что я имѣю вамъ сказать, братія, то есть друзья мои, можетъ послужить къ посрамленію защищающихъ безбожниковъ, колдуновъ и невѣрныхъ всякаго рода. И такъ познайте, что достойный Лордъ Елленгованъ не столь строго очищалъ страну нашу отъ колдуновъ, какъ бы ему слѣдовало. О нихъ бо писано есть: „не оставиши въ живыхъ чародѣя." Онъ терпѣлъ людей, бывшихъ въ сообществѣ съ нечистою силою, умѣвшихъ заговаривать, предсказывать будущее,

какъ то дѣлаютъ Цыгане. Лордъ, вступивъ въ законный бракъ, три года не имѣлъ дѣтей, и желая нажить оныхъ, посовѣтовался съ Мегъ Мерильисъ, отъявленною колдуньею и извѣстною за таковую во всемъ Галоваѣ и Графствѣ Думфрійскомъ.

„Въ этомъ есть нѣсколько правды," сказала Мистриссъ Макъ-Кендличь; „потому что я сама, бывъ въ за́мкѣ, слышала, какъ Лордъ велѣлъ ей дать рюмку водки."

Перестаньте же, хозяюшка! дайте мнѣ окончить. Потомъ Мила́ди сдѣлалась беременна, и въ самую ночь ея родовъ подошелъ къ воротамъ старичокъ въ странномъ одѣяніи и просился переночевать. Голова его, руки и ноги были не покрыты, хотя посреди жестокой зимы, а борода длиною почти въ аршинъ. Его впустили, и когда госпожа разрѣшилась, то онъ спросилъ, который часъ, вышелъ и отправился читать въ звѣздахъ. Возвратясь, сказалъ онъ Лорду, что злой духъ дѣйствуетъ своею силою

на новорожденнаго; убѣждалъ воспитывать его въ правилахъ благочестія, приставить къ нему честнаго человѣка, которой бы никогда его не оставлялъ и молился бы съ нимъ и за него. Послѣ того старикъ вдругъ изчезъ и болѣе его никто не видалъ.

Вотъ ужь этому-то съ рукъ не сойтить! сказалъ почтальонъ, слушавшій его повѣсть, хотя и въ почтительномъ разстояніи. Я прошу васъ, Г. Скрійгъ, такъ какъ и все общество, меня покорнѣйше извинить; но борода ваша нынѣшній день длиннѣе, нежели у того человѣка, о которомъ вы разсказываете: у него на рукахъ были хорошія перчатки, а на ногахъ пара славнѣйшихъ сапоговъ. Я думаю, что. . . .

Какимъ образомъ пріятель Жакъ столько свѣдущъ? спросилъ пѣвчій съ видомъ презрѣнія.

А такимъ, Г. Скрійгъ, что я жилъ недалеко отъ въѣзда въ замокъ, и въ ту ночь, какъ молодой Лордъ родился, одинъ проѣзжій постучал-

ся у нашихъ дверей, а моя мать меня разбудила и велѣла проводить его въ Елленгованъ. Ежели бы это былъ колдунъ, то что бы ему за надобность была въ проводникѣ? Онъ былъ человѣкъ молодой, красивой, одѣтъ хорошо, похожъ на Англичанина, и я вамъ говорю, что у него была и шляпа, и перчатки, и сапоги. Правда, что онъ долго разсматривалъ развалины стараго за́мка; но сказать, что пропалъ изъ глазъ какъ привидѣніе, это пустое: потому, что я держалъ ему стремя, когда онъ садился на лошадь, и онъ отъѣзжая, далъ мнѣ добрую полкрону. Подъ нимъ была гнѣдая лошадь, принадлежавшая Георгу Думфрійскому, и я съ тѣхъ поръ ее видывалъ много разъ.

Ну что же, Жакъ, сказалъ пѣвчій, понизивъ голосъ, наши разсказы разнятся только въ нѣкоторыхъ мѣлкихъ обстоятельствахъ. Я не зналъ, что ты видѣлъ того человѣка. И такъ, мои друзья, когда сей иностранецъ предсказалъ несча-

стіе сына, то отецъ для надзора за нимъ избралъ честнаго человѣка.

Да, подхватилъ почтальонъ, Доминуса Сампсона.

Это родъ нѣмаго, сказалъ Діаконъ. Меня увѣряли, что онъ передъ посвященіемъ не могъ проговорить пяти словъ изъ своей проповѣди.

И такъ, продолжалъ пѣвчій, протянувъ руку, чтобы получить позволеніе снова приступить къ повѣсти, и такъ онъ смотрѣлъ за молодымъ Лордомъ денно и нощно. Но случилось, что когда ребенокъ былъ уже по пятому году, то отецъ одумался, сознался въ своей ошибкѣ и рѣшился выгнать Цыганей изъ своего помѣстья. Поручено было ихъ выпроводить Франку Кеннеди, рѣшительному смѣльчаку. Они одни другимъ наговорили грубостей, ругательствъ и Мегъ Мерильисъ, изъ всей шайки ближайшая къ врагу рода человѣческаго, сказала ему, что онъ прежде трехъ сутокъ будетъ въ ея рукахъ и тѣломъ и душею. И я это знаю отъ вѣрнаго чело-

вѣка, отъ человѣка, который былъ тому свидѣтелемъ, отъ Жона Вильсона, слуги Лорда, который былъ съ нимъ въ то время, когда, возвращаяеь изъ Синглезида, встрѣтилъ Мегъ Мерильисъ, предсказавшую ему отъ слова до слова всѣ несчастія, которыя съ нимъ послѣдовали. Правда, что Жонъ не могъ мнѣ навѣрное сказать, точно ли это была Мегъ, или какой духъ, принявшій на себя ея образъ; потому, что она тогда была необыкновеннаго роста.

Мнѣ на это нечего сказать, отвѣчалъ почтальонъ, потому что меня въ то время не было въ здѣшней сторонѣ; но Жонъ Вильсонъ большой трусъ, а сердце его было хуже куринаго.

— И чѣмъ же все это кончилось? — спросилъ пріѣзжій съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

А кончилось тѣмъ, сказалъ пѣвчій, что покамѣстъ всѣ смотрѣли, какъ канонерская лодка гналась за люгеромъ, нагруженнымъ запрещен-

ными товарами, Кеннеди безъ всякой надобности пустился вдругъ, какъ изъ лука стрѣла. Ни веревками, ни цѣпями его бы тогда не удержали. Онъ поскакалъ во всю мочь къ Варрохскому лѣсу; тамъ нашелъ молодаго Лорда и его надзирателя; взялъ дитя на руки, клянясь, что ежели онъ самъ околдованъ, то и молодой Генрихъ раздѣлитъ одинаковую съ нимъ участь. Г. Сампсонъ побѣжалъ за ними какъ можно проворнѣе, а у него ноги были порядочныя. Вдругъ увидѣлъ онъ, что колдунья Мегъ, или господинъ ея, принявшій на себя ея образъ, выскочила изъ-подъ земли и схватила младенца. Кеннеди вынулъ саблю, потому что онъ былъ такой молодецъ, что его бы самъ дьяволъ не испугалъ. . . . .

Что правда, то правда, сказалъ почталіонъ.

Въ ту же минуту Мегъ обхватила руками таможеннаго, да и швырнула его, какъ камень, черезъ Варрохской мысъ, въ низу кото-

раго отыскалось его тѣло тѣмъ же вечеромъ. Что сдѣлалось съ младенцемъ, того я не могу вамъ сказать; но тогдашній Священникъ, получившій послѣ того времени выгоднѣйшее мѣсто, полагалъ, что его навѣрное перенесли въ страну колдуновъ, и что когда нибудь онъ можетъ и опять къ намъ возвратиться на землю.

Легкая улыбка показывалась на чертахъ пріѣзжаго при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ сего разсказа; но прежде нежели онъ могъ сдѣлать малѣйшее замѣчаніе, услышали шумъ остановившейся у дверей лошади. Хорошо одѣтый слуга, имѣвшій приколотую къ шляпѣ кокарду, вошелъ съ важнымъ видомъ, говоря: — Ну же, добрые люди, раздайтесь немного. Но примѣтивъ пріѣзжаго у огня, онъ сдѣлался скромнѣе и покорнѣе, снялъ свою шляпу, подалъ ему письмо и сказалъ: Въ Елленгованѣ, сударь, всѣ въ большомъ огорченіи и не могутъ принимать никакого посѣщенія.

„Я это знаю,“ сказалъ его господинъ. „Такъ какъ гости, которыхъ вы ждали, сударыня, къ вамъ не будутъ, то не можете ли вы теперь мнѣ позволить занять вашу залу?“

— Конечно, сударь, отвѣчала Мистриссъ Макъ-Кендличь, взявъ со стола свѣчу, чтобы посвѣтить ему со всею услужливостію, которую въ такомъ случаѣ оказываетъ охотно всякая хозяйка.

„Молодецъ,“ сказалъ Діаконъ слугѣ, поднося ему рюмку водки, „выкушай-ка это на здоровье, а вѣдь послѣ такой ѣзды тебѣ отъ нее хуже не будетъ.“

— Конечно нѣтъ, сударь; дай вамъ Богъ добраго здоровья! —

„А кто твой господинъ мой другъ?“

— Извѣстный Полковникъ Маннерингъ, который недавно возвратился изъ Восточной Индіи. —

„Какъ! это тотъ, о которомъ столько писано въ газетахъ?“

— Точно, тотъ самый. Онъ освободилъ Куддибурнъ, защитилъ Чингалоръ, разбилъ предводителя Ма-

раттовъ, Рамъ Жоли Бундлемана; я былъ съ нимъ во всѣхъ его походахъ. —

„Боже мой!“ сказала хозяйка, „а я здѣсь такъ спокойно усѣлась! Мнѣ надобно у него спросить, что ему угодно приказать изготовить къ ужину.“

— О, матушка, онъ не причудливъ: будетъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что есть лучшаго. Вы никогда не найдете человѣка простѣе и неприхотливѣе Полковника. А есть однако же минуты, въ которыя подумаешь, что самъ чортъ въ него поселился. —

Такъ какъ продолженіе разговора въ кухнѣ не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго, то мы съ позволенія читателя переведемъ его въ залу.

ГЛАВА XII.

Предавшись своимъ размышленіямъ, Полковникъ прохаживался по залѣ вдоль и поперегъ, какъ вошла къ нему хозяйка, чтобы принять его приказаніе. Отдавъ ей оное, по сужденію его, самымъ пріятнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ образомъ *для благосостоянія ея дома*, онъ попросилъ ее на минуту съ нимъ остаться.

„Ежели я хорошо вслушался, сударыня," сказалъ онъ ей „въ то, что говорили тамъ въ низу добрые ваши гости, то Г-нъ Бертрамъ лишился сына на пятомъ его году."

— Точно такъ, сударь, и не соглашаются въ томъ только, какимъ образомъ произошло сіе приключеніе. Это старая исторія, которую всякой разсказываетъ, какъ умѣетъ, грѣясь подлѣ огонька, какъ мы нынѣшнимъ вечеромъ; но что дитя пропало по пятому году, какъ вы изволили сказать, въ томъ

нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Это несчастіе безъ всякой осторожности объявили его бѣдной матери, которая тогда была очень тяжела, и это ей стоило жизни въ туже ночь. Съ тѣхъ поръ Лордъ никогда не былъ въ полномъ разумѣ. Когда же Миссъ Люси подросла, то начала стараться заводить въ домѣ порядокъ; но какъ ей бѣдняжечкѣ можно было управиться? Уже слишкомъ было поздно. Наконецъ помѣстье ихъ и все имущество будутъ продавать завтрашній день съ аукціона. —

„Можете ли вы припомнить, въ которомъ именно мѣсяцѣ дитя пропало?"

Хозяйка, подумавъ съ минуту, сказала ему, что сіе случилось въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ; и приведши себѣ на память нѣкоторыя мѣстныя подробности, она могла сказать навѣрное даже и число, въ началѣ Ноября 17.

Маннерингъ прошелъ раза два, три по залѣ въ молчаніи, но Ми-

стриссѣ Макъ Кендличь далъ знакъ, чтобы она осталась.

„Могу ли я быть увѣренъ," сказалъ онъ, „что завтра въ самомъ дѣлѣ будетъ продаваться Елленгованское помѣстье?"

— Ахъ, Боже мой! точно такъ! завтра поутру, и кто дастъ болѣе, тотъ и купитъ. Когда я говорю завтра, то ошибаюсь, потому что это будетъ Воскресенье; но въ понедѣльникъ непремѣнно. Тогда же будетъ продаваться и все движимое имѣніе. Весь околодокъ думаетъ, что теперь спѣшатъ продажею, потому что по случаю Американской войны въ Шотландіи мало наличныхъ денегъ, а одному человѣку хочется купить имѣніе за дешевую цѣну. Богъ его за то попутаетъ. Конечно духъ доброй госпожи сойдетъ на землю, чтобы отплатить ему за такую несправедливость. —

„А въ какомъ мѣстѣ будетъ продажа?"

— Въ самомъ Елленгованскомъ замкѣ, какъ напечатано въ извѣстіяхъ. —

„А кому поручено показывать планы земель, крѣпости на имѣніе и опись доходовъ?“

— Одному очень честному человѣку, сударь — помощнику Шерифа нашего Графства. Онъ живетъ здѣсь въ городѣ, и ежели вы желаете съ нимъ видѣться, то онъ можетъ вамъ разсказать лучше всякаго другаго всѣ обстоятельства того, какъ пропало дитя; потому что, какъ я наслышалась, Шерифъ тогда очень старался открыть всю истину сего произшествія. —

„А какъ онъ называется?“

— Макъ-Морланомъ, сударь. Онъ человѣкъ достойный и извѣстенъ по своей честности. —

„Прикажите ему засвидѣтельствовать почтеніе отъ моего имени, отъ имени Полковника Маннеринга, и сказать, что я буду очень радъ, ежели ему угодно будетъ со мною отужинать и принесть съ собою всѣ бумаги, каса-

ющіяся до того помѣстья; а васъ, моя милая, попрошу не говоришь о томъ никому ни слова.“

— О! я, сударь, и рта не отворю. Мнѣ было бы весьма пріятно, чтобы ваша честь (присядаетъ), дворянинъ, сражавшійся за свое отечество (еще присядаетъ), могъ сдѣлаться помѣщикомъ замка, когда необходимо ему надобно достаться другому. Тогда мнѣ не привелось бы видѣть его въ рукахъ такого негодяя, какъ Глоссинъ, разжившагося на счетъ того, которому всѣмъ обязанъ. Но, обдумавши хорошенько, я лучше надѣну салопъ и подкованные башмаки, да сама пойду къ Г-ну Морлану; вѣрно застану его дома, а отсюда недалеко. —

„Сходите, моя милая, сходите; вы меня тѣмъ много одолжите. Да прикажите мимоходомъ моему человѣку ко мнѣ придти и принесть мой портфёль.“

Черезъ двѣ минуты послѣ того Полковникъ Маннерингъ сидѣлъ подлѣ стола и имѣлъ передъ собою

все для письма нужное. Такъ какъ мы имѣемъ право и возможность читать у него черезъ плечо, то и сообщимъ нашимъ читателямъ существо его письма. Оно было адресовано на имя Сира Артура Мервина въ Мервинъ Галль, въ Вестморелландѣ, содержало подробности Полковникова путешествія съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ своимъ другомъ, и продолжалось такимъ образомъ:

„И теперь, любезнѣйшій Мервинъ, будете ли вы мнѣ еще дѣлать упреки за мой грустный видъ? Не уже ли вы полагаете, что, лѣтъ двѣнадцать прослуживъ въ военной службѣ, получивъ нѣсколько ранъ, долго страдавъ въ тяжкомъ плѣну, перенесши множество всякаго рода несчастій, мнѣ по прежнему можно быть тѣмъ же веселымъ, пылкимъ Маннерингомъ, который съ вами лазилъ на вершину Скиддави и ходилъ въ Кроссвень на охоту за куликами? Что вы, окруженные семейственнымъ счастіемъ, со-

хранили тотъ же самый характеръ, то же пламенное воображеніе, это происходитъ отъ сложенія вашего и здоровья. Вы тихо плывете по рѣкѣ жизни въ ладьѣ, на которой служатъ гребцами веселье и удовольствіе; между тѣмъ какъ моя жизнь состояла изъ непрерывной цѣпи заблужденій, затрудненій и препятствій. Съ младенчества моего я былъ игралищемъ обстоятельствъ, и хотя часто хорошій вѣтеръ приводилъ меня въ гавань, но рѣдко въ ту самую, гдѣ желалъ я быть. Позвольте мнѣ въ короткихъ словахъ описать вамъ странную судьбу, сопровождавшую меня въ молодости, и несчастія, претерпѣнныя мною въ послѣдствіи.

„Вы скажете, что заря моей жизни не была помрачена бурями; я согласенъ въ томъ, что ежели она и не была усѣяна цвѣтами, то по крайней мѣрѣ была и безъ терній. Отецъ мой, старшій сынъ фамиліи извѣстной, но небогатой, оставилъ мнѣ въ наслѣдство почти

одно имя, которое я былъ обязанъ поддержать, и дружбу двухъ дядей, бывшихъ богаче его. Они до такой степени меня любили, что едва не всякой день за меня ссорились. Дядя мой, Епископъ, желалъ посвятить меня въ духовное званіе и доставить выгодное мѣсто; а дядя мой негоціантъ хотѣлъ изъ меня сдѣлать купца и дать часть въ своей торговлѣ, которая бы тогда производилась отъ имени дома Маннеринга и Марегаля въ Ломбардъ-Стритѣ. Я прошелъ между сихъ обѣихъ пучинъ, или лучше сказать, предпочелъ драгунское сѣдло мягкимъ и покойнымъ кресламъ, которыми меня такъ усердно подчивали. Епископъ хотѣлъ меня потомъ женить на дочери одного Линкольнскаго Декана, полной во всемъ наслѣдницѣ сего послѣдняго; купецъ предложилъ мнѣ руку единственной дочери стараго Слойторна, богатаго купца, производившаго торгъ виномъ, и которой бы могъ замостить большую залу четырехъ-чер-

вонными монетами, а банковыми ассигнаціями закуривать свою трубку. Я еще разъ выпутался изъ ихъ сѣтей, и женился на Софіи, на моей бѣдной Софіи Вельвудъ.

„Вы также скажете, что предпочтенная мною военная служба должна была мнѣ доставить нѣкоторое удовольствіе? — Это правда. Вы прибавите къ тому, что ежели я и несовершенно отвѣчалъ желаніямъ моихъ дядей, то они неменѣе того сохранили прежнюю ко мнѣ дружбу? — Соглашаюсь и въ томъ. Дядя мой Епископъ по смерти своей отказалъ мнѣ въ духовной свое благословеніе, рукописныя проповѣди имъ сочиненныя, большую библіотеку и драгоцѣнный портфёль, наполненный портретами славнѣйшихъ Богослововъ Англійской Церкви. Дядя мой, Павелъ Маннерингъ, сдѣлалъ меня единственнымъ наслѣдникомъ своего безчисленнаго богатства. Но къ чему мнѣ все сіе послужило? Я отъ того не менѣе ношу занозу, глубоко вонзенную

въ сердцѣ. Бывъ у васъ, не собрался я съ силами, чтобы вамъ о семъ разсказать; и такъ теперь рѣшаюсь подробно описать приключеніе, о коемъ вы, можетъ быть, услышите отъ другихъ, но съ перемѣною многихъ обстоятельствъ и удаленіемъ отъ истины; послѣ чего прошу васъ не говорить мнѣ ни о грусти моей, ни о томъ, что къ оной служитъ поводомъ.

,,Софія, какъ вамъ извѣстно, поѣхала со мною въ Индію. Она была столь же невинна, какъ и весела, но по несчастію для насъ обоихъ столько же и весела, какъ невинна. Характеръ мой, образованный уединенною жизнію, которую я до того велъ, предаваясь наукамъ, не совершенно приличествовалъ въ такой землѣ, гдѣ каждый житель, пріобрѣтшій нѣкоторое уваженіе, считаетъ себя обязаннымъ оказывать гостепріимство, чтобы взаимно самому онымъ пользоваться. Во время одного принужденнаго набора (вы знаете, какъ трудно въ Индіи

вербовать рекрутъ изъ Европейцевъ) явился ко мнѣ въ полкъ вольноопредѣляющійся молодой человѣкъ по имени Броунъ, и нашедъ для себя военную службу пріятнѣе, нежели купеческую жизнь, которую до того велъ, остался съ нами въ званіи юнкера. Я долженъ отдать справедливость моей несчастной жертвѣ признаніемъ, что онъ велъ себя во всякомъ случаѣ съ такимъ мужествомъ, что вообще полагали, что онъ поступитъ въ Офицеры на первое убылое мѣсто. Я отлучился на нѣсколько недѣль для одной дальней экспедиціи, а по возвращеніи моемъ нашелъ сего молодаго человѣка у себя принятымъ какъ друга нашего дома и не оставлявшимъ ни на минуту ни жены моей, ни дочери. Признаюсь, что частыя его посѣщенія мнѣ отмѣнно не нравились, хотя въ обычаяхъ его и поведеніи не было ничего предосудительнаго. Я, можетъ быть, привыкъ бы даже къ его присутствію безъ наущенія одного по-

сторонняго лица. Ежели вы когда нибудь читали Отелло, пьесу, которую я во всю жизнь мою не разверну, то будете имѣть понятіе о томъ, что воспослѣдовало, то есть о подозрѣніяхъ, во мнѣ поселившихся; потому что, благодаря Бога, поступками моими я не дошелъ до такихъ преступленій.

„Въ полку моемъ былъ другой юнкеръ, также желавшій быть произведеннымъ на первую ваканцію. Онъ обратилъ мое вниманіе на такъ называемое имъ кокетство моей жены въ обхожденіи съ симъ молодымъ человѣкомъ. Софія гордилась своею добродѣтелью, ревность моя ее раздражила, и она довольно неблагоразумно поощряла къ посѣщеніямъ, отъ коихъ видѣла, что рождались безпокойство мое, и неудовольствіе. Между мною и Броуномъ была явная холодность. Онъ старался угожденіями преодолѣть мои предразсудки; но я былъ противу его предубѣжденъ, приписывалъ сіе злому

намѣренію и не отвѣчалъ желанію его сблизиться со мною.

„Вы не можете себѣ представить, сколько я мучусь, писавъ къ вамъ сіе письмо. Мнѣ однакоже хочется дойти до несчастнаго приключенія, отравившаго остатокъ моей жизни, и которое постараюсь сколько можно сократить.

„Жена моя была хотя уже не очень молода, но все еще прекрасна, и къ оправданію моему я долженъ сказать, что она любила таковою казаться. Я еще повторю, что, не смотря на вѣроломныя внушенія Аршера, никогда я не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ ея добродѣтели, но полагалъ, что она мало дорожитъ моимъ спокойствіемъ и что молодой Броунъ продолжалъ за нею волочиться для того только, чтобы показать свое ко мнѣ неуваженіе. Быть можетъ, почиталъ онъ меня за одного изъ тѣхъ начальниковъ, которые удовольствіемъ себѣ поставляютъ пользоваться ввѣренною имъ властію,

чтобы мучить своихъ подчиненныхъ. Ежели онъ замѣтилъ мою ревность, то, продолжая ее возбуждать, конечно желалъ отплатить за тѣ небольшія непріятности, кои мѣсто мое позволяло мнѣ дѣлать ему, не давая права на оныя жаловаться. Одинъ истинный другъ хотѣлъ меня заставить смотрѣть съ другой стороны на частыя его посѣщенія; онъ увѣрялъ, что предметомъ ихъ была дочь моя, и что старанія его угождать женѣ моей имѣли единственною цѣлію заслужить ея согласіе и покровительство своей страсти. Хотя бы я съ неудовольствіемъ видѣлъ, что молодой, неизвѣстной человѣкъ, не имѣвшій ни родственниковъ, ни состоянія, возвысилъ свои надежды до дочери моей; но сіе вздорное самонадѣяніе не столько бы меня оскорбило, какъ чувство, которое я предполагалъ въ немъ. Наконецъ отвращеніе мое простерлось до такой степени, что не возможно было ни чѣмъ его побѣдить.

„Для произведенія пожара достаточно одной искры, ежели она упадетъ на горючее вещество. Маловажная ссора въ игрѣ была причиною дуэля между нами. Рано поутру отправились мы за городъ, въ коемъ я былъ Губернаторомъ, и на границу городской земли, дабы Броунъ могъ спастись, ежели бы остался побѣдителемъ. Богу извѣстно, какъ бы я желалъ, чтобъ на его сторонѣ осталась столь несчастная выгода; но онъ палъ по первому моему выстрѣлу. Я хотѣлъ посмотрѣть, не можно ли ему еще помочь, какъ вдругъ увидѣли мы толпу Мараттовъ, которые въ сей сторонѣ ожидаютъ удобныхъ случаевъ, чтобы нападать на военныхъ людей, когда они отдалятся отъ войскъ или отъ крѣпостей. Едва успѣли мы съ Аршеромъ сѣсть на лошадей, какъ должны были упорно и долго драться, чтобъ сквозь непріятелей прочистить себѣ дорогу, при чемъ товарищъ мой получилъ нѣсколько опасныхъ ранъ.

„Въ дополненіе къ несчастіямъ сего дня, жена моя, догадываясь о причинѣ моего выхода изъ города, въ слѣдъ за мною поспѣшно отправилась въ своемъ паланкинѣ. Она попалась на встрѣчу другой толпѣ грабителей, которые захватили ее въ плѣнъ. Отрядъ Англійской конницы почти въ ту же минуту ее освободилъ; но я не могу скрыть отъ себя, что происшествія сего насчастнаго утра имѣли пагубныя послѣдствія для ея здоровья и безъ того уже довольно слабаго. Признаніе Аршерово предъ смертію въ томъ, какіе онъ имѣлъ виды, стараясь въ меня внушить подозрѣніе, дружеское объясненіе бывшее между нами, полное и совершенное примиреніе послѣдовавшее за онымъ, ничто не могло излѣчить ее отъ нанесеннаго ей удара: черезъ нѣсколько мѣсяцовъ она умерла, оставивъ мнѣ одну только дочь, которую Мистриссъ Мервинъ угодно было взять къ себѣ на нѣсколько времени. Юлія также занемогла столь

опасно, что я рѣшился взять отставку и возвратиться въ Европу, гдѣ время, лучшій воздухъ, новость всего ее окружающаго способствовали къ разогнанію ея грусти и возвратили ей прежнее здоровье.

„Теперь, зная мое похожденіе, вы конечно болѣе не будете у меня спрашивать о причинѣ моей горести, не будете удивляться тому, что я часто оной предаюсь, и согласитесь со мною, что, не смотря на мое богатство, на извѣстность, которую, смѣло могу сказать, что пріобрѣлъ, чаша жизни моей ежели не отправлена, то по крайней мѣрѣ преисполнена горечи.

„Я бы могъ прибавить описаніе многихъ обстоятельствъ, которыя нашъ старый наставникъ непремѣнно привелъ бы въ доказательство тому, что съ самаго рожденія нашего злая судьба насъ не выпускаетъ изъ рукъ; но вы будете надъ симъ только смѣяться, и знаете, что и самъ я тому ни сколько не вѣрю. Однако-

же послѣ пріѣзда моего въ домъ, откуда къ вамъ пишу, я узналъ объ одномъ приключеніи, которое, по видимому, довольно сильно доказываетъ вліяніе звѣздъ, и когда я лучше въ ономъ увѣрюсь, то оно послужитъ намъ поводомъ къ весьма любопытному разсужденію; но теперь о немъ не буду пространнѣе говорить. Къ тому же, ожидаю къ себѣ законоискусника, съ коимъ имѣю надобность поговорить объ одномъ продажномъ въ етой сторонѣ помѣстьѣ. Я особенно люблю здѣшнія окрестности; и ежели его куплю, то настоящій владѣлецъ не будетъ отъ того въ накладѣ: потому что, мнѣ кажется, сдѣланъ заговоръ въ намѣреніи заставить продать имѣніе гораздо дешевле настоящей цѣны. Прошу засвидѣтельствовать истинное мое почтеніе Мистриссъ Мервинъ, и вамъ же препоручаю, не смотря на вашу молодость, поцѣловать за меня Юлію. Простите, дражайшій Мервинъ; остаюсь навсегда весь вашъ *Гви Маннерингъ.*"

При окончаніи сего письма явился Г. Макъ Морланъ, человѣкъ, соединявшій расторопность съ честностію. Извѣстная репутація Полковника Маннеринга склонила его объясниться съ нимъ откровенно и съ довѣренностію; онъ представилъ обстоятельно всѣ выгоды и невыгоды сей покупки. „Главная часть помѣстья," сказалъ онъ, „переведена на имя наслѣдниковъ мужескаго пола, и покупщикъ получитъ право, не уплачивая большой части денегъ, держать ихъ въ своихъ рукахъ нѣкоторое означенное время, по прошествіи коего долженъ будетъ оныя выдать безъ вѣсти пропавшему сыну, ежели онъ возвратится."

— Но въ такомъ случаѣ, сказалъ Маннерингъ, за чѣмъ же торопиться продавать? —

Макъ-Морланъ улыбнулся. „Для того, какъ кажется," отвѣчалъ онъ, „чтобы процентами съ вырученной суммы уплачивать заимодавцамъ должные проценты, которые выдаются теперь весьма не-

исправно; но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы доставить одному человѣку, желающему пріобрѣсть имѣніе за безцѣнокъ, возможность воспользоваться симъ удобнымъ случаемъ и имѣть сверхъ того выгоду при покупкѣ ни сколько не платить наличныхъ денегъ. Этотъ-то человѣкъ, сдѣлавшись главнымъ кредиторомъ, повертываетъ всѣмъ дѣломъ, какъ ему угодно, употребляя къ тому средства, къ которымъ давно привыкъ."

Маннерингъ условился съ Макъ-Морланомъ, какимъ образомъ разстроить намѣренія сего презрительнаго человѣка; потомъ долго разговаривалъ съ нимъ о томъ, какъ странно изчезъ Генрихъ Бертрамъ, и узналъ, что сіе приключеніе воспослѣдовало въ самый день рожденія по совершеніи ему пяти лѣтъ, что совершенно согласовалось съ предсказаніемъ о томъ Маннеринга, который, какъ можно легко догадаться, тѣмъ вовсе не похвастался. Г-на Макъ-Морлана не

было въ Кипплетрингане во время сего приключенія; но онъ зналъ его довольно обстоятельно, и обѣщалъ Полковнику, ежели онъ поселится въ сей части Шотландіи, познакомить его съ самимъ Шерифомъ, который тогда ему разскажетъ подробно все дѣло. Они разстались столь же довольными другъ другомъ, какъ и послѣдствіемъ своего свиданія.

На другой день Полковникъ Маннерингъ, попріодѣвшись, отправился въ приходскую церковь, въ коей никого не засталъ изъ фамиліи Елленгowановъ. Носился слухъ, что старый Лордъ сдѣлался еще нездоровѣе. Жакъ Жабосъ, въ другой разъ посланный въ замокъ съ коляскою Мистриссъ Макъ-Кендличь, въ другой разъ возвратился одинъ, но сказалъ, что Миссъ Люси надѣется, что отцу ея на другой день будетъ легче и можно переѣхать въ городъ.

ГЛАВА XIII.

На другой день рано поутру Маннерингъ отправился верхомъ въ Елленгованъ и приказалъ человѣку ѣхать за собою. Не нужно было ему спрашивать о дорогѣ; продажи съ аукціона возбуждаютъ въ сельскихъ жителяхъ всеобщее любопытство, и множество народа шло туда со всѣхъ сторонъ.

Проѣхавъ съ часъ времени по прелестнѣйшимъ мѣстамъ и насладившись видами ихъ, усмотрѣлъ онъ и башни стараго зáмка. Мысли, наполнявшія его голову, тогда какъ онъ ихъ оставилъ, различествовали отъ представлявшихся ему въ сію минуту. Въ развалинахъ не было никакой перемѣны; но какая разница, въ чувствахъ, желаніяхъ и надеждахъ разсматривавшаго ихъ! Тогда врата жизни только что разверзались предъ нимъ, любовь воспламеняла въ немъ первый огонь, будущность рисовалась передъ нимъ

вдали яркими красками; а теперь, потерявъ обожаемую супругу, пресыщенный тѣмъ, что свѣтъ называетъ славою и почестями, нося съ собою повсюду горькое воспоминаніе, коего ничто не могло истребить изъ его сердца, все, чего онъ могъ надѣяться, состояло въ отысканіи уединеннаго убѣжища, въ коемъ бы можно было ему предаваться задумчивости, сдѣлавшейся его обыкновеннымъ состояніемъ. Однакоже, говорилъ онъ, по какому праву человѣкъ осмѣлится жаловаться на суетность своихъ намѣреній, паденіе надеждъ! Не предполагали ли древніе Бароны, построившіе сіи огромныя каменныя башни, что онѣ навсегда будутъ ихъ потомству служить крѣпостію, и о могуществѣ ихъ возвѣщать изъ рода въ родъ? Что бы сказали они, глядя на послѣдняго своего потомка, принужденнаго оставить сіи величественныя развалины, не зная, куда голову приклонить? Но красоты природы неистощимы: еже-

ли сіи башни и сдѣлаются собственностію иностранца, или перейдутъ въ руки оборотливаго негодяя, который законъ обращаетъ въ орудіе преступленія; то солнце будетъ ихъ озарять не менѣе яркими лучами, какъ и тогда, когда знамя съ гербами ихъ основателей въ первой разъ распустилось на вершинѣ ихъ.

Въ сихъ размышленіяхъ Маннерингъ подъѣхалъ къ самымъ воротамъ зáмка, кои были растворены. Онъ въѣхалъ и засталъ собравшееся многочисленное общество. Одни занимались разсматриваніемъ предметовъ, кои желали купить, другіе удовлетворяли тщетному любопытству. Даже и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ таковое зрѣлище представляетъ глазамъ наблюдателя нѣчто печальное. Перестановленіе всѣхъ комнатныхъ уборовъ, снятыхъ съ ихъ мѣстъ для удобнѣйшаго показанія покупщикамъ и вынесенія изъ покоевъ послѣ продажи, всегда производитъ

непріятное впечатлѣніе. Иные предметы, находясь на своемъ мѣстѣ, кажутся пристойными и въ хорошемъ еще состояніи; бывъ же перенесены, теряютъ свой видъ, оказываются старыми и негодными къ употребленію; обнаженныя комнаты, лишась того, что дѣлало ихъ спокойными и пріятными, представляютъ видъ развалинъ и разоренія. Можно ли безъ отвращенія смотрѣть на любопытныхъ, разсматривающихъ разныя вещи, назначенныя для особенныхъ и не рѣдко тайныхъ надобностей прежняго ихъ хозяина; слушать вздорныя шутки зрителей на счетъ мебелей, коихъ употребленіе имъ не извѣстно, или модъ, имъ чуждыхъ! Такое-то зрѣлище было предъ глазами Маннеринга; не заключая въ себѣ ничего чрезвычайнаго, оно дѣлалось поразительнѣйшимъ отъ крѣпкихъ напитковъ, коими въ Шотландіи при такихъ случаяхъ непремѣнно угощаютъ; а мысль, что сіе было конечное разореніе древней и почтен-

ной фамиліи, въ глазахъ Полковника дѣлало сію картину еще мрачнѣйшею и печальнѣйшею.

Прошло нѣсколько времени, прежде нежели выискался кто нибудь въ расположеніи отвѣчать на его вопросы о Лордѣ Елленгованѣ. Наконецъ одна старая служанка, которая, разговаривая съ нимъ, закрывала глаза платкомъ, увѣдомила, что господину ея стало лучше, и можно надѣяться, что онъ въ состояніи сего же дня оставить за́мокъ и вынесть дорогу; что Миссъ Люси въ сію самую минуту ожидаетъ коляски, которая должна за ними пріѣхать, и какъ погода для того времени была прекрасная, то его вынесли въ креслахъ на лужокъ передъ старымъ за́мкомъ, чтобы избавить отъ столь прискорбнаго зрѣлища. Полковникъ вышелъ въ намѣреніи отыскать его, и скоро примѣтилъ небольшое зборище, состоявшее только изъ четырехъ человѣкъ. Пригорокъ довольно былъ крутъ, такъ что, приближаясь

къ нимъ, онъ имѣлъ время ихъ разсмотрѣть и обдумать, какимъ образомъ начать съ ними разговоръ.

Г-нъ Бертрамъ, разбитый параличемъ, не въ силахъ ни чѣмъ пошевелиться, сидѣлъ въ большихъ креслахъ, одѣтый въ камлотовый шлафрокъ; голова его была покрыта колпакомъ, а ноги обернуты въ шерстяное одѣяло. Позади его стоялъ съ сложенными на крестъ руками на трость, коею подпирался, Доминусъ Сампсонъ, котораго Полковникъ тотчасъ узналъ. Время не произвело въ немъ никакой перемѣны, кромѣ той только, что черное платье начало дѣлаться сѣрымъ, а впалыя щеки вдавились еще глубже. Подлѣ старика находилась настоящая Сильфида, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, которую Маннерингъ почелъ дочерью Елленгована. Она съ безпокойствомъ изрѣдка посматривала на аллею, по коей должна была пріѣхать коляска, старательно занималась удержаніемъ одѣяла такъ, чтобы отцу ея сколь можно

менѣе вредилъ холодъ, и не имѣла мужества взглянуть на за́мокъ, хотя шумъ, производимый собравшимися въ немъ людьми, и не могъ не привлечь ея вниманія. Четвертая особа былъ статный молодой человѣкъ, хорошо одѣтый и, какъ казалось, раздѣлявшій безпокойство Миссъ Люси и старанія ея сберечь здоровье отца.

Онъ первый примѣтивъ Полковника Маннеринга, подошелъ къ нему и учтиво просилъ не нарушать уединенія сихъ страдальцевъ. Маннерингъ остановился и увѣдомилъ его, что онъ, путешествуя нѣкогда въ сей странѣ, былъ принятъ Г-мъ Бертрамомъ съ большою вѣжливостію и благоволеніемъ; что въ такое горестное время онъ не показался бы ему, ежели бы состояніе, въ коемъ Лордъ Елленгованъ былъ по види́мому всѣми оставленъ, не давало ему на то нѣкотораго права; что наконецъ единственное его желаніе было предложить Г-ну Бертраму и его доче-

ри все то, чѣмъ можетъ имъ служить.

Послѣ того онъ остался въ нѣкоторомъ разстояніи отъ креселъ въ ожиданіи отвѣта, а старикъ остановилъ на немъ смутные взоры, но не показывая, что его узналъ. Что касается до Доминуса, то онъ слишкомъ былъ погруженъ въ печаль, чтобы на кого нибудь обратить вниманіе. Молодой человѣкъ тихо проговорилъ нѣсколько словъ. Миссъ Бертрамъ, которая, подошедъ къ Маннерингу съ робостію, поблагодарила его за учтивость. — „Но я боюсь," прибавила она, испустивъ нѣсколько слезъ, „что батюшка не въ состояніи будетъ васъ узнать."

Она подвела Полковника къ кресламъ.

„Батюшка!" сказала она, „вотъ одинъ изъ вашихъ старыхъ знакомыхъ, Г. Маннерингъ, пріѣхалъ съ вами повидаться."

— Добро пожаловать, — молвилъ старикъ, стараясь привстать и показывая на лицѣ отблескъ удоволь-

ствія; — но пойдемъ же домой, милая Люси: не надобно держать сего господина долго на холодѣ. Доминусъ! возьми ключь отъ потреба. Господину Ман. . . . , дворянину, проѣхавшись, конечно будетъ угодно что нибудь выкушать. —

До глубины души растроганный Маннерингъ, при сравненіи сего пріема съ полученнымъ за столько лѣтъ предъ тѣмъ, не въ состояніи былъ удержаться отъ слезъ, и симъ доказательствомъ чувствительности пріобрѣлъ довѣренность молодой несчастной дѣвицы.

„Увы!" сказала она, „это зрѣлище терзаетъ даже сердца посторонних людей! И не смотря на то, батюшка гораздо счастливѣе въ семъ жалкомъ положеніи, нежели бы когда могъ знать и чувствовать все то, что теперь происходитъ вблизи отъ насъ!"

Въ сію минуту подошелъ къ молодому человѣку слуга въ ливреѣ и сказалъ ему въ полголоса: Милади приказала васъ вездѣ искать, Г-нъ

Карлъ, и проситъ васъ перекупитъ для нее шкафъ изъ чернаго дерева; съ нею Лади Женни Девойрголь. Вамъ надобно тотчасъ къ нимъ пойти.

— Скажи имъ, что ты меня не нашелъ тамъ, или . . . . . Погоди немного . . . . . Нѣтъ; скажи имъ лучше, что я осматриваю лошадей. —

„Нѣтъ, нѣтъ!" вскричала Люси, „ежели вы не хотите увеличить несчастія сей жестокой минуты, то подите къ своему обществ; я увѣрена, что сему господину угодно будетъ проводить насъ до нашей коляски."

— Не сомнѣвайтесь въ томъ, сударыня, — сказалъ Маннерингъ, — и молодой вашъ пріятель можетъ положиться на мое желаніе вамъ услужить. —

Простите же! вскричалъ Карлъ, и примолвивъ что-то тихонько Миссъ Бертрамъ, поспѣшно удалился, опасаясь конечно, что идучи тише, не въ силахъ будетъ оторваться отъ сего мѣста.

— Кудажъ такъ торопится Карлъ Газлевудъ? — сказалъ старикъ, конечно привыкшій къ его присутствію, — отъ чего онъ такъ скоро побѣжалъ?

„Онъ тотчасъ возвратится,“ отвѣчала Люси.

Тогда послышались звуки разныхъ голосовъ со стороны развалинъ. Читатель конечно вспомнитъ, что между оными и зáмкомъ было сообщеніе, именно черезъ тотъ самый лужокъ, на коемъ происходило описываемое здѣсь явленіе.

„Да, да, тамъ много раковинъ и морскихъ растеній; но ежели захотѣть строить новый домъ, что, можетъ быть, и необходимо будетъ, то тамъ можно имѣть славной матеріялъ.“

— Боже мой! — сказала Сампсону Миссъ Бертрамъ, — это голосъ негодяя Глоссина. — Ежели батюшка его увидитъ, то этаго будетъ достаточно, чтобы его убить. —

Сампсонъ разомъ повернулся и большими шагами пошелъ на встрѣчу Глоссину, выходившему въ сію

минуту изъ-за развалинъ. Поди прочь, вскричалъ онъ, поди отсюда прочь! развѣ ты хочешь убить его, чтобы завладѣть зáмкомъ?

„Убирайтесь, убирайтесь, почтеннѣйшій Доминусъ Сампсонъ!" сказалъ ему Глоссинъ: „вы не очень горазды и на каѳедрѣ говорить слово, такъ къ чему вамъ мѣшаться здѣсь проповѣдывать? Мы идемъ съ закономъ въ рукахъ, мой любезной; такъ вы поученіе поберегите для себя."

Чтобъ вывесть Г-на Бертрама изъ самаго себя, съ нѣкотораго времени было достаточно одного имени сего человѣка. Звукъ его голоса, узнанный имъ въ туже минуту, произвелъ удивительное дѣйствіе надъ всѣмъ его составомъ. Онъ всталъ съ мѣста самъ, безъ всякой посторонней помощи, и обратившись къ нему, сказалъ съ запальчивостью, которая ни мало не согласовалась съ блѣдностію его лица: — Поди съ глазъ моихъ, змѣя, злая ехидна, уязвившая отогрѣвшую

тебя грудь! Развѣ ты не боишься того, что стѣны жилища отцевъ моихъ распадутся и тебя раздавятъ, порогъ дверей Елленгованскаго за́мка разверзнется, чтобы поглотить тебя? Не былъ ли ты безъ подпоры, безъ крова, безъ пропитанія, когда я подалъ тебѣ руку помощи; и не ты ли меня и эту невинную дѣвицу изгоняешь изъ за́мка, въ которомъ столько вѣковъ жили мои предки, въ то время, когда и я не имѣю ни друзей, ни крова, ни пропитанія? —

Ежели бы съ Глоссиномъ никого не было, то онъ не останавливаясь прошелъ бы своимъ путемъ; но присутствіе сопровождавшаго его, по видимому, землемѣра и видъ посторонняго человѣка, находившагося подлѣ Елленгована, побудило его противупоставить правдѣ безстыдство. Но не смотря на всю его наглость, онъ не легкое взялъ на себя дѣло. „Милостивый государь,“ съ трудомъ произнесъ онъ, „Гнъ Бертрамъ! не я виноватъ въ томъ,

что. . . собственное ваше неблагоразуміе причиною тому, что. . .“

Негодаваніе Полковника возрасло до высочайшей степени. Прервавъ Глоссина, — Государь мой! сказалъ онъ ему, — не входя въ дальнѣйшее разбирательство сего предмета, я напоминаю вамъ, что ни мѣсто, ни обстоятельства, ни даже, можетъ быть, и присутствіе мое не позволяютъ вамъ продолжать теперь объясняться, и вы меня одолжите, ежели уберетесь, не говоря болѣе ни слова. —

Глоссинъ былъ человѣкъ высокой, плечистой и сильной. Онъ предпочелъ лучше выдержать нападеніе чужаго человѣка, не казавшагося ему страшнымъ, нежели продолжать защищать свой дурной поступокъ отъ упрековъ прежняго благодѣтеля. —„Государь мой!“ сказалъ онъ, „я не знаю кто вы, и никогда и никому не позволю мнѣ говорить того, что вы мнѣ сейчасъ сказали.“

Маннерингъ былъ нѣсколько вспылчивъ. Глаза его засверкали отъ гнѣва; онъ столь сильно закусилъ себѣ нижнюю губу, что изъ нее выступила кровь, и подошедши къ Глоссину, — нужды нѣтъ, — сказалъ онъ, — что вы меня не знаете, но я, я васъ знаю; и ежели вы въ сію же минуту не сойдете съ этаго пригорка, не говоря болѣе ни одного слова, то ручаюсь вамъ, что вы съ одного размаха слетите на самый низъ. —

Важный и грозный видъ Полковника укротилъ безстыдство негодяя; онъ повернулся на каблукахъ, и пробормотавъ сквозь зубы, что не хочетъ безпокоить молодой особы, освободилъ ихъ отъ гнуснаго своего присутствія.

Почталіонъ Мистрисъ Макъ-Кендличь, пріѣхавшій кстати, чтобы видѣть произшедшее, закричалъ Глоссину, что ежели онъ когда нибудь попадется ему на дорогѣ, то онъ, Жакъ Жабосъ, будетъ

имѣть гораздо болѣе удовольствія опрокинуть его съ повозкою, нежели вытянуть кварту добраго пива.

Въ то время онъ доложилъ, что повозка готова для отвезенія стараго барина и его дочери.

Но сія помощь сдѣлалась безполезною. Напряженіе, произведенное Г-мъ Бертрамомъ, когда онъ предался своему негодованію, истощило малый остатокъ его силъ, и упавъ обратно на свои кресла, онъ испустилъ духъ безъ всякаго страданія, безъ малѣйшаго стона. Смерть столь мало измѣнила его черты, что зрителямъ сей печальной сцены кончину его возвѣстилъ единственно крикъ его дочери, увидѣвшей глаза его угасающими и почувствовавшей прекращеніе біенія его пульса.

ГЛАВА XIV.

Принятый нами образъ означенія и измѣренія времени можетъ приложенъ быть и къ тому, какъ мы цѣнимъ краткое разстояніе, составляющее человѣческую жизнь. Мы взираемъ съ нѣкотораго рода ужасомъ на стариковъ, на немощныхъ, на тѣхъ, кои по ремеслу своему подвергаются вседневнымъ опасностямъ, каждую минуту полагаемъ ихъ видѣть у вратъ смерти, но сей видъ не обращаетъ наши взоры на ненадежность собственнаго нашего существованія; только въ самую ту минуту, когда его лишаемся: „тогда только" какъ говоритъ Юнгъ „и страхъ и надежда пробуждаются вдругъ и силятся прозрѣть за гробомъ. . . . Что? . . . Пучины бездонныя и мрачную вѣчность, безъ возврата поглощающія свои жертвы."

Толпа праздныхъ людей, наполнявшихъ Елленгованской замокъ, за-

нималась единственно дѣломъ, которое ее туда привлекло, не безпокоясь ни мало о несчастныхъ, коихъ разоренiе они разглядывали. Правда, что немногимъ изъ нихъ сiя фамилiя была знакома. Отецъ, выжившiй изъ лѣтъ и изъ ума, отягченный злополучiемъ, ведшiй совершенно уединенную жизнь, былъ забытъ своими современниками; а дочь никогда еще не показывалась въ свѣтѣ. Но когда донесся до всѣхъ слухъ, что несчастный Г. Бертрамъ умеръ, усиливаясь оставить старинное жилище своихъ предковъ; то казалось, что сердца всѣхъ смягчились, какъ скала, пораженная жезломъ древняго Пророка. Говорили о древнемъ происхожденiи сей фамилiи, превозносили ея извѣстное безкорыстiе и наконецъ почувствовали должное уваженiе къ несчастiю, — дань, не требуемая никогда у Шотландцевъ тщетно, и которую въ сiю минуту каждый изъ нихъ платилъ съ усердiемъ.

Г-нъ Макъ Морланъ поспѣшилъ объявить, что онъ отсрочиваетъ

продажу помѣстья и движимаго имѣнія и оставляетъ молодую дѣвицу во владѣніи всего до того времени, пока она можетъ посовѣтоваться съ своими друзьями и исправить похороны ея отца.

Овладѣвшее всѣми зрителями чувство сожалѣнія у Глоссина на нѣсколько минутъ отняло языкъ; но онъ снова собрался съ духомъ, не видя противу себя никакого признака общаго негодованія, и осмѣлился требовать, чтобы Макъ Морланъ приступилъ къ продажѣ.

„Я полагаю нужнымъ ее отсрочить,“ отвѣчалъ ему сей послѣдній, „и беру на себя отвѣтственность сей отсрочки. О днѣ продажи я объявлю всенародно. Общая всѣхъ выгода состоитъ въ томъ, чтобы за проданное имущество выручить денегъ сколько можно болѣе, а настоящее время къ тому не подаетъ большой надежды.“

Глоссинъ столь же поспѣшно, какъ и тайно, скрылся изъ того по-

коя, и весьма пора была ему отшуда убраться, потому что Жакъ Жабосъ уговаривалъ уже часть присутствовавшихъ и доказывалъ, сколь благопристойно и полезно имъ будетъ его выполкать изъ комнаты насильно.

Въ нѣкоторой части за́мка снова нѣсколько устроили порядокъ для принятія въ оной молодой дѣвушки и тѣла ея отца. Маннерингъ счелъ, что присутствіе его становилось тогда безполезнымъ и даже могло быть перетолковано въ дурную сторону; онъ также замѣтилъ, что многія фамиліи, бывшія въ родствѣ съ Елленгвановою и именно отъ нее получившія главной свой блескъ, расположены были генеалогическому своему древу заплатить дань, которой бы никогда не вынудили отъ нихъ несчастія родственника во время жизни его, и что семеро почтеннѣйшихъ членовъ дворянства спорили о чести похоронить на свой счетъ Елленгована, которой, ежели бы не умеръ, то не получилъ бы

отъ нихъ ни малѣйшей помощи, ни убѣжища, подобно Гомеру, о произведеніи коего на свѣтъ спорили семь городовъ. И такъ онъ рѣшился отправиться, и возвратиться недѣли черезъ двѣ, бывъ увѣдомленъ Макъ-Морланомъ, что продажа имѣетъ воспослѣдовать не прежде.

Но до отъѣзда своего онъ приказалъ вызвать къ себѣ Доминуса. Лишь только сей послѣдній узналъ, что чужой ему человѣкъ желаетъ съ нимъ поговорить, то изумленіе изобразилось на лицѣ его, которое, казалось, отъ несчастія сдѣлалось еще длиннѣе прежняго. Онъ Маннерингу поклонился два или три раза весьма низко, и вытянувшись передъ нимъ, въ молчаніи ожидалъ, чтобы онъ изъяснился.

„Вы конечно не угадаете, Г. Сампсонъ, того, что незнакомый человѣкъ имѣетъ вамъ сказать?"

— Развѣ то только, чтобы предложить мнѣ изучить молодаго человѣка словесности или наставить въ познаніи изящныхъ наукъ; но

нѣтъ, я не могу этаго. Мнѣ предлежитъ исполненіе другихъ обязанностей. —

„Желанія мои, Г. Сампсонъ, не простираются столь высоко: у меня одна только дочь и слѣдовательно вы не можете быть ея надзирателемъ.“

— Конечно; однакоже, вѣдь я образовалъ умъ Миссы Люси, такъ какъ управительница дома преподала ей простыя, народныя свѣдѣнія о хозяйствѣ и женскихъ работахъ. —

„И такъ мнѣ должно, сударь, съ вами поговорить о Миссѣ Люси. Вы, какъ кажется, вовсе меня не узнаете?“

Сампсонъ, и безъ того бывшій всегда разсѣяннымъ, не помнилъ ни объ астрологѣ, случившемся въ зáмкѣ во время Генрихова рожденія, ни даже объ иностранцѣ, за часъ предъ тѣмъ вступившемся за покровителя его, на коего нападалъ Глоссинъ, и еще болѣе запутался въ мы-

еляхъ отъ нечаянной смерти своего друга.

„Впрочемъ нѣтъ нужды; я старый знакомый Г-на Бертрама, и имѣю средства и желаніе быть полезнымъ его несчастной дочери. Къ тому же, я сбираюсь, можетъ быть, купить это помѣстье; то хотѣлъ бы, чтобъ въ немъ до продажи оставалось все въ прежнемъ порядкѣ. И такъ, Г-нъ Сампсонъ, прошу васъ принять эту бездѣлку и употребить ее на необходимые домашніе расходы.“ Говоря такимъ образомъ, онъ всунулъ ему въ руку довольно полный кошелекъ.

— *Удивительно-съ!* — вскричалъ Доминусъ: — но пожалуйте подождите, я прошу васъ. —

„Не возможно, сударь, не возможно,“ сказалъ Полковникъ, поспѣшно удаляясь.

— *Удивительно-съ!* повторилъ Сампсонъ, слѣдуя за нимъ по лѣстницѣ съ кошелькомъ въ рукахъ; — но что касается до этихъ денегъ. . . . —

Маннерингъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы, не слушая ничего и не отвѣчая ему.

Удивительно-сð! подтвердилъ Сампсонъ въ третій разъ, дошедши до воротъ; но что касается до этихъ денегъ. . . .

Маннерингъ уже скакалъ верхомъ и не могъ болѣе слышать.

Доминусъ, не имѣвшій никогда въ своемъ распоряженіи ни собственной, ни данной на сохраненіе такой большой суммы, хотя она и состояла не болѣе какъ изъ двадцати гиней, внутренно размышлялъ, что ему дѣлать съ сими оставшимися въ его рукахъ деньгами. По счастію, въ особѣ Г-на Макъ-Морлана нашелъ онъ безкорыстнаго совѣтника, подавшаго ему мысль употребить ихъ на надобности Миссъ Бертрамъ, въ томъ увѣреніи, что таково было намѣреніе благотворителя.

Тогда многія благородныя семейства, жившія въ окрестности, предложили Миссъ Люси гостепрі-

имство, которое она не могла рѣшиться принять, имѣя отвращеніе войти въ домъ, въ коемъ была бы принята болѣе изъ сожалѣнія, нежели изъ дружества. И потому вознамѣрилась ожидать мнѣнія ближайшей родственницы своего отца, которая была старая дѣвица, жившая въ Синчлезидѣ и которую она извѣстила письменно о сдѣланной ею потерѣ и о несчастномъ своемъ положеніи.

Похороны Г-на Бертрама сдѣланы были съ большою благопристойностію, а молодая дѣвушка могла почитать себя лишь временною жительницею того дома, въ коемъ столь долго утоляла горести и немощи стараго своего отца. Г. Макъ-Морланъ подалъ ей надежду, что она не будетъ принуждена скоро оставить сіе убѣжище; но судьбѣ угодно было устроить иначе.

За два дня до назначеннаго времени для продажи Елленгованскаго имѣнія, Макъ-Морланъ каждую минуту ожидалъ прибытія Полковни-

ка Маннеринга, или по крайней мѣрѣ отъ него письма съ полною довѣренностію дѣйствовать подъ его именемъ; но въ своемъ ожиданіи обманулся. Въ день продажи онъ самъ сходилъ рано поутру на почту. Никакого письма не было на его имя; онъ все еще старался увѣрить себя, что Полковникъ явится къ завтраку. Жена его приготовила лучшій свой фарфоръ, пріодѣлась и сама; но всѣ сіи приготовленія остались втунѣ.

„Ежели бы я это предвидѣлъ," сказалъ онъ, „то извѣстилъ бы всю Шотландію, чтобы отыскать кого нибудь, кто бы передалъ выше Глоссина!" Наконецъ наступилъ и часъ продажи; надлежало отправиться на мѣсто, чтобы приступить къ оной. На приготовленіе Макъ-Морланъ употребилъ столько времени, сколько позволяла благопристойность. Онъ прочелъ условіе продажи такъ медленно, какъ будто бы произносилъ свой собственной смертной приговоръ. Каждый

разъ, когда отворялась дверь, онъ бросалъ на нее взоры съ надеждою ослабѣвавшею ежеминутно, внимательно прислушивался къ малѣйшему шуму, полагая непрестанно услышать, что подъѣдетъ лошадь или повозка Полковника. Тщетная надежда! Съ минуту думалъ онъ, что, можетъ быть, Маннерингъ поручилъ комулибо другому торговаться и возвышать цѣну, и даже не остановился на мысленныхъ упрекахъ за недовѣрчивость къ нему, доказанную такимъ поступкомъ; но скоро былъ выведенъ изъ сего заблужденія. По кратковременномъ ожиданіи Глоссинъ предложилъ всю сумму, въ которую было оцѣнено Елленгованское помѣстье. Никто не наддалъ, никто даже не приступалъ къ торгу, и послѣ прошествія нѣкотораго времени, означеннаго истеченіемъ несочныхъ часовъ, Г. Макъ-Морламъ противу желанія и съ стѣсненнымъ сердцемъ нашелся принужденнымъ объявить именемъ закона, что имѣніе присуждено Г-ну Жильбер-

ту Глоссину. Онъ однакоже не согласился остаться на пышномъ пиршествѣ, коимъ помянутый Г. Жильбертъ Глоссинъ, нынѣ владѣтель Елленгована, угостилъ все собраніе, и возвратился домой съ большимъ огорченіемъ, проклиная непостоянство Индѣйскихъ Набобовъ, никогда не знающихъ на канунѣ, чего они захотятъ на другой день.

Однакоже въ семъ случаѣ счастіе великодушно взяло на себя всю хулу и укротило негодованіе честнаго Макъ-Морлана.

Въ шесть часовъ вечера прибылъ нарочный, напившійся до смерти пьянымъ, какъ говорила служанка, и привезъ письмо отъ Полковника Маннеринга, отправленное за четыре дня предъ тѣмъ и писанное изъ города, отстоявшаго отъ Кипплетрингана болѣе ста миль. При ономъ было приложено и вѣрющее письмо на имя Г. Макъ-Морлана, или кому отъ него поручено будетъ, купить, за какую бы то цѣну ни было, Елленгованское помѣстье;

имъ же увѣдомлялъ онъ, что домашнія обстоятельства отзываютъ его немедленно въ Вестмореландъ, куда Полковникъ проситъ писать къ нему на имя Сира Артура Мервина, въ Мервинъ - Галлѣ. —

Въ досадѣ своей Макъ - Морланъ и письмо и довѣренность бросилъ въ лице своей служанкѣ, весьма невинной въ семъ промедленіи; и не безъ труда удержался отъ того, чтобы не поподчивать плетью негодяя нарочнаго, коего лѣность и пьянство были причиною сей неудачи.

ГЛАВА XV.

Галвегіанецъ Иванъ д'Eскаль былъ только ученикъ въ сравненіи съ Глоссиномъ, потому что сей послѣдній открылъ тайну вступить во владѣніе Елленгованскаго помѣстья вовсе безъ непріятнаго обряда отщитывать *наличныя деньги*. Сколь скоро Миссъ Бертрамъ узнала сію неожи-

данную новость, то приготовилась немедленно оставить замокъ. Макъ-Морланъ помогалъ ей въ томъ и столь обязательно упрашивалъ переѣхать къ нему и прожить до тѣхъ поръ, пока она получитъ отвѣтъ отъ своей родственницы или по крайней мѣрѣ будетъ имѣть время одуматься и на что нибудь рѣшиться. Миссъ Бертрамъ отвѣчала, что она почла бы невѣжливостью отказаться отъ предложеній, сдѣланныхъ съ такою ласкою и дружествомъ. Мистриссъ Макъ-Морланъ была благовоспитанная женщина, происходила отъ одного хорошаго семейства и личныя ея качества должны были пребываніе Миссъ-Люси въ ея домѣ сдѣлать пріятнымъ для сей послѣдней. И такъ она нашла себѣ убѣжище, въ коемъ была увѣрена, что ее принимаютъ съ удовольствіемъ, и расположилась съ наполненнымъ горестію сердцемъ заплатить жалованье малому числу служителей, составлявшихъ домъ

ея отца, и потомъ съ ними проститься.

Когда съ обѣихъ сторонъ находятся качества достойныя уваженія, то это весьма тягостное дѣло, а обстоятельства дѣлали оное въ семъ случаѣ вдвойнѣ грустнымъ. Каждый получилъ принадлежавшее ему и даже сверхъ того небольшое награжденіе и простился съ своею молодою госпожею, проливая слезы, осыпая ее благодареніями и желая ей всякаго благополучія. Остались въ залѣ только Г. Макъ-Морланъ, сбиравшійся отвезть къ себѣ молодую гостью, Доминусъ Сампсонъ и Миссъ Люси. „Теперь" сказала бѣдная сирота, „мнѣ остается только проститься съ лучшимъ и старѣйшимъ изъ моихъ друзей; да благословитъ васъ Богъ, Г. Сампсонъ, да наградитъ Онъ васъ за всѣ ваши о мнѣ попеченія и за дружбу, которую вы питали къ несчастному, котораго мы лишились. Я надѣюсь часто получать о васъ извѣстія."

Говоря сіе, она вложила потихоньку въ его руку бумажку, въ коей было завернуто нѣсколько золотыхъ монетъ, и встала, чтобы отправиться.

Сампсонъ также всталъ, но отъ изумленія не могъ опомниться. Никогда не приходила ему въ голову мысль разстаться съ Миссъ Бертрамъ. Онъ развернулъ бумагу и съ помѣшеннымъ видомъ бросилъ деньги на столъ.

„Конечно" сказалъ ему Макъ-Морланъ, „здѣсь весьма мало въ сравненіи съ тѣмъ, что вы заслуживаете; но несчастныя обстоятельства. . ."

Г. Сампсонъ съ нетерпѣніемъ повернулся. — Это не отъ корысти — прервалъ онъ, — нѣтъ; но мнѣ, питавшемуся хлѣбомъ ея отца, не оставлявшему его болѣе двадцати лѣтъ, подумать съ нею разстаться и разстаться тогда, какъ она въ несчастіи! Нѣтъ, Миссъ Люси, вы вѣрно не можете этаго желать. Вы бы не запретили собакѣ вашего отца слѣдовать за вами. Не уже

ли вы въ состояніи обойтиться со мною хуже, чѣмъ съ нею? Нѣтъ, Миссъ Бертрамъ, пока я живъ, я васъ не оставлю! Я вамъ не буду въ тягость. Я нашелъ къ тому удобныя средства; но такъ какъ Руѳь сказала Ноеміи: „не требуй отъ меня, чтобы я тебя оставила или разсталась съ тобою. Повсюду я пойду, куда ты пойдешь; буду жить повсюду, гдѣ ты жить будешь; твой народъ будетъ народомъ моимъ, и твой Богъ моимъ Богомъ; гдѣ ты умрешь, тамъ умру и я, и прахъ мой покоиться будетъ подлѣ твоего.“ Такъ, Миссъ Люси, Богу такъ угодно, и одна лишь смерть можетъ меня съ вами разлучить. —

Во время сей рѣчи, должайшей изъ всѣхъ, когда-либо вышедшихъ изъ устъ Доминуса Сампсона, щеки достойнаго уваженія человѣка орошались слезами и Миссъ Люси, равно и Макъ-Морланъ, не могли удержать и своихъ при семъ неожиданномъ доказательствѣ его привязанности и преданности.

„Г. Сампсонъ!“ сказалъ Макъ-Морлонъ, прибѣгая попремѣнно къ своему платку и табакеркѣ, „домъ мой довольно просторенъ и я могу вамъ предложить у себя постель на все то время, пока Миссъ Бертрамъ сдѣлаетъ намъ одолженіе, въ немъ останется. Я почту себѣ за счастіе, за честь принять человѣка вашихъ достоинствъ и вашего характера.“

Тогда изъ тонкой разборчивости, имѣвшей предметомъ успокоить Миссъ Бертрамъ, которая бы могла почесть нескромностію влачить за собою такого спутника, онъ прибавилъ: „Дѣла мои довольно часто принуждаютъ меня имѣть человѣка, который бы разумѣлъ счеты лучше обыкновенныхъ помощниковъ; вы бы меня весьма одолжили, посвятивъ сему занятію нѣсколько изъ праздныхъ вашихъ минутъ.“

— Конечно, конечно, — подхватилъ съ жаромъ Сампсонъ, — я умѣю ве-

сти счеты простые и многосложные на подобіе Итальянцевъ. —

Почталіонъ, вошедшій въ залу доложить, что коляска давно готова, былъ свидѣтелемъ сего необычайнаго явленія, не бывъ самъ замѣченъ. Возвратясь къ Мистриссѣ Макъ Кендличь, онъ побожился, что въ жизнь свою не видалъ ничего трогательнѣйшаго, и что смерть стараго сѣраго мерена, не тѣмъ будь помянутъ бѣдный покойникъ! ничего не значила въ сравненіи съ симъ.“ Обстоятельство это кажется маловажнымъ, но оно имѣло значительныя послѣдствія.

Наши путешественники были отлично приняты Мистриссою Макъ-Морланъ, а супругъ ея сообщилъ ей и потомъ всѣмъ другимъ, что онъ упросилъ Г. Сампсона потрудиться надъ повѣркою нѣкоторыхъ довольно трудныхъ счетовъ, а для удобнѣйшаго занятія оными перейти въ его домъ. Онъ почелъ приличнымъ дать таковой видъ жительству у него Сампсона, пони-

мая весьма хорошо, что хотя непоколебимая его привязанность къ единственной отрасли Елленгованской фамиліи и приноситъ ей и нему большое уваженіе, но что наружность Доминуса дѣлала его неспособнымъ быть *кавалеромъ* молодой и пригожей шестнадцати-лѣтней дѣвушки, и что одного сего было достаточно, чтобъ ихъ обоихъ подвергнуть посмѣянію.

Доминусъ съ большимъ рвеніемъ занялся счетами, кои Г-нъ Макъ-Морланъ въ самомъ дѣлѣ ему поручилъ; но скоро замѣтили, что всякое утро послѣ завтрака онъ отлучался и возвращался только къ самому обѣденному времени; а вечеромъ уходилъ въ свою комнату и прилѣжно занимался работою, полученною отъ своего новаго покровителя.

Въ слѣдующую субботу явился онъ къ Макъ-Морлану съ торжественнымъ видомъ и положилъ на столъ двѣ золотыя монеты.

„Что это значитъ, Доминусъ?“ спросилъ у него сей послѣдній.

— Часть сего слѣдуетъ вамъ за то, чего стоитъ мое содержаніе, а остальное будетъ къ услугамъ Миссъ Бертрамъ. —

„Но выслушайте меня, мой любезнѣйшій! Труды ваши болѣе нежели вознаграждаютъ меня за издержки на васъ, слѣдовательно я у васъ самъ въ долгу.“

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Доминусъ, протягивая руку, — все это будетъ принадлежать Миссъ-Люси. —

„Очень хорошо, Г. Сампсонъ; но эти деньги. . . .“

— Пріобрѣтены весьма законнымъ образомъ, Г-нъ Макъ-Морланъ: это великодушная награда одного молодаго господина, котораго я обучаю языкамъ и которой беретъ у меня уроки всякой день по три часа. —

Г-нъ Макъ-Морланъ узналъ еще по нѣсколькимъ вопросамъ, что сей щедрый ученикъ былъ молодой Газлевудъ и что всякой день онъ видался съ своимъ учителемъ въ го-

стинницѣ Мистриссъ Макъ Кендличь, которая, узнавъ о безкорыстной привязанности Сампсона къ Миссъ Бертрамъ, доставила ему сего великодушнаго и неутомимаго ученика.

Таковое извѣстіе заставило Макъ Морлана задуматься. Конечно Сампсонъ имѣлъ глубокія познанія въ древней литературѣ и авторы прежнихъ вѣковъ заслуживали, чтобы ихъ читали, но чтобы молодой двадцатилѣтній человѣкъ въ теченіи цѣлой недѣли каждый день дѣлалъ по семи миль единственно для того, чтобъ три часа сряду сидѣть съ глазу на глазъ съ Доминусомъ, и еще другіе семь миль для возвратнаго пути — таковая жадность къ наукамъ показалась ему слишкомъ чрезвычайною, чтобы оной можно было вѣрить. Съ Сампсономъ не нужно было хитрить для объясненія своего сомнѣнія. Голова сего добраго человѣка никогда ничего не вмѣщала въ себѣ, кромѣ простыхъ понятій и не искала въ

нихъ другаго смысла, кромѣ того, которыи казался выраженнымъ словами, употребленными для изъясненія онаго.

„Такъ скажите же, мой любезнѣйшіи! знаетъ ли Миссъ Люси о новомъ вашемъ занятіи?“

— Конечно нѣтъ. Г. Карлъ просилъ меня о томъ ей не говорить, опасаясь, чтобы не пострадала отъ того ея чувствительность; но, — прибавилъ онъ, — не льзя же отъ нея этаго долго и скрыть: потому что онъ намѣренъ изрѣдка приходить ко мнѣ сюда брать уроки. —

„Вотъ какъ,“ сказалъ Макъ Морланъ. „Ага! я начинаю теперь понимать. Ну, пожалуйте же скажите, Г. Сампсонъ, а эти три часа совершенно ли посвящаются наукамъ?“

— Конечно нѣтъ; мы ихъ мѣшаемъ и съ разговорами о чемъ нибудь.

. . . . „*Neque semper arcum*
Tendit Apollo. —

„А о чемъ вы обыкновенно разговариваете?“

— Объ Елленгованѣ, о Миссѣ Люси; потому что мы, Гнъ Макъ-Морламъ, въ этомъ весьма походимъ другъ на друга съ Г. Газлевудомъ; когда я начинаю о ней говорить, то и перестать не могу, и такъ какъ я часто говорю Г. Газлевуду (разумѣется шутя), она у насъ крадетъ половину времени нашихъ уроковъ. —

„Ого!" подумалъ Макъ-Морланъ, „такъ вѣтеръ съ этой стороны дуетъ. Мнѣ кажется, я что-то объ этомъ уже слышалъ."

Тогда онъ задумался о томъ, на что долженъ былъ рѣшиться какъ въ разсужденіи самаго себя, такъ и дѣвицы, находившейся подъ его защитою; потому что отецъ молодаго Газлевуда былъ силенъ, богатъ, гордъ и мстителенъ. Никогда бы не позволилъ онъ своему сыну вступить въ супружество, которое бы не соединило въ себѣ выгодъ большаго состоянія и древняго происхожденія. Наконецъ, имѣя прекраснѣйшее мнѣніе о разсудкѣ питоми-

цы своей, онъ рѣшился воспользоваться первымъ удобнымъ временемъ, въ которое будетъ съ нею наединѣ, чтобъ объявить ей о семъ дѣлѣ, какъ о незначущей новости и съ его стороны не заслуживавшей особеннаго вниманія.

Таковой случай не замедлилъ представь: на другой день поутру послѣ завтрака, когда Мистриссъ Макъ-Морланъ оставила ихъ, чтобы заняться хозяйственными дѣлами, „Миссъ Бертрамъ!" сказалъ онъ сколь можно непринужденнымъ голосомъ, „мнѣ надобно васъ поздравить съ счастливою находкою вашего друга Г. Сампсона. Онъ нашелъ ученика, которой за шесть уроковъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ платитъ ему по двѣ гинеи."

— Въ самомъ дѣлѣ! Я право тому также радуюсь, какъ и дивлюсь. Кто же можетъ быть столь великодушенъ? Развѣ Полковникъ Маннерингъ возвратился? —

„Нѣтъ, нѣтъ, это не Полковникъ Маннерингъ. Но по чему же вамъ не вспомнить о прежнемъ вашемъ знакомомъ, Г. Карлѣ Газлевудѣ? Онъ поговариваетъ о томъ, чтобы сюда приходить брать уроки. Я бы съ своей стороны желалъ, чтобъ это могло устроиться."

Люси покраснѣла. — Я васъ умоляю, Гнъ Макъ-Морланъ, того не позволять! Карлъ уже довольно перенесъ за это. —

„За ученіе древнихъ Авторовъ, моя любезнѣйшая Миссъ Люси? Конечно было время, въ которое они могли много мучить Г. Карла; но теперь онъ учится совершенно изъ доброй воли."

Миссъ Бертрамъ не стала болѣе продолжать сего разговора, а хозяинъ ея, видя, что она внутренно размышляетъ и обдумываетъ какое нибудь намѣреніе, заблаго разсудилъ его прекратить.

Въ слѣдующій день, отведши на сторону Г-на Сампсона, она изъявила ему самымъ ласковымъ обра-

зомъ, сколько внушаетъ въ нее благодарности безкорыстная его привязанность, и съ какимъ удовольствіемъ узнала она о счастливой его находкѣ; но прибавила къ тому, что находитъ большія неудобства для Г-на Карла Газлевуда такимъ образомъ ѣздить брать уроки, и что потому будетъ гораздо лучше на все то время, пока оныя продолжатся, ему самому переселиться къ своему ученику, или по крайней мѣрѣ жить къ нему поближе. Сампсонъ, какъ она того ожидала, отвергнулъ сіе предложеніе. Онъ торжественно объявилъ, что не разстанется съ нею и для того, чтобы быть наставникомъ Принца Валлійскаго. — Но, — прибавилъ онъ — я вижу, что вамъ стыдно дѣлить со мною то, что я выработываю, или, можетъ быть, я начинаю быть вамъ въ тягость? —

„Нѣтъ, точно нѣтъ! Вы были старымъ другомъ моего отца и почти его единственнымъ другомъ. Я весьма далека отъ того, чтобы

думать предполагаемое вами. Во всемъ другомъ вы можете дѣлать все то, что вамъ будетъ угодно; но теперь сдѣлайте одолженіе сказать Г-ну Карлу, что мы съ вами разсуждали о его урокахъ и что я полагаю для него необходимымъ продолжать ихъ иначе, нежели какъ по сіе время."

Доминусъ, повѣсивъ голову, разстался съ нею, и запирая дверь, не могъ не произнесть извѣстнаго стиха изъ Виргилія:

. . . . . *Varium et mutabile semper*
Femina . . . .

На другой день онъ явился съ совершенно разстроеннымъ видомъ, и Миссъ Бертрамъ подалъ письмо. — Г-нъ Газлевудъ, — сказалъ онъ, не будетъ болѣе брать уроковъ. Онъ хотѣлъ слишкомъ великодушно заплатить мнѣ за потерю, имѣвшую для меня отъ того воспослѣдовать; но чѣмъ вознаградитъ онъ самаго себя, лишившись трудовъ моихъ, чрезъ которые могъ бы пріобрѣсть большія познанія? Даже въ разсу-

жденіи чистописанія; онъ въ цѣлый часъ едва могъ переписать эту маленькую записочку, къ тому же раза три переписывалъ ее напередъ начерно, четыре раза перо перечинивалъ, Богъ знаетъ сколько перепортилъ чистой бумаги, а въ три недѣли началъ бы подъ моимъ надзоромъ писать твердо, плавно и четко. Пусть теперь будетъ это Богу угодно! —

Въ письмѣ находилось лишь нѣсколько строкъ; въ нихъ заключались жалобы на жестокость Миссъ Бертрамъ, похитившей у него даже постороннее средство освѣдомляться объ ней. Оное оканчивалось увѣреніями, что, не смотря на строгость ея, ни что въ мірѣ не можетъ измѣнить непоколебимой къ ней привязанности Карла Газлевуда.

Съ помощію дѣятельнаго покровительства Мистриссъ Макъ-Кендличь, Сампсонъ нашелъ нѣсколько другихъ учениковъ, хотя и гораздо низшаго разбора въ сра-

вненіи съ Карломъ Газлевудомъ, и которые не могли столько платить за свои уроки; но онъ не менѣе того имѣлъ удовольствіе въ концѣ каждой недѣли относить къ Г-ну Макъ-Морлану произведенія трудовъ своихъ, изъ коихъ оставлялъ себѣ только небольшой *peculium*, для набиванія на оный своей табакерки и трубки.

Опасаясь, чтобы читатели не подумали, что героя нашего мы забудемъ еще на четверть вѣка, оставимъ Киппленрингант и посмотримъ, что съ нимъ дѣлается.

Конецъ первой Части.

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ.

Въ Тулѣ.

	Экз.
Надвор. Совѣт. Докторъ Сепаровичь	1
Капитанъ . . . . Сеймановъ. - -	1
——— Дмит. Андр. Тейльсъ -	2
Губер. Предводитель Дмитрій Сергеевичь Мансуровъ - - -	1
Генералъ-Маіоръ Евг. Иван. Оленинъ	1
Вице-Губернаторъ Ник. Влад. Колюпановъ - - - - -	1
Генералъ-Маіоръ Евст. Евст. Штаденъ - - - - - -	1
Дѣйс. Стат. Сов. Ник. Петр. Ивановъ	1
Полковникъ Авер. Ив. Гурландье -	1
Полковникъ Пет. Егор. Потаповъ -	1
Полковникъ Алек. Сем. Игнатьевъ -	1
Иванъ Карловичь Калино - -	1
Алексѣй Евдоким. Цвѣтковъ - -	1
Генералъ-Маіоръ Ник. Вас. Козловъ	1
Подполковникъ Андр. Андр. Колзаковъ	1
Григорій Ивановичь Голаваневъ -	1
Стат. Совѣт. Ник. Ив. Кривцовъ -	1
Надв. Совѣт. Егоръ Ив. Гейль - -	1
Капитанъ Андр. Никол. Левшинъ -	1
Кол. Ассес. Алекс. Иван. Михайловъ	1
Директоръ Гимназіи Евг. Ник. Воронцовъ - - - - -	1

Экз.

Никанoръ Ивановичь Соколовъ - 1
Подполковн. Маркъ Кирил. Семпелій 1
Подполковн. Андр. Вас. Яковлевъ - 1
Штабсъ-Капит. Ник. Ал. Смирновъ 1
Иванъ Дмитріевичь Соколовъ - - 1

Въ Ефремовѣ.

Генералъ-Маіоръ Ал. Афон. Хомяковъ - - - - - - 2
Предводитель Пет. Ник. Ильинъ - 1
Его Высокоб. Павелъ Афон. Игнатьевъ - - - - - - 1
Его Высокоб. Ираклій Алекс. Левшинъ 1

Въ Данковѣ.

Подполковникъ Ник. Яков. Купреяновъ - - - - - - 1
Генералъ-Маіоръ Ив. Ив. Миллеръ - 1
Его Высокор. Матв. Матв. Муромцовъ - - - - - - 1
Его Высокоб. Григ. Иван. фонъ Дервигъ - - - - - - 1

Въ Каширѣ.

Предводитель Ник. Анд. Лихаревъ - 1

Во Мценскѣ.

Бригадиръ Сергей Онис. Князевъ - 1

Въ Одоевѣ.

Лейтенантъ Алексѣй Фед. Воейковъ 1
Коллеж. Ассес. Ник. Петр. Воейковъ 1

Экз.

Въ Тамбовѣ.

Дмитрій Никол. Сатинъ - - 2
Иванъ Федор. Левшинъ - - - 1

Въ Орлѣ.

Его Высокоб. Вас. Алекс. Сафоновъ 7

Въ Новосилѣ.

Его Высокоб. Нико. Вас. Шашиловъ 5

Въ Ливнахъ.

Его Высокоб. Григ. Мих. Богдановъ 1

Въ Мирополъѣ.

Его Благородіе Алекс. Алекс. Высоцкій - - - - - - - 1

Въ Усмани.

Его Высок. Дмит. Яков. Болховской 1
— —— Павелъ Ник. Мясновъ - 1

Въ Кронштатѣ.

Капитанъ 1го ранга Мих. Гаврил. Стеновой - - - - - - 1
Капитанъ-Лейт. Алек. Вас. Левшинъ 1
Мичманъ . . . . Бѣлозеровъ - - 1
Тит. Совѣт. Алекс. Иван. Подосеновъ - - - - - - - 1
7го Класса Мих. Ефим. Осташевъ - 1
13го Класса Алекс. Вас. Маклаковъ 1
Кригсъ-Коммиссаръ Фед. Фед. Фроловъ 1

Экз.

Въ Муромѣ.

Генералъ-Лейтп. Дмитр. Дмитр. Шепелевъ - - - - - - - 1
Иванъ Макс. Горностаевъ - - 1

Въ Черни.

Штабсъ-Ротм. Илья Ив. Афремовъ 1

Въ Бѣлевѣ.

Стат. Совѣт. Вас. Алек. Левшинъ - 1
Его Высок. Мих. Богд. Броневскій - 1

Въ Рязани.

Генералъ-Адъютантъ Яковъ Алекс. Потемкинъ - - - - - 1
Его Высок. Ник. Гавр. Рюминъ - 1
— ——— Пав. Иван. Свѣчинъ - 1
Полковникъ Ива. Мих. Татариновъ 1
Влад. Дмитр. Елагинъ - - - 1

Въ Зарайскѣ.

Тит. Совѣт. Матв. Васи. Поваліишинъ - - - - - - 1

Въ Касимовѣ.

Подполковникъ Князь Волконской - 1

ПОГРѢШНОСТИ

въ первой Части.

Стр.	Строк.	*Напечат.*	*Читай:*
6	11	обработываемой	обработанной
7	11	Каплетрингана	Кипплетрингана
—	21	на пр:	на примѣръ:
8	1	возможно	можно
9	3	коимъ	коими
—	26	измараны	и смараны.
13	13	Не могу же	не могу же я
—	21	не обдумавъ:	не размысливъ:
14	12	Лежитъ	Лежишь
19	27	онаго	оной
20	9	Приносило	носило
22	7	за злонамѣреніе	на злонамѣреннаго
23	21	Еллингованское	Елленгованское
24	16	Камфонецъ	Камеронецъ
30	18	Капплетринганъ	Кипплетринганъ
31	7	Родители его и бѣдные	бѣдные родители его
33	6	мстить; за то	за то мстить;
40	10	подвинувъ	подвинулъ
33	8	локонически	лаконически
45	18	Гвидобоначуса	Гвидобонатуса
46	17	*Удивительно!*	*Удивительно-съ!*
56	19	отношеній;	соотношеній;
61	6	противостать	противъ стать
89	9	удалился	удалится
106	23	дѣлались	сдѣлались
107	5	ромесленникамъ	ремесленникамъ
113	26	зоборомъ	заборомъ

Стр.	Строк.	*Напечат.*	*Читай:*
115	19	въ травѣ,	на травѣ,
118	17	Динхивая	Дингавая
119	22	Адаму	Адаму Смиту
120	14	показали	сказали
—	17	обжирающимся	обжирающемуся
130	6	нежели	нежели бы
147	12	Коннеди	Кеннеди
152	25	Даринклейгъ	Дерниклейгъ
158	27	на него было	на него сдѣлано было
161	5	камъ	какъ
170	2	оные	оныя
179	7	проподаетъ	пропадаетъ
199	17	войны	войны,
202	17	двѣнадцать	двадцать
221	24	зборище	сборище
230	13	и я	я
—	21	побудило	побудили
236	3	всего до того	всего, до того
239	1	этаго	этого
—	10	Миссы	Миссъ
—	16	Миссѣ	Миссъ
242	9	Синчлезидѣ	Синглезидѣ
247	10	рѣшиться. Миссъ Бертрамъ отвѣчала, что она	рѣшиться, что Миссъ Бертрамъ
249	25	этаго	этого
255	19	таковоя	таковая
256	13	долго	на долго
262	11	это	какъ